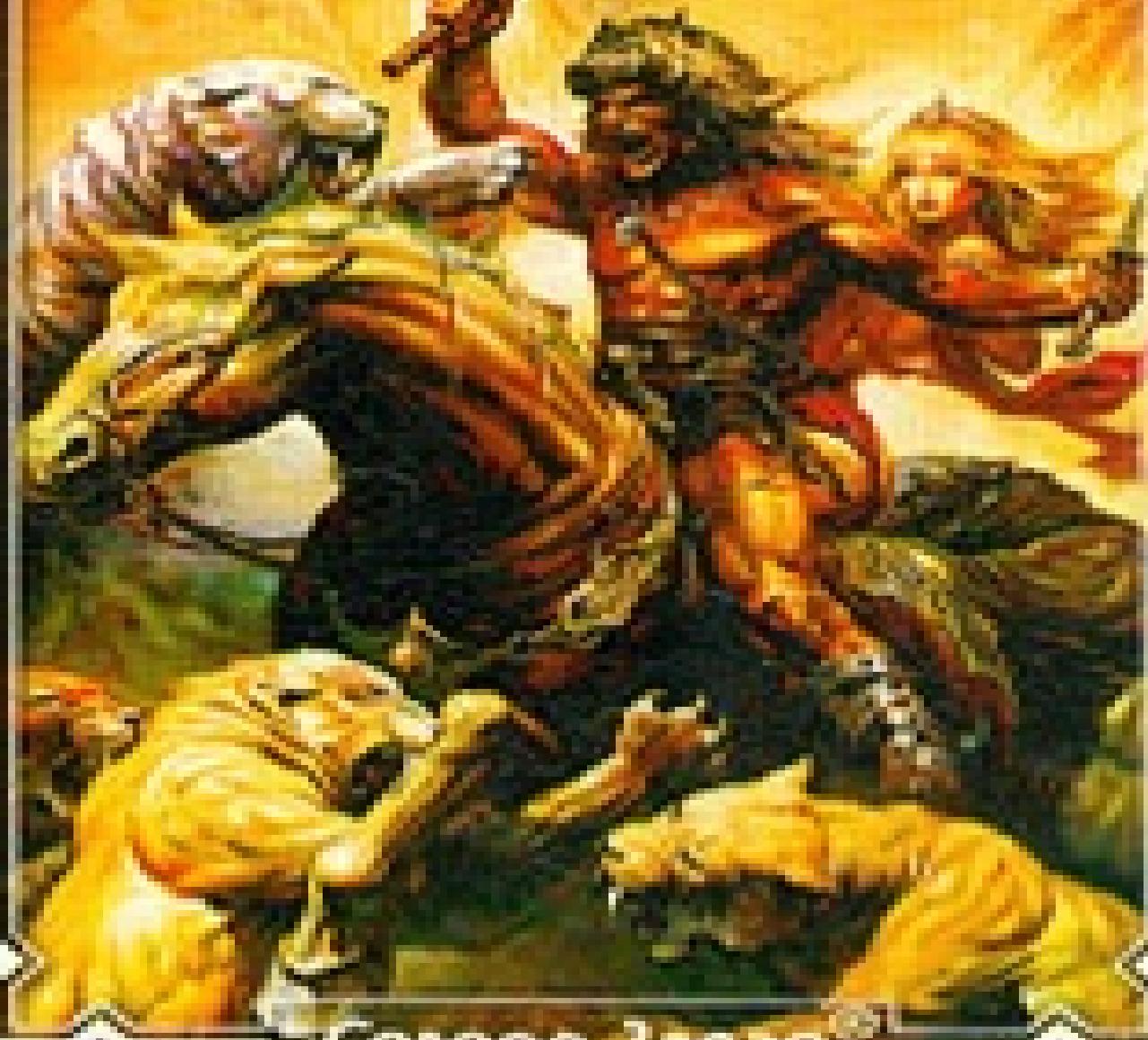

СКАЗКА

КОНАН
И КОПЬЕ
КРОМА

Северо-Запад

Annotation

...и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

«Северо-Запад», 1997, том 29 «Конан и Копьё Крома»

Морис Делез. Ночь паука (роман), стр. 5-256

- [Морис Делез](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
-

Морис Делез
Слуги паука 1. Ночь Паука
(Санкт-Петербург, «Северо-Запад», 1997, том 29
«Конан и Копьё Крома»)

Глава первая

Солнце только что скатилось за горизонт. Сумерки пали на город, но ночь лишь начиналась, и Конан ясно слышал пьяные выкрики завсегдатаев кабачка, из которого полчаса назад вышел сам. Чей-то внезапно оборвавшийся вопль донесся с противоположной стороны, кто-то нехорошо ругался совсем рядом, кого-то били неподалеку. Словом — обычный шадизарский вечер, не хуже и не лучше прочих вечеров.

В последний раз Конан осмотрелся, с высоты пробежав внимательным взглядом по теряющимся в темноте улицам — все было спокойно. Легкой тенью он скользнул в окно, и ставни беззвучно затворились, вырвав его на время из большого, шумного мира.

Шагнув в сторону от окна, он настороженно замер, готовый к любой неожиданности, но вокруг царила мертвая тишина: коридор уходил вправо и влево, охватывая кольцом большое и совершенно пустое, необычной формы, пятиугольное здание. Он хорошо помнил план, который ему дал накануне стигиец. Коридоры, обегавшие по периметру каждый из трех этажей, соединялись винтовой лестницей, уводившей, если спускаться по ней, в обширный подвал. Туда-то и нужно было попасть Конану. Именно там, в потайной кладовой, хранилась якобы семейная реликвия стигийца, которую тот всеми силами стремился вернуть.

Конан ни на минуту не поверил в его неуклюжую историю, но золота оказалось слишком много, а киммериец, как обычно, сидел на мели, и сделка была заключена. Он получил золото и план дома, а стигиец ушел с твердой уверенностью, что не позднее, чем через три дня, станет счастливым обладателем вожделенной реликвии.

В ту же ночь Конан провел разведку и остался вполне доволен ее результатами — дом пустовал уже много лет, а значит, все должно пройти без сучка и задоринки. Правда, его несколько удивило то, что при подобных обстоятельствах стигиец не пришел сюда сам. Взломал бы, не мудствуя лукаво, дверь и забрал талисман... Поэтому в первую ночь Конан не полез внутрь, а попытался разузнать об этом месте как можно больше.

Оказалось, что дом пользуется в городе дурной славой. Некогда здесь было тайное святилище бога-паука Затха. Правда, с тех пор минул не один десяток лет. После чего служители Затха перебрались в Йезуд-город, где жить не имел права никто, кроме жрецов. И с тех пор дом стоял заброшенным, и даже у самых безрассудных, презиравших любые суеверия купцов не возникало желания его купить и поселиться там.

Хотя толком о странном доме никто ничего не знал. Так, смутные слухи, запечатленные в памяти немногих любителей замшелых легенд... Конан не придал им особого значения.

На следующую же ночь он решил пробраться внутрь, и вот теперь стоял в коридоре и прислушивался, но хотя все было спокойно, киммериец не шевелился. Что-то не нравилось ему, хотя причины беспокойства он понять не мог, пока его не осенило: жизнь в городе в это время кипела ключом, но стоило лишь прикрыть ставни — и он оказался словно отрезанным от остального мира.

Тишина в доме стояла буквально мертвая...

Некоторое время он стоял, преисполненный дурных предчувствий, однако аванс был получен, а значит — отступать поздно. Киммериец был не из тех людей, что готовы подолгу размышлять о неведомой опасности, когда можно выступить ей навстречу.

Он пожал плечами и двинулся вперед.

Но если бы Конан задержался у окна совсем ненадолго, то увидел бы, как к дому подходят четверо людей. Двое молодых мужчин, молодая женщина и девушка, почти ребенок. Мужчины беззаботно смеялись, женщина благосклонно принимала их восторженные изъявления чувств, а

девушка молчала, по большей части краснея в ответ на излишне откровенные шутки. Подойдя к дверям, они остановились.

— Какой мрачный дом! — воскликнул огромного роста, плечистый детина. — Не хотел бы я здесь жить!

— Боишься! — обрадовался его приятель.

— Вряд ли тебе когда-нибудь доведется увидеть то, что сможет напугать меня, — с апломбом взразил плечистый.

— Бросьте спорить, мальчики, — поспешила успокоить их женщина, — просто эта темнота да истории, которые Зита неизвестно зачем заставила нас выслушивать весь вечер.

Услышав свое имя, девушка улыбнулась.

— А как же, сестра. Я собираюсь колдовать! Вы будете помогать мне, а для этого нужен соответствующий настрой — теперь он у вас есть.

— Бр-р! — непроизвольно вздрогнул щуплый брюнет, панически боявшийся и колдовства, и колдунов. Пойти с остальными он согласился лишь ради Мелии, сестры Зиты, да и то скрепя сердце. — Верно подмечено — настрой есть!

— Ага! — обрадовался здоровяк, — вот ты и попался, Эмерик! Сам боишься!

— Нечего приписывать мне собственные страхи! — парировал брюнет.

— Довольно спорить, мальчики, — повторила Мелия. — В доме нет никаких призраков — и вообще бояться нечего. Это я вам обещаю.

— Откуда такая уверенность? — недоверчиво поинтересовался брюнет. — Всем известно, что здесь логово Затха, и на нем лежит заклятье. Никто не бывает здесь!

— А вот и нет! — Девушка довольно рассмеялась, словно удачной шутке. — Этот дом уже многие поколения принадлежит нашей семье, хотя мало кто знает об этом. Здесь никто не живет, но отец иногда приводит сюда... гостей. — Мужчины понимающе заухмылялись. — Да что говорить — увидите сами! Ручаюсь, вы будете удивлены.

С этими словами она достала большой, затейливой формы ключ и протянула его Эмерику. Тот повозился немного у двери и через минуту все четверо оказались внутри. Дверь за ними закрылась, и ключ повернулся в замке, отгородив их на время не только от шума улиц, но и от жизни, порождавшей его.

После густых, предночных сумерек, царивших снаружи, им показалось, что они попали в абсолютную темноту. Эмерик завозился, высекая огонь, а Фабиан, воспользовавшись темнотой, поспешил подтвердить свои права на нынешнюю ночь, но в самый неподходящий момент последовала тусклая вспышка. В кромешной тьме она показалась ярким сплохом, и фитиль лампы, вспыхнув, залил все вокруг мягким, желтоватым светом.

Пунцовав от смущения, Зита оттолкнула своего огромного спутника, рядом с которым выглядела маленькой, нашкодившей девочкой, и по-сестрински укоризненно посмотрела на него. Однако Фабиан, испытывавший к ней отнюдь не братские чувства, выглядел весьма довольным собой.

Эмерик окинул их критическим взглядом и с усмешкой произнес:

— Только не здесь, пожалуйста, друзья мои. Потерпите немного — в доме наверняка найдутся подходящие комнаты.

Он посмотрел на Мелию, и она лукаво улыбнулась в ответ.

— Конечно найдутся, милый... но попозже.

— А пока помечтаем об этом «попозже»! — Фабиан недвусмысленно посмотрел на Зиту, в смущении закусившую губу.

— Хватит, Фабиан! — вступилась за сестру Мелия. — Знай меру: твои шутки становятся невыносимыми!

Великан добродушно развел руками.

— Извини, перестарался!

Киммериец медленно шел вдоль длинного ряда окон. Один поворот, второй. Дальше должна быть лестница. Она оказалась мрачной и угрюмой, под стать самому дому. Конан уже ступил на нее, когда его чуткий слух уловил посторонние звуки. Он прислушался и услышал разговоры и смех! Что-то здесь было не так! Проклятый стигиец! Неужели он намеренно свел в одном доме Конана и этих незнакомцев, там, внизу? Но зачем ему столь сложный план?

Впрочем, если стигиец кому и желал зла, то едва ли то мог быть Конан. Они никогда не встречались прежде, а прочим врагам киммерийца ни к чему столь запутанные интриги... куда проще попытаться подловить варвара ночью в переулке и всадить нож между лопаток!

Тогда выходит, стигиец его обманул, и истинная цель — те, внизу, и никакого камня нет? Что ж, вполне возможно. Его обнаруживают. Вор, пойманный в доме, все равно что покойник, а значит, чтобы остаться в живых, он должен будет убить. Тогда понятна и неправдоподобно высокая плата, которую выдал ему стигиец! Киммериец непроизвольно стиснул рукоять меча. Если так, он заставит стигийского выродка пожалеть о вчерашнем разговоре. С ним, Конаном, такие щутки не пройдут! А впрочем... кто же мешает проверить?

Если камень все же окажется на месте, значит, стигиец не соврал, и эти незнакомцы попали сюда случайно. Каких только совпадений не бывает на свете!.. Но вот если никакого талисмана в подвале нет — то за попытку обагрить руки Конана невинно пролитой кровью стигийцу придется самому проститься с жизнью!

Но это после, а для начала не помешает выяснить — что там за люди, и сколько их?

Конан двигался беззвучно и стремительно, как привык с детства пробираться в лесах Киммерии, где от этого умения зависело — будешь ты сегодня сыт или нет, а подчас вопрос стоял гораздо серьезнее — будешь ли ты жив? Слух его обострился до предела, и хотя он не слышал своих шагов, но зато на пределе восприятия различил едва уловимые, совершенно неслышные для нормального человека звуки: далекий, задавленный многометровой толщей камня смех и восклицания мужских и женских голосов, которые с каждым шагом становились отчетливее. Он уже спустился на первый этаж и остановился, осматриваясь; вместо того, чтобы спокойно пойти и взять то, зачем пришел, ему придется теперь выяснить — кого Нергал занес в этот пустующий дом именно тогда, когда он оказался здесь?!

Он повернулся в сторону яркой полоски света, выбивающейся из-за неплотно прикрытой двери, откуда доносились щутки и смех, и осторожно пошел вперед, готовый в любую минуту незримым призраком легко скользнуть в густую тень и затаиться — что бы ни задумал стигиец на самом деле, а убийцей Конан становиться не собирался и потому был сейчас вдвойне осторожен.

С молоком матери всосав принцип — выживает сильнейший, он не слишком трепетно относился к человеческой жизни, и когда было нужно, без колебаний пускал в ход оружие, но убивать просто так, без надобности, считал делом зазорным.

Возле самой двери он замер, мгновенно став похожим на одну из статуй, расставленных вдоль коридора, и прислушался.

— Ну? Где же твоя волшебная книга, моя красавица?

Фабиан насмешливо смотрел на Зиту, которая на протяжении всего вечера терялась и краснела под его откровенными взглядами, и подумал, что, быть может, он и не зря на сегодняшнюю ночь пренебрег ради нее своей постоянной подружкой, Марлиной, женщиной опытной и искусной во всем, что касалось любовных утех, но пресыщенной и капризной. Тут он невольно посмотрел на Эмерика.

Эмерик и Марлина... Было в них нечто, роднившее этих двоих сильнее, чем все узы крови:

слишком рано отведали они сладостей плотских утех, которые пришли им настолько по вкусу, что они оглянулись не успели, как пресытились. И теперь тосковали о днях давно ушедшей невинности, когда забавы, подобные сегодняшней, принимались с восторгом и вызывали неподдельное наслаждение. Сами они давно уже разучились чувствовать что бы то ни было. Правда, Марлина, в отличие от Эмерика, не стала искать разнообразия в извращениях, и за это Фабиан уважал ее. Однако, оставаясь холодна как лед, она каждую их встречу превращала в болезненную, хотя и сладостную пытку любовью. Каждый раз Фабиану стоило большого труда разбудить в ней желание, но когда он добивался этого, она становилась ненасытна, как изголодавшаяся волчица, и доводила его до полного изнеможения...

Конан осторожно заглянул внутрь.

Четверо молодых людей удобно расположились на огромном мягким диване, перед которым стоял низкий столик красного дерева с резными, причудливо изогнутыми ножками. На нем покоился огромный фолиант в переплете синего бархата.

Наконец-то киммериец увидел людей, спутавших все его планы! Он жадно всматривался в их лица, прислушивался к разговорам, пытаясь выяснить, зачем они здесь и насколько могут быть опасны. Они показались ему смутно знакомыми — кажется, всех их он уже встречал когда-то, но в полуумраке это трудно было определить достоверно.

По богатой одежде и манерам было видно, что все они люди знатного происхождения, а значит, в доме могли оказаться и слуги. Впрочем, нет. Вряд ли четверо молодых людей, даже привыкших, чтобы за них все делали другие, отправятся на ночное свидание в сопровождении пышной свиты. Однако всякое бывает.

Конан в очередной раз отпрянул от двери и прислушался, совершенно отключившись от звуков, доносившихся из комнаты. Этому искусству — не слышать того, что не интересует или даже мешает — он научился уже здесь, в Шадизаре. Однако в остальной части дома стояла мертвая тишина, и Конан вновь заглянул внутрь, тщетно пытаясь вспомнить, где же он мог встречать этих четверых.

Тем временем Мелия, искусная на всякого рода выдумки, наблюдала в зеркале за Эмериком, но он даже не подозревал об этом.

Она сумела добиться встречи с ним, хотя это потребовало немалого труда. Ее гордость, положение среди цвета золотой молодежи Шадизара, не позволяли открыто привлекать к себе внимание мужчины, заставляли придерживаться самой для себя выработанных правил, и довольно долгое время Мелия вела тонкую игру, в результате которой Эмерик вначале просто изволил обратить на нее свое божественное внимание, затем последовало неизбежное ухаживание, наконец, к ее тщательно скрываемому от подруг восторгу, завершившееся сегодняшним приключением. Правда, радость оказалась с легкой примесью горечи — слишком уж рассудочным оказалось внимание Эмерика, и Мелия невольно припомнила случившееся с Арлитой, ее лучшей подругой.

Это случилось пару лет назад, когда Эмерик был еще безусым юнцом, но уже пользовался шумным успехом у женщин. Поговаривали, будто он способен холодную, мраморную статую сделать пылкой и горячей. Услышав об этом, Мелия, равнодушно пожав плечами, выразила свое сомнение, и тогда Арлита с горькой ironией рассказала ей о случае, повергшем Мелию в изумление.

Как-то раз на дружеской вечеринке, Арлита позволила себе высмеять Эмерика, а он спокойно предложил ей посоперничать с ним. Она была весьма искушена в радостях плоти и от души смеялась над нелепым предложением Эмерика. Полностью уверенная в своих силах и в том, что вполне способна устоять перед любым мужчиной, остаток вечера она подшучивала над ним, позволив себе несколько весьма ядовитых шуток, которые Эмерик, благосклонно кивая,

принимал с видом снисходительного превосходства. Арлита не понимала причины такого спокойствия. Оно выводило ее из себя, и потому она вовремя не почувствовала опасности и допустила ошибку, согласившись на близость с Эмериком.

Мелия не знала, а Арлита никогда не говорила, чего она хотела добиться тем вечером: любви его или ненависти, но — то ли она не рассчитала своих сил, то ли Эмерик и в самом деле оказался искуснее ее — последним смеялся он. Девушка опомниться не успела, как из великолепной светской львицы, умной и прекрасной, гордой и недоступной, дарящей свою любовь лишь избранным счастливчикам, превратилась в истекающую соком самку, с единственной мыслью в голове — скорее! — и ради удовлетворения этого желания готовой на все. Она не замечала ничего, даже того, что Эмерик внимательно следил за ней, и в тот момент, когда тело ее раненой змеей билось в судорогах предвкушения, спокойно встал и ушел.

Забыв о гордости, она валялась у него в ногах, умоляя остаться, а он издевательски смеялся, глядя на нее, а перед уходом сказал лишь одну фразу: «Слова мало чего стоят», погладил ее по мокрой от слез щеке и, равнодушно повернувшись, ушел.

Она промучилась ночь, а наутро пустилась в разгул. Никто не мог понять, что с ней случилось, но многие поспешили воспользоваться моментом, и все-таки это оказалось не тем, что ей было нужно. Прошла всего неделя, а Арлита уже вновь заигрывала с Эмериком, который, к ее удивлению, охотно принял предложенную роль отвергнутого любовника, и после непродолжительного флирта, от которого оба ясно получили немалое удовольствие, они повторили встречу. Арлита была вне себя от счастья, не учла она только того, что, как оказалось, совершенно не знает Эмерика. В результате этот «ни на что не годный безусый мальчик со смазливым лицом» с огромным наслаждением повторил то, что один раз уже проделал с ней совсем недавно.

Это воспоминание молнией пронеслось в сознании Мелии, и она внимательнее взгляделась в знакомое лицо, и сейчас, в пламени свечей, Эмерик казался ей расчетливей и жестче, чем обычно. Ей страстно захотелось узнать, какие мысли и желания прячутся за этой красивой, но словно неживой маской лица, однако гадать она не решалась. Ей впервые пришло в голову это сравнение — маска. Да, пожалуй, именно так, но что бы ни прятал за ней ее владелец, одно Мелия поняла определенно — то не были мысли о ней, и это добавляло горечи сегодняшней встрече.

Эмерик, занимавший в этот вечер все мысли Мелии, также бросил на нее украдкой взгляд, но не долгий, изучающий, как она, а короткий и стремительный, как полет стрелы, лишь для того, чтобы обновить в памяти ее образ. Взгляд этот не остался незамеченным, но, увидев в нем полное отсутствие интереса, Мелия вздохнула и почувствовала, как против воли в ней начинает подниматься раздражение. Раздражение, вызванное недовольством. Недовольством Эмериком, а еще больше собой.

Вздохнул и Эмерик. Он знал, что Мелия давно охотится за ним и умело подогревал ее пыл, надеясь, что, если повезет, в этой игре возродится и его интерес к женщинам, которого он в последнее время совсем не испытывал. Наконец он посчитал, что время приспело, плод созрел и его пора вкушать, пока не начал портиться. Мелия, правда, вела себя независимо, всем своим видом показывая, что лишь снисходит до его настойчивых ухаживаний и ее готовность отдаваться ему когда угодно, где угодно и как угодно — это всего лишь мимолетная прихоть, милость с ее стороны. Смешная девчонка! Ну что же — пусть себе думает, что все зависит от нее.

Что-то сбило настрой его мыслей, и Эмерик недовольно нахмурился, пытаясь найти причину. Ага! Эта фраза — смешная девчонка! Он подумал так об Мелии, но напомнила она ему о ее сестре — Зите, молодой и робкой, как мальчик-подросток.

Едва это сравнение пришло ему в голову, как он поймал себя на том, что охотно променял

бы Мелию на мальчика, и что сама она, несмотря на его упорные попытки возбудить в себе интерес к этой светской львице, совсем не привлекает его. Это было грустно. Он посмотрел в зеркало на Зиту — пожалуй, он предпочел бы сейчас ее пылкую неопытность жадной ненасытности Мелии. Это могло быть даже интересно. Он даже не нарушил бы ее девственности и вернул бы Фабиану такой, какой взял — неповрежденной!

От этой свежей и многообещающей мысли ему сделалось смешно, и Эмерик рассмеялся, на мгновение став похожим на обычного, живого человека. Видимо, такое состояние было настолько необычным для него, что повергло в изумление его товарищей, но он даже не заметил этого.

Зато заметила Мелия...

«А впрочем, — подумал Эмерик, — почему нет? Нужно лишь сделать так, чтобы Фабиана не оказалось рядом в нужный момент. Ну и, видимо от этого никуда не деться, придется сперва заняться Мелией».

Ясно, как день, что она не перестанет липнуть к нему, пока он не доведет ее до полного изнеможения. На это потребуется время, что несколько омрачало радость, но он решил не портить вечер неприятными мыслями. Все-таки впервые за многие месяцы Эмерик почувствовал нечто забытое, чего не испытывал уже давно — неподдельный интерес к женщине.

Конан с отвращением посмотрел на смеющегося. Чуть старше его самого, женоподобный франт, обильно увешанный золотыми безделушками, он производил впечатление человека, еще не успевшего прожить и трети жизни, но уже пресытившегося ею, утомленного и со скуки состарившегося, так и не став при этом взрослым. Состарившегося душой, телом оставаясь молодым!

Его лицо, с правильными, красивыми чертами, показалось варвару неживой маской, но проникнуть в то, что скрывалось за ней, Конан отнюдь не стремился. И без того ясно, что там нет ничего, кроме глупости да нечистых мыслей. К подобным типам он не испытывал ничего, кроме презрения и брезгливости.

Почувствовав на себе взгляд Эмерика, Зита обернулась, но чуть-чуть опоздала — он уже хихикал над своей удачной мыслью.

Зита вопросительно посмотрела на сестру, не понимая, что же так рассмешило ее кавалера, но та со скучающим видом смотрела в сторону, не проявляя к происходящему видимого интереса, и на мгновение Зита позавидовала ей. Позавидовала ее уверенности в себе, умению держаться, привлечь внимание, соблазнить наконец... Даже Эмерик не устоял перед ее чарами! Впрочем, она почему-то не испытывала к нему влечения. Эмерик былстроен фигурой и красив лицом, однако Зита ощущала в нем изъян, не позволявший ей почувствовать к этому человеку симпатию.

Рука Фабиана легла на ее нежную ручку, и Зита вздрогнула, внезапно осознав, что кавалер ее прижимается к ней все теснее. Однако это вызвало в ней чувства прямо противоположные тем, к которым стремился Фабиан.

Впрочем, ему простительно, ведь он считает, что она влюбилась в него по уши и потому, презрев гордость, решила сама сделать первый шаг, подумала Зита. И он вовсе не виноват в том, что она не испытывает интереса к мужчинам.

К тому же обострять отношения сейчас ни к чему, ведь своего предназначения Фабиан еще не выполнил — хотя и безропотно терпеть его откровенные, а потому все более обременительные притязания девушка тоже не собиралась и потому незаметно отстранилась.

Зита встала, чтобы достать бутыль вина, предусмотрительно захваченную ими из дома, и Конан резко отпрянул. Теперь он мог лучше разглядеть вторую девушку, Мелию, и был очарован ее красотой.

Большеглазая, чернобровая, с правильными чертами лица, божественной грудью и сильными бедрами, с немыслимо узкой талией, она напоминала вендиjsких богинь, какими их изображают люди. Ее красота служила эталоном, недостижимым для других идеалом, предметом зависти многочисленных подруг и вожделения поклонников. Многие мужчины были готовы на все за счастье получить лишь один ее благосклонный взгляд, и она пользовалась этим, флиртуя напропалую, что и послужило поводом для многочисленных сплетен, которые в большинстве своем не имели под собой оснований.

Конан вспомнил наконец, откуда знал обеих сестер, хотя те никогда и не видели его. Знал он и их отца, Тефилуса, который постоянно находился при королевском дворе, в Аренджуне, а в Шадизаре, откуда жена с дочерьми не пожелали уезжать, появлялся лишь изредка.

Более того, Конан даже бывал у них дома, в роскошном особняке, в центре квартала знати, и сохранил об этом визите наилучшие воспоминания. И не мудрено: ведь туда он пришел с пустыми руками, а возвращался бережно унося в роскошном, розового дерева, резном ларце, выложенном изнутри нежнейшим бархатом цвета предночного неба, прекрасную, старинную диадему великолепной работы, с вправленными в нее тремя огромными бриллиантами чистейшей воды, редкого нежно-голубого оттенка.

Диадема хранилась в потаенном стеклом шкафу, запиравшемся замком с хитроумным секретом. Шкаф находился в тайной комнате, доступ в которую был возможен лишь через потайную лестницу. И все это находилось в тщательно охраняемом многочисленной стражей здании.

Удачное завершение этого дела дало Конану основание считать свое искусство вора достойным умения древнего мастера, сотворившего диадему. Правда, справедливости ради стоит упомянуть, что почти никто не оценил мастерства Конана. Никто, кроме покупателя, отсыпавшего золото щедрой рукой, да старого Тефилуса, примчавшегося из Аренджуна сразу, как только узнал о пропаже.

Вот уж кто не остался равнодушным!

В первое же утро он обрушил на жену, дочерей и челядинцев столь мощный поток браны, что содержателю дешевого кабака в Пустыньке его хватило бы на десять лет непрерывных перебранок с завсегдатаями! И тогда Конан понял, почему молодых дочек Тефилуса не соблазнили прелести столичной жизни.

Однако, при всех своих недостатках, Тефилус был умным человеком. Он прекрасно знал, сколь неторопливо действует дознание в Заморе, и справедливо рассудил: если он желает вернуть утраченное, то должен действовать самостоятельно. И он поклялся, что получит диадему, даже если это обойдется ему втрое дороже самой вещи.

Все думали, что за этой угрозой ничего не стоит, но не прошло и недели, как в Шадизар прибыл Та-Май — кхитайский маг, живущий где-то на юге Турана и специализирующийся на поиске краденого. Тут Конан не на шутку встревожился. Колдунов он не любил и ко всему, так или иначе связанному с колдовством, относился недоверчиво. К тому же Конан знал, что в Шадизаре, где умели и любили воровать, не умели ловить воров, — если, конечно, вор не имел глупости попасться на месте преступления — но зато, когда дознанию улыбалась удача, правосудие охотно расправлялось со своей жертвой и делало это с большим вкусом.

Однако тревога Конана оказалась напрасной. Месяц кхитаец рыл носом землю, с утра до ночи носясь по Пустыньке. Он перепробовал вино во всех кабаках, спустил кучу денег игрокам в кости, переспал со всеми шлюхами, обнюхал все нужники, но так ничего и не нашел, потому что Конан, несмотря на молодость — а было это год назад, когда ему едва стукнуло восемнадцать — дело свое знал: работал аккуратно и язык держать на привязи умел, а внутреннее чутье, которое никогда не подводило его, подсказывало, что на этот раз лучше придержать деньги, пока

неизбежный шум не утихнет.

Кхитайская знаменитость так и уехала, ничего не добившись, и старый Тефилус с отчаяния объявил о награде, впятеро превышающей кущ, сорванный киммерийцем с заказчика, но Конан лишь усмехнулся, прекрасно понимая, что, даже явись он с диадемой к Тефилусу, награды ему не видать как своих ушей! Старик сразу поймет, чьих рук это дело, а суд в Заморе скор, и приговор, как правило, разнообразием не блещет... выражаясь одним словом — петля.

Конан вновь посмотрел на Мелию. Она была девушкой умной, и хотя чувственность постоянно толкала ее на поиски любовных приключений, никогда не позволяла себе связей, за которыми не стояла бы по крайней мере влюбленность — чувство родственное любви, пусть и не такое глубокое, но почти столь же редкое. Именно поэтому, увидев ее в компании Эмерика, человека никчемного и пустого, он искренне удивился.

Впрочем, он тут же пожал плечами — его это не касается. «Каждый развлекается, как хочет, или уж, на худой конец, как может», — сказал он себе, и тут же подумал, что сестра Мелии, Зита, удивила его еще больше. Судя по тому, что киммериец слышал о ней, эта юная, не испорченная светской пошлостью девушка сторонилась общества сверстников, предпочитая проводить время за книгами о колдовстве и магии. Мать же смотрела на это сквозь пальцы, считая детским чудачеством, которое со временем неизбежно пройдет.

Легкой, танцующей походкой Зита прошлась по комнате. Взгляд Фабиана жадно бегал по ее стройной фигуре. И как только он раньше не разглядел ее, считая лишь бледной копией Мелии?! Конечно, она проигрывала в сравнении со своей сестрой-богиней, так что ж с того? Пусть богиня прекрасна, но и фея полна очарования! Да и пять лет разницы в таком деле значат очень много!

Фабиан посмотрел на Мелию. В ее облике не было и следа детской чистоты и наивности, что так красили постоянно и по любому поводу заливающееся румянцем лицо Зиты. Мелия была опытной и капризной девушкой, знавшей цену и своей красоте и своему положению в обществе. Поэтому друзей она выбирала придирчиво, и многие получили отставку по причинам, так и оставшимся для них неясными.

Фабиан поймал себя на мысли, что не может отвести от нее восторженного взгляда. Когдато и он пытался добиться благосклонности богини, но, получив отказ, разделил судьбу неудачников. Но теперь желание вновь всколыхнулось в нем, окатив горячей волной. Он и думать забыл о том, что только что превозносил незрелые прелести Зиты. Стоило ему увидеть Мелию, и младшая сестра перестала существовать для него!

От этих мыслей его отвлекла опять-таки Зита, вернувшаяся с вином и бокалами, и, увидев ее вновь, Фабиан понял, что не собирается отказываться и от младшей. Он тряхнул головой — это было какое-то наваждение!

Глаза его плотоядно засияли и он, сам не понимая, причины подобной уверенности, решил, что сегодня непременно овладеет обеими. Чего бы это ему ни стоило, а дальше — будь что будет!

Он украдкой посмотрел на Эмерика, и вожделение в его взгляде сменилось злой иронией — давно пора тебе, братец, отправляться на охоту за мальчиками. Нечего тебе делать здесь, среди нормальных людей!

Конан, отступив в тень и на время позабыв обо всех на свете стигийцах и талисманах, также пристально наблюдал за сестрами, невольно сравнивая красоток между собой. Нежные девичьи прелести еще не настолько прискучили ему, чтобы пренебречь ими, даже ради золота.

Он взглянул на Зиту. Пышногрудая и кругобедрая, с осиной талией, она сильно походила на сестру, и все-таки проигрывала в сравнении с Мелией, как проигрывает в сравнении с истинным произведением искусства копия, изготовленная пусть и хорошим, но отнюдь не гениальным

мастером. Хотя обе были небесно хороши! И при случае варвар не отказался бы поближе свести знакомство с обеими.

Конан еще раз оценил каждого из компаний.

Если прежде неизвестные, проникнувшие одновременно с ним в этот заброшенный дом и вызывали у него беспокойство, то теперь, узнав их, он перестал тревожиться. Сестры никакой опасности собой не представляли. Старшую, Мелию, ничто не интересовало, кроме развлечений, а теперь, видно, и младшая, Зита, решила пойти по ее стопам. Да и кавалеры их немногим лучше. Эмерик давно уже пользовался дурной славой в Шадизаре. Его хорошо знали не только в центральной части города, где жила знать, но и в притонах, многие из которых даже не отличавшийся брезгливостью Конан не посещал без нужды.

А Мелию, видно, потянуло на запретный плод. Ну что ж, коли есть аппетит, можно слопать и ежа! Конан пожал плечами. Все это его не интересовало. Важным было лишь то, что никто из этой троицы не мог помешать его планам.

Оставался Фабиан. В отличие от Эмерика, мало на что пригодного, Фабиан производил впечатление человека мужественного, сильного и способного на многое. Ему уже минуло двадцать, и он обладал мощной фигурой закаленного в битвах воина. Конан знал, что Фабиан служит в гвардии правителя и, говорят, недурно владеет мечом. Пожалуй, из всей четверки только он, в случае нужды, сможет оказать сопротивление.

Киммериец в последний раз окинул взглядом сидящих и еще раз посмотрел на Зиту — она явно сторонилась своего нагловатого и самоуверенного кавалера. У него возникла даже мысль помешать их веселью и, возможно...

Но Конан с огорчением вспомнил, что и без того потратил достаточно времени и, прихватив стоявшую рядом лампу, скользнул прочь, так же неслышно, как пришел.

Зита перевернула еще несколько страниц, внимательно вчитываясь в колдовские письмена, пока не нашла нужное заклятье, в то время как остальные лишь с интересом рассматривали замысловатые вензеля, смысла которых не понимали.

Фабиан усмехнулся.

— Ну что, колдуны, нашла свое заклинание?

Кивнув, Зита посмотрела на своего ничего не подозревавшего кавалера, которому вскоре предстояло сыграть его роль, и взгляд ее остался серьезен. Более того, теперь в нем чувствовалась скрытая до сих пор сила, готовая вот-вот выплынуть наружу.

— Да. Я нашла первое из заклятий, что понадобятся мне сегодня.

— О! — опять ухмыльнулся Фабиан. — У нас, похоже, будет насыщенная ночь!

Но Зита оставила его двусмысленное восклицание без внимания. Она выпрямилась и, придав голосу торжественность, нараспев прочитала странную фразу, изобиловавшую рычащими звуками.

— Пир-ра! Тураст тур мир-ра, кар-ран гар-ртаг зир-ра!

Фабиан хотел что-то сказать, но едва Зита произнесла первое слово, как буквы на странице вспыхнули бирюзой.

Стены дома вздрогнули. Эмерик судорожно вцепился в боковину дивана, затравленно озираясь. Пол накренился и стены начали медленно вращаться, понемногу меняя свои очертания.

Как только это случилось, чей-то голос грустно и торжественно возвестил:

— Ахм-маэн!

Слово пришло ниоткуда, возникнув одновременно во всем объеме комнаты, стены которой в унисон отразили его, создав у находившихся внутри людей странное ощущение огромного, пустого зала, древнего и мрачного, с теряющимися в густой темноте стенами, породив у них

ощущение собственного ничтожества.

Ужасный грохот наполнил дом. Воздух стал вязким и словно засветился невидимым огнем. Эмерик моментально вспотел, то ли от повисшего в воздухе напряжения, то ли просто от страха — ему показалось, что сейчас он полетит вместе с диваном прямо на Серые Равнины, в пасть к Нергалу, но грохот прекратился так же внезапно, как и возник. Эмерик недоверчиво осмотрелся — все осталось на своих местах.

Зита стояла, гордо выпрямившись, с достоинством глядя на своих растерявшихся друзей.

Образ огромного, пустого пространства настолько ярко предстал перед глазами Фабиана, что он зажмурился и потряс головой, сбрасывая наваждение. Открыв глаза, он уставился на продолжавшую гореть на странице фразу и почувствовал, что глаза его округлились от удивления.

Буквы изменили цвет. От бирюзы ничего не осталось, и фраза горела густым багровым огнем.

Он открыл было рот, чтобы спросить, что все это значит, но новое превращение заставило его промолчать. Буквы, прежде яркие и четкие, с сочным алым свечением, постепенно распухали и бледнели, и наконец настал момент, когда Фабиан с изумлением осознал, что они отделились от страницы и повисли в воздухе, источая странный аромат свежести после грозы.

Они все больше расплывались, пока не стали наползать друг на друга, перемещаясь, превращаясь в бледное облако, которое росло и рассеивалось, пока не растворилось в воздухе комнаты, оставив на память о себе только запах.

Лишь в этот момент Фабиан, ошелохленный следивший за происходившим, осмелился вновь заговорить. Он уже успел прийти в себя и говорил в привычной, насмешливой манере:

— Что это было, моя колдуны? Надеюсь, нам твое колдовство ничем не грозит?

Зита посмотрела на него с гордостью, впервые за вечер почувствовав себя на высоте — личностью, а не маленькой девочкой в компании взрослых.

— Это ограждающее заклятье. Не знаю, заметил ли ты, но дом построен в форме пентаграммы.

Фабиан был удивлен. Впрочем, как и все остальные — никто из них ничего не смыслил в колдовстве.

— Ну и что?

Зита терпеливо объяснила:

— Это обязательный ритуал. После произнесенного мною заклинания никакое зло не в силах прорваться сюда и помешать нам, равно как и отсюда ничто не в силах будет вырваться, пока я не сниму заклятья!

Эмерик, который, как и все трусы, до смерти боялся всего неизвестного, смотрел на нее остекленевшими глазами. В нем боролись сомнение и страх.

Страх, которого он стыдился и старательно скрывал под маской высокомерия.

— Ты что, девочка, издеваешься над нами?

Зита ничего не ответила, только улыбнулась, и Эмерик вновь воскликнул:

— Уж не хочешь ли ты сказать, что я теперь не смогу выйти из дома, даже если захочу?!

Мелия взяла за руку своего трусоватого кавалера и сказала, смеясь:

— Так и есть, теперь отсюда никто не выйдет. Но успокойся, дорогой — я уже видела подобное. Не о чем волноваться: когда настанет время, Зита снимет заклятье, и все.

Фабиан смеялся, слушая ее. Сперва тихо — так, что его никто не слышал, а потому и внимания не обращал, но постепенно смех его становился все более громовым и безудержным.

Эмерик смотрел на него округлившимися глазами. Все происходившее он понимал на свой лад и совершенно не так, как его приятель.

— Она его заколдовала! — позорно взвизгнул Эмерик. — Он с ума сошел!

На мгновение Фабиан замолк, посмотрел на него удивленным взглядом, и смех его тут же грохнул с новой силой.

— Да она всех нас заколдовала! — наконец сумел он выдавить из себя и, увидев недоумевающее лицо Эмерика, едва не расхохотался вновь. — Неужели ты не понимаешь: самцов привели на случку. Их не выпустят из загона, пока они не удовлетворят самок...

Дальше он не мог говорить, а лишь чиркнул ребром ладони по горлу, показывая предполагаемую границу удовлетворенности.

До Эмерика наконец дошла банальная в своей пошлости мысль Фабиана, и он мгновенно успокоился, проклиная в душе собственную трусость. Чего он испугался? Все ведь так просто! Как только он сам не догадался?!

Он тотчас включился в игру и, покачав головой, осуждающе посмотрел на Зиту.

— Ай да скромница! — и захихикал вслед за Фабианом.

Зита открыла было рот, но Фабиан, не переставая смеяться, махнул рукой, загодя отметая ее возражения.

Девушка задохнулась от ярости и возмущения. От стыда щеки ее вспыхнули, и она отвернулась.

Мелия рассмеялась.

— Сестра, ты сама виновата: всем рассказала, что собираешься заняться колдовством, но никому не объяснила — зачем?

Это незначительное на первый взгляд событие странным образом изменило мысли и настроение всех четверых. Возбуждение еще не спало, заставляя шутить и смеяться, хотя все чувствовали, как изменилась атмосфера в их маленьком обществе. Однако каждый ощущал это по-своему и старался не выражать своих мыслей, старательно делая вид, что все осталось по-прежнему, если не стало лучше — они продолжали развлекаться.

Впрочем, мужская часть компании вполне определенно знала, чего хочет, но если поначалу оба, и Эмерик и Фабиан, испытывали нетерпение, возраставшее с каждой минутой, то теперь, когда времени впереди неожиданно оказалось в достатке, оба почувствовали себя гурманами, единственная забота которых — не растерять аппетит перед обильной трапезой.

Чувства же сестер претерпели более значительные изменения.

К удивлению своему, Мелия осознала, как стремительно падает ее интерес к Эмерику и что от утреннего восторга, когда она, окрыленная предстоящей вечером встречей, витала в облаках, не осталось и следа.

Последняя сцена, когда ее «неотразимый кавалер» по совершенно пустячному поводу едва не забился в истерику, доконала остатки симпатии. Эмерик стал ей неприятен, и она уже понять не могла, как не рассмотрела его раньше.

«Запретный плод сладок, — запоздало пришла ей в голову та же, что и Конану, мысль, — впрочем, — успокоила она себя, — Лучше поздно, чем никогда».

Зита же и вовсе позабыла о своем кавалере. Ее занимало лишь предстоящее колдовство, и ни до Фабиана, ни тем более до Эмерика ей до поры не было дела. Разумеется: позже один из них должен будет принести из потайной комнаты Талисман Силы. Только мужчина может взять его, и если бы не это — Фабиана не было бы рядом. Если придется, она даже готова отиться ему, лишь бы завладеть священным камнем! Однако все это будет еще не скоро, а значит, пока о предстоящем можно не думать. Сейчас важным было другое — они пришли в дом, и подошло время взять камень. Где-то внутри нее стремительно росла уверенность, что больше ждать нельзя.

Пока четверо наверху развлекались, строя свои планы, надеясь на что-то, Конан успел

пройти до конца коридора и спуститься вниз. Теперь можно было никого не опасаться. Он зажег прихваченный фонарь и осмотрелся. Путь ему преграждала массивная с виду дверь, неожиданно легко открывшаяся от несильного толчка. Приятно удивившись, Конан вошел внутрь.

Стены подвала, сложенные из массивных каменных блоков, уходили в темноту. Было сухо, и лишь здесь он впервые почувствовал, что в доме очень давно не было ни души — толстый слой паутины покрывал потолок и стены, а на полу скопилась огромная масса пыли, при взгляде на которую расхожая фраза — пыль веков — получала зримое воплощение.

Он толкнул назад дверь и пошел дальше, утопая в пыли едва ли не по щиколотку.

Стигиец сразу предупредил его, что не знает, в каком месте подвала расположен тайник. Поэтому еще накануне, тщательно рассматривая план, Конан постарался наметить участки, где тот может находиться. Самым реальным из всех вариантов казался дальний конец коридора, поскольку за ним ничего не было, но тогда получалось, что тайник находится вне стен дома, а это было маловероятно.

Прочие места были не столь удобными в плане размещения, зато все они находились внутри здания. Конан пошел вперед, оставляя в пыли дорожку следов. «Кром! Любят же в этом городе потайные комнаты!» — с иронией подумал он, достав кинжал и рукоятью его начал простукивать стену.

Он работал быстро и тщательно и, хотя площадь стены была велика, вскоре имел полное представление о том, где находится скрытая кладкой пустота. Тогда он достал кусок мела и начертил на стене прямоугольник, точно соответствовавший размерам тайника или, по крайней мере, входа в него. По сути, он мог бы и не делать этого — очерченный кусок занимал ровно половину тупиковой стены коридора.

Однако он не ограничился этим, а продолжил свои поиски дальше — справа и слева от себя, а затем обследовал пол и потолок. В результате он с головы до ног покрылся слоем пыли и паутины, но зато удостоверился, что никуда не провалится и на голову ему ничего не упадет. Наконец настал момент, когда можно было заняться делом. Конан отряхнулся и, размяв руки, принялся изучать камни кладки. На каждый из них он пробовал надавливать, сдвигать его в стороны, пока не нашел один, поддававшийся усилиям. Его можно было сдвинуть, и можно было надавить, но как Конан ни старался, какие комбинации движений ни пробовал — ничего не получалось.

И тогда ему пришло в голову, что, может быть, это лишь ложная приманка, призванная отвлечь от настоящего тайника, упрятанного действительно на совесть.

Мысль не была лишена логики, ведь то место, на которое он потратил столько времени, действительно было излишне на виду, и, не тратя времени даром, Конан продолжил поиски в оставшейся неисследованной части коридора. Однако, как он ни старался, а все оказалось напрасно — тайника не было и здесь.

Делать нечего — пришлось ему вернуться и вновь заняться поисками необходимой комбинации движений. Однако результат усилий остался прежним — проклятый камень двигался, но отпирать ничего не желал.

Быть может, сложные внутренности за века бездействия пришли в негодность? Столько времени прошло! Проклятая пыль наверняка забила все свободное пространство, лишив механизм возможности работать. С другой стороны, с трудом верилось, чтобы люди, строившие этот дом, похожий на крепость, с упрятанным в его недрах тайником, не предусмотрели столь опасного противника, как время.

Конан задумался.

Если так, то механизм, видимо, не столь прост. Он вспомнил, как поразило его то, что воздух в подвале оказался совершенно сухим. Кто-то хорошо позаботился о том, чтобы влага не

разъела сталь рычагов. Что же, о сырости подумали, а о пыли нет? Он недоверчиво покачал головой. И дверь открылась на удивление легко... Стоп! Он обернулся. Дверь так и осталась открытой, хотя Конан точно помнил, что сделал движение закрыть ее. Он пошел назад и тронул дверь — она начала закрываться, только когда он приложил значительное усилие. Тогда он вновь попробовал открыть ее, и это оказалось столь легко, словно дверь сама стремилась встать на прежнее место.

Конан усмехнулся и налег на нее плечом. С незначительно возрастающим сопротивлением дверь закрылась, о чем возвестил приглушенный щелчок. Конан отошел на шаг — дверь осталась на месте.

Тогда он вернулся к задней стене и занялся тем, что делал в этот вечер уже не меньше десятка раз — принялся искать нужную комбинацию движений. Возможных сочетаний было не так много, и, наконец, когда он, сперва надавив, сдвинул один из камней к стене и тут же отпустил его, то понял, что поиски его завершились успехом.

Совершенно бесшумно, под действием взведенной дверью пружины, камень выехал наружу, открыв доступ к рычагу, по-видимому приводившему в движение механизм двери.

Это был волнующий момент.

Конан потер друг о друга ладони, отряхнув их от пыли, встал поудобнее, благоговейно взялся за рукоять рычага, потянул и... ничего не произошло.

— А-а-а! Нергалово отродье!

Конан зарычал от ярости. Неужели все-таки что-то сломалось?

Никогда прежде он не встречался с подобного рода тайниками. Обычно все сводилось к тому, чтобы грабитель не мог найти место, где спрятаны ценности. В большинстве случаев это делалось примитивно, в расчете на новичка, а когда удавалось найти сам тайник, то вскрыть его не представляло труда. Однако несколько раз Конану попадались хорошо продуманные хранилища.

Один раз он даже едва не попался, забыв в пылу поисков об осторожности, лишь в последний момент успев вскрыть тайник и спрятаться в нем от стражника, который сам не знал, что охраняет. Тот поискал, поискал и решил, что легкая тень, которую он только что видел, просто померещилась ему в темноте. Он пребывал в этой счастливой уверенности вплоть до того момента, когда пропажа была обнаружена. На его счастье случилось это лишь через не делю после происшествия, и опознать проштрафившегося охранника не смогли.

Это была самая крупная ошибка Конана, и после нее он стал относиться к своему ремеслу с большей серьезностью, справедливо рассудив, что денег раздобыть удастся все равно — не здесь, так там, — а жизнь одна.

Этот случай запомнился ему надолго, и с тех пор он никогда больше не разрешал себе терять хладнокровия. Всегда он оставался спокоен, и это не раз позволяло ему выпутываться из сложных ситуаций. Вплоть до сегодняшнего дня... Впрочем, сегодня ведь все иначе — ему некого опасаться, и время в запасе есть. Быть может, стоит немного размяться и подышать свежим воздухом?

Конан повернулся и пошел обратно, но мысли о хитром секрете не покидали его.

Так, в задумчивости, он взялся за ручку двери и замер, похолодев — дверь не хотела открываться!

Кром! Не хватало еще, чтобы его здесь поймали как крысу! Недаром что-то щелкнуло, когда дверь закрылась — наверняка потайной засов!

Конан в ярости схватился за рукоять меча, хотя и понимал, что от него здесь мало проку.

«Думай! Или отправляйся в пасть к Нергалу!» — прикрикнул он на себя. Из каждого безвыходного положения должно быть, по крайней мере, два выхода!

Он потер виски и попытался рассуждать если уж не здраво, то по крайней мере не впопыхах.

«Стал бы я устраивать ловушки для непрошеных гостей?» — спросил он у себя и сам же ответил: — «Возможно. А стал бы я устраивать ловушку для знающего секрет замка?» — задал он следующий вопрос и скептически покачал головой. — «Нет. Но если да, то предусмотрел бы способ выбраться отсюда самому».

Он чувствовал, что находится на верном пути, и продолжал рассуждать дальше.

— Есть такой механизм? Ведь все обыскано не раз!

— Нет такого механизма!

— Что остается?

— Ты просто не знаешь действия замка, Конан! Или знаешь его не до конца!

— Кром! Так ведь здесь нет ничего, кроме этой двери и проклятого рычага! Нергалу его в зад!

Рассуждая, Конан протаптывал тропинку, поднимая тучи пыли, сам не заметив, когда в споре с собой начал разговаривать вслух. Внезапно он остановился.

Стоп. Дверь, что однажды уже едва не обманула его. Что, если она действует в обоих направлениях? Пожалуй, это стоит проверить.

Он поудобней взялся за рукоять и потянул ее на себя — ни с места. Проклятье! Что же еще он упустил?! Конан задумался. Его не оставляло ощущение, что разгадка близка. Какая-то мелочь оставалась незамеченной, но именно это чувство чего-то недодуманного и вселяло ни на чем не основанную уверенность в благополучном исходе.

Он попытался припомнить все, что делал, свои ощущения, пока, наконец, не наткнулся на то, что как раз и могло оказаться потерянной мелочью. Он вспомнил, что когда пытался открыть дверь, она хоть и не поддалась, но ощущения незыблемости у него не вызвала.

Теперь Конан не спешил. Он спокойно размялся, подошел к двери, поудобней взялся за рукоять и потянул, постепенно наращивая усилие, и дверь действительно поддалась. Киммериец удвоил усилия. Его могучие мышцы налились кровью, и, казалось, еще немного, и прорвав кожу, она брызнет наружу.

Просвет становился все шире, пока не раздался щелчок, заставивший Конана вздрогнуть. Он почувствовал, что сила, тянувшая назад, пропала, отпустил рукоять и с удовольствием расслабился.

Да, такую дверь мог открыть только очень сильный человек! А значит, и тайник наверняка предназначен для вещей более ценных, чем побрякушки, украшавшие жирную шею жены какого-нибудь торгаша!

Он вновь пошел — в который уже раз! — по протоптанной в пыли тропинке, по пути думая о том, что, окажись на его месте человек менее сильный, вряд ли он сумел бы разгадать секрет. Для него подвал стал бы ловушкой, а скорее всего — склепом.

На этот раз рычаг поддался почти без усилий, и огромный кусок массивной каменной кладки бесшумно выдвинулся наружу, открыв проход в тайник.

Конан осторожно вошел внутрь и оказался в маленькой комнате, посреди которой стоял небольшой алтарь, на котором покоился невзрачного вида шар, точь-в-точь, как описывал его стигиец, больше похожий на кусок застывшей смолы, идеально круглой формы. Конан посветил фонарем и поразился случившейся перемене. Даже под слабым светом лампы шар лучился желтым, солнечным светом. Приглядевшись, молодой варвар увидел неведомо как попавшего в самую середину шара паука.

Он вынул из кармана приготовленный заранее кожаный мешочек и, распустив тесьму, протянул руку к талисману.

Именно в этот момент обостренным чутьем дикаря он почувствовал, что что-то изменилось, и напрягся. Отзвук гулкого эха донесся сверху, и вслед за этим он почувствовал, как дрогнули каменные плиты под ногами, и тут же ощущение гудящей пустоты, сперва незаметное, но почти мгновенно ставшее нестерпимым, оборвалось.

Конан настороженно оглянулся. Странное напряжение повисло в воздухе, словно чья-то мощная сила, доселе лишь находившаяся на страже, решила, что момент настал, и поспешила объявить о своем присутствии. Стены зажглись призрачным малиновым светом. Конан торопливо схватил талисман, при толчке скатившийся в кожаный мешочек, словно сам ведал, где ему надлежит находиться, и резко выпрыгнул в пыль коридора, ощущая нараставшее сзади давление, словно кто-то неведомый дал ему пинка, стремясь поскорее выпихнуть прочь.

Глава вторая

Сидя за столом, Зита неторопливо перелистывала толстые страницы, пристально вглядываясь в древние заклинания, но теперь она была одна. Остальные явно не торопились продолжить прерванное занятие, предпочитая немного размяться после устроенного ею представления.

Эмерик был весел и острил напропалую, но явно переигрывал, пытаясь спрятать угнездившийся в душе страх за показной веселостью, втайне кляня Мелию за то, что заманила его в этот проклятый дом.

Фабиан не притворялся, он действительно был весел. На него колдовство Зиты не то чтобы не произвело впечатления, но больше удивило и позабавило, чем напугало. Однако он тоже не испытывал особого интереса к колдовским штучкам, предпочитая держаться от них подальше, а потому и он не торопился вернуться к своей подружке, предпочитая ее обществу пустую, но веселую болтовню в компании Мелии и Эмерика.

Наконец Зита начала проявлять признаки нетерпения. Она давно нашла нужное заклинание и некоторое время ждала, когда друзья обратят на нее внимание, но те были заняты собой. Лишь Эмерик исподтишка поглядывал на Зиту, но как только начал ловить на себе многозначительные взгляды девушки, перестал ее замечать, и ей ничего не оставалось, как встать и присоединиться к остальным.

— Быть может, мы закончим то, зачем пришли сюда?

Она почти просительно посмотрела на Фабиана, которому предстояло сыграть главную роль в предстоящем деле, но кавалер ее не был склонен понимать намеки, хотя и не прочь был сыграть в эту игру, но по своим правилам.

Он нежно обнял Зиту за талию.

— Я согласен, — она посмотрела на него с благодарностью, однако Фабиан продолжал, — но для того, чтобы закончить, нужно по меньшей мере начать.

Во взгляде Зиты промелькнуло недоумение, и Фабиан пояснил:

— Я не стану притираться к словам. Мне все равно, как это будет называться — магия любви или просто магия. Лишь бы поскорее начать!

Великан легко подхватил свою изящную подружку на руки. Щеки ее вспыхнули, и она запротестовала:

— Ну нет же! Нет! Не сейчас. Сперва я должна сделать то, зачем пришла.

Фабиан сделал обиженное лицо.

— Я-то думал, ты пришла сюда из-за меня...

Зита поняла, что сказала не то, и поспешила исправиться:

— Ну конечно из-за тебя! — Она обняла Фабиана за шею и застенчиво, по-девичьи, прильнула губами к щеке. — Но мне нужно взять здесь одну вещь, и я хочу сделать это как можно быстрее, чтобы нам больше ничего не мешало.

Она лукаво и вместе с тем стыдливо посмотрела на своего кавалера.

«Ого! — сказал себе мужчина, довольно усмехаясь. — Похоже, дело выгорит!»

— Что за вещь? — спросил он с почти искренним интересом.

— Старинный талисман, — подумав, ответила она, — он находится в доме, но для того чтобы взять его, нужно спуститься в подвал, предварительно прочитав заклинание, Дарующее успех в задуманном деле.

— Опять колдовство. — Эмерик недовольно сморщился, словно отведал кислого.

Почувствовав, что цель близка, Зита готова была уступить, лишь по инерции продолжая спорить.

— Без заклинания можно обойтись, но с ним будет лучше.

Мелия покачала головой.

— Хватит уже на сегодня колдовства, сестра.

— Всего одно маленькое заклинание, — продолжала девушка, — оно дарует нам удачу.

Эмерик скептически хмыкнул.

— Как то первое, якобы ограждающее от зла, от которого дом перевернулся вверх тормашками, а мы едва не ссыпались Нергалу на рога! — Он усмехнулся. — Если это удача, то что же тогда беда?!

«Неплохо сказано для человека, едва не обмочившего портки!» — подумал Фабиан, а вслух сказал:

— Забудь о том, что ты ведьма, дорогая. Пойдем возьмем, что тебе нужно, и займемся наконец тем, зачем пришли.

Мелия рассмеялась.

— Довольно спорить, сестра. Ты видишь: все против.

— Но ведь это так интересно!

— Дело вкуса, — философски заметил Фабиан, — меня, например, колдовство не интересует вовсе. Зато очень интересуют колдуны, особенно такие хорошенъкие, как ты, моя прелесть.

Он лукаво посмотрел на девушку, и Зите ничего не оставалось, как в который уже раз за вечер покраснеть.

— Вот и отлично! — обрадовалась Мелия. — Я покажу вам дом! — Она обернулась к Эмерику: — Ты ведь еще не видел галереи воинов? Обещаю — тебе понравится!

— Не думаю. — Прикрыв рот ладонью, юноша лениво зевнул. — Кровопролитие никогда не интересовало меня, и мужланы в доспехах тоже. Идите за своим талисманом. — Он вяло махнул рукой, дозволяя им удалиться. — Смотрите на статуи, а я подожду вас здесь.

Он налил себе вина и демонстративно откинулся на спинку дивана.

Молнии сверкнули в глазах Мелии, но никто этого не видел. Против ожидания, ее вовсе не расстроил отказ Эмерика, и вспыхнувший на мгновение гнев был вызван лишь тем, что кто-то осмелился отказать ей! Но он тут же угас, как только девушка поняла, что в душе даже рада отказу! Она уже не желала близости с Эмериком, но впереди была долгая ночь, и при мысли о том, что ей теперь придется избегать притязаний своего кавалера, любви которого она сама добивалась, ее начал разбирать смех.

Ничего не скажешь — хорошую шутку сыграла с ней сестра! Хотя, конечно, она должна быть только благодарна ей.

— Кром! — в сердцах воскликнул Конан.

Он, привыкший никому не давать спуску, впервые оказался в таком дурацком положении! Не иначе как компания наверху решила поразвлечься. Прекрасно! Но только не за его счет! Его никто не приглашал, а стало быть — самое время убираться восвояси! Тем более что дело свое он сделал.

Конан похлопал себя по поясу, проверяя, на месте ли камень, и пошел обратно, по протоптанной в пыли тропинке. Теперь уже в последний раз.

— Да где же эта лампа?!

Натыкаясь на углы и выступы, Фабиан шарил в темноте, беззлобно ругаясь, пытаясь нащупать найти масляный светильник, оставленный у входа.

— Наверное, закатился куда-нибудь, когда дом стоял на рогах.

— Ну и ладно, — примирительно произнесла Мелия, — возьми подсвечник и забудь о лампе.

— И то верно.

Фабиан вернулся в комнату и, повернувшись к Эмерику, спросил:

— Может быть, все-таки пойдешь с нами?

Его приятель лениво отхлебнул вина из кубка и отрицательно покачал головой.

— Ну, как знаешь.

Фабиан пожал плечами и вышел, прихватив со стола массивный бронзовый подсвечник в форме многорукой вендийской богини, держащей шесть свечей. Теперь света хватало, и девушки сразу почувствовали себя свободно и непринужденно.

Зита с интересом смотрела на фигуры, расставленные на невысоких, черного гранита, цилиндрических постаментах вдоль стен голубого и розового карпатского мрамора. На время даже ее желание как можно быстрее получить талисман уступило место естественному любопытству, ведь она, в отличие от сестры, была здесь впервые.

Галерея начиналась с воина в закрывающем грудь и живот кожаном панцире, с рельефно оттиснутыми контурами мощных мышц.

В левой руке он держал узкий овальный щит, закрывающий предплечье, в правой — короткий широкий бронзовый меч. На массивном, бычьей кожи поясе с нашитыми медными бляхами висел внушительных размеров кинжал в кожаных ножнах.

Грудь и плечи следующего закрывали словно вчера надраенные до солнечного блеска бронзовые доспехи. Голову защищал округлый кожаный шлем, закрывавший сзади шею.

Из-под грудного панциря ниспадала к широкому кожаному поясу крупноячеистая сеть, искусно сплетенная из массивных бронзовых колец. У воина был маленький, в локоть, круглый щит и такой же, как у предыдущего, меч.

Дальше ждали своей очереди другие фигуры, каждая в своем, не похожем на прочих, облачении, которые еще лишь предстояло рассмотреть.

— Нам придется идти медленно, — заметила Зита, — чтобы свечи не потухли.

— Прекрасно! — Мелия внезапно ощутила подъем. — У нас будет время осмотреться! Тебе особенно должно быть интересно, Фабиан, ведь это галерея воинов. Не так много прославленных воителей было в Заморе, но их образы, увековеченные в искусно вылепленных из воска фигурах, собраны здесь.

— Но почему воск, любезная хозяйка? Отчего не божественный мрамор, столь точно передающий красоту человеческого тела?

— Лица мраморных статуй мертвы, а наш прадед, великий Ксавер, стремился показать предков такими, какими они были при жизни. Не все получились одинаково, но в целом это ему удалось.

Она пошла вперед, продолжая рассказывать о коллекции, собранной в этой галерее, изумив Фабиана глубоким знанием жизни людей, чьи «чучела» — как он окрестил их про себя — были представлены здесь, но удивление лишь на миг коснулось его. В следующее мгновение его внимание оказалось всецело поглощено идущей впереди Мелией.

В свободной и непринужденной походке ее тело извивалось змеей. Полупрозрачное платье почти не скрывало дразнящей прелести тела, но движения оставались столь естественными, что не давали ни малейшего повода для мыслей об игре.

И тем не менее Фабиан не мог оторвать от нее зачарованного взгляда — каждый шаг что-то неуловимо менял в облике девушки, показывал ее несколько иначе. Она словно позировала художнику, непринужденно меняя образы, предлагая выбрать наиболее понравившийся.

Она хорошо знала, как завладеть вниманием мужчины и как удержать его, и умение это

настолько глубоко вошло в плоть и кровь, став частью натуры, что она уже и сама не замечала того убийственного эффекта, который производит на окружающих ее внешность. Она привыкла быть в центре внимания.

Фабиан бросил случайный взгляд на подсвечник, зажатый в руке, и поразился неожиданному сходству: не знай он об истинном возрасте этой вещи, решил бы, что фигуру богини ваяли с Мелии — сильные, упругие бедра, невообразимо тонкая талия, гордо посаженная голова, царственная осанка и грация пантеры... Его бросило в жар. Фабиан зажмурился, а когда открыл глаза, то, к своему удивлению, обнаружил, что галерея уже кончилась, а он так ничего толком и не видел, кроме первых двух фигур — пока сестры шли, рассматривая знаменитых воинов древности, он смотрел лишь на сводившее с ума тело Мелии!

Он шумно выдохнул и, отведя глаза, дрожащей рукой вытер вспотевший лоб.

— Что с тобой? — Зита участливо тронула его за руку, и Мелия, прервав рассказ, обернулась на ее голос.

Фабиан через силу улыбнулся.

— Жарко.

— Да, душная ночь. — Зита виновато улыбнулась. — Извини, но окон открыть мы не сможем.

— Да ничего, — Фабиан почувствовал себя неловко. — А здесь что собрано? — спросил он, чтобы перевести разговор в иное русло.

— Здесь история нашей семьи: родословное древо, гербы, люди, сумевшие в разное время добиться успеха.

— Понятно.

Фабиан вышел на середину большого шестиугольного зала. Две стены почти полностью были поглощены проемами кольцевого коридора. Та, что находилась напротив них, представляла собой огромное окно, задернутое тяжелыми шторами.

В трех оставшихся — в одной, разделявшей коридоры, и двух справа и слева от окна — были устроены большие ниши или, скорее, небольшие комнаты, полностью тонувшие в темноте.

Фабиан подошел к окну, раздвинул ткань штор, и лунный свет, ворвавшийся в дом, показался им ослепительным.

— Ты говорила о магической завесе? — Фабиан обернулся к Зите. — Я ничего не вижу.

Девушка улыбнулась.

— Слишком яркий свет. Задуй свечи и увидишь.

— Задуй, — передразнил он Зиту, — а где нам потом взять огня?

Он сделал несколько шагов и, оставив подсвечник на небольшом столике в одной из боковых ниш, вернулся к окну. Мелия и Зита уже стояли там.

Младшая из сестер обернулась к нему.

— Присмотрись хорошенько. Ты и теперь ничего не замечаешь?

Фабиан хотел было ответить, что смотреть-то не на что, но тут внимание его привлекла некая странность, действительно существовавшая, которой он не приметил вначале. Он прищурился.

— Все, что за окном, видно не совсем четко, словно окно давно не мыли, но это не пыль.

— А больше ты ничего не видишь?

Девушка с улыбкой посмотрела на своего огромного кавалера. Череда знаменитых бойцов прошлого произвела на нее неизгладимое впечатление, заставив по-иному оценить и Фабиана.

Теперь ее могучий спутник тоже показался ей великим воином, равным своим прославленным предкам, и впервые за вечер она почувствовала к нему интерес как к мужчине, а не как к человеку, приглашенному лишь затем, чтобы выполнить ее поручение, за что после ей

придется расплачиваться телом. Телом, которого еще не касались руки ни одного мужчины, но теперь она вдруг почувствовала, что желает этого.

Быть может, так, из ничего, из случайных встреч и непонятных ассоциаций и рождается любовь? Сперва простой интерес, потом симпатия, которая, в свою очередь, переходит во влюбленность, а потом...

Зита не задумывалась над этой чередой превращений, хотя ее симпатия уже переросла в нечто большее, и теперь она испытывала особую радость оттого, что, несмотря на юный возраст, тоже может чем-то удивить своего друга, быть может, даже дотянуться до его уровня...

Она уже другими глазами смотрела на могучего гвардейца, и странное дело — теперь даже шутки, заставлявшие ее краснеть на протяжении всего вечера, уже не казались ей пошлыми и циничными. Она вдруг увидела в них верный признак влюбленности, способ привлечь ее внимание, выказать свои чувства.

Фабиан, не отрывая взгляда от картины за окном, медленно покачал головой — он по-прежнему не видел ничего особенного. Он посмотрел на Мелию, но та лишь пожала плечами в ответ — видимо, у нее со зрением было не лучше.

— А что мы должны увидеть, сестра?

Зита сдержанно улыбнулась.

— Я не стану говорить. Вы должны увидеть сами, но ваша память еще хранит силу огня — это мешает. Постойте немного закройте глаза и тогда увидите.

Они не стали спорить. Фабиан еще стоял, зажмурившись, когда услышал удивленный шепот Мелии:

— Кажется, я вижу.

Он посмотрел в окно. Едва заметная дымка, прежде казавшаяся ему чем-то сродни тонкому слою пыли на стекле, теперь светилась слабым мерцающим сиянием, очерчивая силуэты деревьев и кустарников нежным серебристым ореолом.

Фабиан вновь посмотрел на Зиту.

— Что ж, выглядит красиво.

Молодая колдунья рассмеялась.

— Действует еще лучше!

Богатырь недоверчиво покосился на девушку.

— Мне интересно проверить.

— Не нужно. Поверь мне на слово, — Зита мягко взяла его за руку, — ты только зря потратишь силы.

Фабиан расхохотался.

— Силы мне не занимать!

— И время...

Она прижалась к великану и, подняв лицо, заглянула Фабиану в глаза. Взгляд ее светился лукавством, в нем чувствовался призыв. Фабиан мгновенно забыл обо всем.

— О, Митра!

Он обнял Зиту, но та ловко, одним гибким движением, вывернулась из его объятий и, озорно смеясь, отскочила в сторону, приняв умопомрачительную позу, с многообещающей улыбкой глядя на него. Фабиан закрыл глаза и облизнул пересохшие губы. Ведьмы! Обе! Что они делают с ним! Он посмотрел на Зиту: стройная и длинноногая — такая же, как сестра, и совершенно другая! Она смеялась.

— Не сейчас, милый! После. Сперва я должна получить камень.

— Ну так идем за ним! — Он решительно шагнул вперед.

— Ха-ха-ха! — Ее звонкий смех прокатился по пустым коридорам. — Как ты нетерпелив!

— Хотя смеялись над ним, Фабиан не чувствовал обиды. — Потерпи, дорогой. Ночь только начинается.

Мелия изумленно смотрела на них. Она-то до сих пор считала младшую сестру неопытной девушкой, почти ребенком, и очень удивилась, когда узнала о ее желании провести ночь вдвоем с мужчиной, а тем более с Фабианом, которого она знала давно, который домогался ее прежде, но получил отставку, так и не поняв — почему. А дело-то объяснялось совсем просто: Мелия вовсе не принадлежала к числу тех, кто готов лечь в постель с кем угодно, даже если это обещает несколько приятных часов.

Она искала «своего» мужчину, но пока не нашла. Даже лучшие из встречавшихся ей, те, кто внушал поначалу интерес, на поверку оказывались либо ни на что не годными представителями мужского племени, либо такими, как Фабиан — пошлыми, похотливыми жеребцами, умело носившими искусно сработанную маску настоящего мужчины.

Фабиан вздохнул и вернулся за подсвечником. Он уже собирался уходить, когда что-то привлекло его внимание. Он прищурился, пытаясь рассмотреть воина, стоявшего на круглом невысоком постаменте у дальней стены ниши, и обернулся к Мелии.

— А это что за предок?

Он поднял свечи повыше, и хотя это не очень-то помогло, принялся рассматривать застывшего в непринужденной позе могучего великана, под стать ему самому, расслабленно опиравшегося на рукоять меча, воткнутого острием в пол меж слегка расставленных ног. Одет он был в черные шелковые шаровары и черную рубаху из тончайшего батиста, отделанную кружевами, перетянутую широким поясом черного бархата.

Огромного роста, пожалуй даже несколько выше Фабиана, с могучими мышцами, которых совершенно не скрывало его легкое одеяние, воин с первого взгляда поражал своей мощью, и Фабиан с неприязнью подумал — он не любил людей сильнее себя, — что не хотел бы встретиться с ним на поле боя.

От неприятных мыслей его отвлекла Мелия. Ноздри его ощутили тонкий аромат ее благовоний, а легкое шуршание шелка подсказало, что она стоит рядом. Почти одновременно он почувствовал и присутствие Зиты.

Считанные мгновения Мелия смотрела на незнакомую фигуру.

— Странно. Я совсем не помню его.

— И немудрено, сестра, — Зита с интересом разглядывала еще одного великана, — здесь так много всего собрано.

Красавица скептически покачала головой.

— И все-таки я совершенно не помню его. Даже не представляю, кто бы это мог быть, а должна бы помнить — выглядит он необычно.

— Что же в нем такого? — холодно спросил Фабиан, сразу пожалев о своем необдуманном вопросе.

— Что в нем необычного? — Мелия пристальнее взгляделась в фигуру у стены. — Начни хотя бы с одежды — с первого взгляда видно, что это наряд человека, привыкшего одеваться так, как ему нравится, а не как принято, а черный цвет наводит на размышления — это явно какой-то символ, но смысла его я понять не в силах.

— Мне кажется, что это одеяние жреца, — задумчиво добавила Зита, — но какому богу он поклоняется... — она пожала плечами, — не могу себе представить.

— Верно, — согласилась ее сестра, — но я бы добавила, что это не простой жрец. Это жрец-воин!

— Ну и все? — Фабиану явно не терпелось закончить разговор и отправиться дальше.

— Нет, — покачала головой Мелия, — не все. Если ты заметил, здесь нет каменных статуй

— все эти фигуры вылеплены из раскрашенного впоследствии воска и довольно точно передают внешний облик человека. И все-таки в них нет жизни, и это понятно. Но посмотри на него. Он словно только что взобрался на постамент и в любой момент готов покинуть его, чтобы вернуться к жизни! А глаза!

— А что глаза?

— Разве ты не видишь? Это не просто стеклянные глаза, как у прочих — тех, что стоят в галерее. Я не знаю, что за сорт стекла использовали при их изготовлении, но я бы сказала, что они сделаны из холодного синего льда, добытого на вершинах далеких северных гор.

Фабиан рассмеялся.

— Ну и фантазия у тебя!

Мелия покачала головой.

— Нет. Так оно и есть. — Она протянула руку, словно желая прикоснуться к стоящей в отдалении фигуре. — Я чувствую жар его тела и если бы не знала, что это невозможно, то подумала бы, что это не кукла — живой человек застыл на постаменте.

Девушка водила рукой в воздухе, повторяя рельеф невероятно мощных мышц могучего тела, словно лаская его. Тела бога, не человека!

Она закрыла глаза. «Вот он, тот, за кем я пошла бы на край света! Да что там на край света — жизнь бы отдала без оглядки лишь за один день, проведенный с ним! Лишь за ночь... И этот идеал вылеплен из воска! Что за нелепая, злая шутка судьбы!»

Зита стояла рядом и улыбаясь смотрела на сестру.

— А из вас вышла бы великолепная пара! — неожиданно воскликнула она. — Женственная Иштар и грозный се верный бог-воин! Это было бы потрясающе!

Мелия зажмурилась, невольно представив себе то, о чем сказала сестра. «О, Иштар! Молю, сотвори чудо! Я жизнь готова отдать, чтобы оно свершилось! Пусть даже ненадолго!»

Ресницы ее предательски отяжелели от соленых капель, и она, боясь, что Зита заметит это, через силу рассмеялась — она была прекрасной актрисой.

— И все равно я верю в то, что сказала!

— Ты скажешь, сестра, — Зита рассмеялась. — Ни один человек не способен простоять не двигаясь столько времени.

— Ну, это легко проверить.

Фабиан легко запрыгнул на настил, выложенный полированными гранитными плитами, на локоть повышавший уровень пола в зале, и ноги его неожиданно разъехались в стороны. В диком, варварском танце он отчаянно размахивал руками, пытаясь удержать равновесие, а когда это ему, наконец, удалось, поспешил соскочил назад.

— Не знаю, откуда привезли воск и где добыли стекло для глаз этого чучела, но становиться из-за него калекой я не желаю — один Митра ведает, как мне удалось не свернуть себе шею! Каким камнем выложен там пол? Он скользок, как тот лед, из которого сделали зенки этому парню!

Видя, что все кончилось вполне благополучно, сестры рассмеялись его шутке.

Мелия не хотела уходить. Ее словно притягивало это место, этот человек, застывший в глубине ниши. Она хотела остаться еще ненадолго, чтобы рассмотреть незнакомую фигуру, но спутники ее явно стремились дальше, и если Фабиана, пришедшего сюда с совершенно определенными намерениями, она понимала — он просто старался приблизить желанный миг, и всякая задержка раздражала его, — то сестра удивляла ее все больше. Она охватила великана за руку и жалась к нему как кошка, что было особенно неприятно Мелии, с детства привыкшей относиться с уважением к окружающим, а еще больше — к себе самой.

— Идем, сестра! — позвала ее Зита. — Мы вернемся сюда днем, и ты сможешь рассмотреть

свой идеал со всех сторон.

И тогда она развернулась и пошла прочь, вслед за парочкой, удалявшейся по коридору в ярком пятне света. Зита шла, держась за руку Фабиана.

— Здесь я чувствую себя гораздо лучше. — Она прижалась к своему спутнику, сама не понимая причины случившейся с ней перемены. — Там, в зале, где стены терялись в темноте, мне было неуютно.

Она поежилась и теснее прижалась к своему спутнику. Фабиан рассмеялся и обнял ее.

— Колдунья, а темноты боишься!

Она нахмурилась, но освободиться от его объятий не спешила, впервые обнаружив, что они приятны, заставляют замирать сердце, а тело дрожать мелкой дрожью.

Она почувствовала защиту сильного мужчины, дарившую ей ощущение безопасности, которого не давало ей еще не пробудившееся в полной мере колдовское искусство. Она улыбнулась своим мыслям, почувствовав их сладость.

— А у тебя, Фабиан, какой герб? — спросила Мелия, нагнав парочку.

— У меня? — На миг Фабиан задумался: он не ожидал такого вопроса. — Я точно не припомню, никогда особенно не интересовался геральдией.

— А все-таки? — не унималась Мелия.

Она снова шла впереди, но теперь ее сводившее Фабиана с ума тело уже не оказывало на него столь сильного впечатления. Физическая близость Зиты действовала на него сильнее.

Он крепче прижал ее к себе, ощутил ее ответный жар, и сердце его забилось сильнее. Теперь он спокойно смотрел на старшую сестру и не чувствовал, как прежде, желания отвлечься, чтобы не сойти с ума. Он наморщил лоб, делая вид, что вспоминает.

— По-моему, там был мастиф.

— Что? — Зита подняла голову и удивленно посмотрела на него.

Заметив, что она с интересом ждет его ответа, Фабиан усмехнулся.

— Да, теперь я точно вспомнил: там было две собаки. Одна из них забралась на другую, и я помню, что момент этот был запечатлен весьма живописно!

— Фу! — В очередной раз покраснев, Зита отстранилась от него, рассерженно ударив кулаком по плечу, но руки не отпустила, а Фабиан, смеясь, продолжал:

— На алом фоне самец огромного мастифа, стоя на задних лапах, склонился над самкой, и...

— Фабиан! Ты просто невыносим! Ни о чем другом и думать не можешь! Это переходит все границы!

Он развел руками и рассмеялся.

— Прости, Мелия! Но в вашем обществе я действительно не могу думать ни о чем другом.

— Что?! — вскипела Зита. — А при чем здесь моя сестра?!

Фабиан почувствовал, что вlip, и принялся изворачиваться.

— Что поделаешь? Волей-неволей я должен играть свою роль беспринципного пошляка!

Зита прищурившись посмотрела на него.

— Смотри, игрок, не перестарайся! В крысу превращу!

Ого! Фабиан не знал, что и подумать. До сих пор эта милая и манящая девочка только краснела да смущалась, и вдруг!.. Он не знал, что и думать, когда во взгляде юной колдуньи неожиданно увидел непреклонную волю, к удивлению его, вызвавшую в нем чувство сильно схожее с робостью.

Конан легко спрыгнул с постамента и беззвучно рассмеялся. Хорошая это все-таки штука — сухая вода! Фабиан явно оценил ее по достоинству — такого залихватского танца ему давно наблюдать не доводилось! Он с сожалением посмотрел вслед уходившей Мелии. Эта девушка

нравилась ему все больше, и дело было вовсе не в ее умопомрачительной внешности. Прежде всего, она была умна, а это — киммериец был твердо уверен — среди женщин встречалось не часто. И у нее была душа, что — как он мог убедиться не раз — встречалось еще реже.

Хохот Фабиана отвлек его от этих мыслей. Что ж — всему свое время. Сейчас он здесь по делу, и дело это почти сделано. Осталась самая малость: подняться на два этажа выше, где окна не забраны решетками, выбраться из дома и спуститься по стене. Конан бесшумно пересек зал и скрылся в темноте.

В ожидании своих спутников Эмерик выпил уже не один бокал вина и сильно захмелел. Поначалу он слышал постепенно затихавшие шутки и смех и прислушивался к тому, о чем они говорили, но постепенно голоса звучали все слабее, пока, наконец, он не перестал их слышать вовсе.

Тогда он принял размышлять, мечтая о том, как это славно будет — использовать девочку Зиту в качестве мальчика. Это даже добавит остроты ощущений! Но постепенно думать об этом ему стало скучно. Проклятье Сета! Ну почему ему все так быстро приедается?! Не успеешь найти что-то новое и многообещающее — глядь, а оно уже надоело настолько, что даже от мыслей тошнит!

Тут он пожалел, что не пошел с остальными — уходили они смеясь. Им и сейчас наверняка не скучно! С расстройства он налил себе кубок, потом еще один, но и этого ему показалось мало. Он выпил порядочно, опьянел, но не развеселился и, от ничего делать, принял листать лежащий на столе фолиант.

Киммериец шел по коридору третьего этажа. Вот и окно, через которое он вошел в дом — приключение подошло к концу. Пожалуй, о нем будет приятно вспоминать — неотличимое поначалу от банальной кражи, оно превратилось в интересное дело, какие встречались нечасто. По правде говоря, подобного у него еще не было, а значит, он приобрел бесценный опыт, который наверняка пригодится ему впоследствии. Пожалуй — это было даже ценнее, чем уже полученная им немалая плата, хотя и та не была лишней.

Одним словом — Конан был доволен собой.

Он подошел к окну и толкнул раму, неожиданно почувствовав, что словно пытается сдвинуть с места гранитную скалу.

Кром! Что еще за шутки?! Он прекрасно помнил, где влезал в дом. Вот и щеколда, которую он специально не задвинул, лишь притворив створки окна. Он налег сильнее, но результат оказался тем же. Повторялась история с подвалом. Мелькнула безумная мысль, что механизм тайника значительно сложнее, а он сделал что-то не так и перекрыл все выходы из дома. Но эта мысль лишь коснулась его и была тут же отброшена. Пусть там срабатывает все что угодно, но никто не помешает ему высадить стекло!

Он схватил массивную мраморную вазу, стоявшую на высокой тумбе, и швырнул ее в окно. Раздался звон разбитого стекла, а дальше случилось нечто странное: мраморная глыба не вылетела в сад, куда Конан направил ее полет, а упала на пол, в кучу стеклянных осколков, раскололвшись от удара пополам.

Конан озадаченно посмотрел на груду мусора под ногами и протянул руку к зияющей пустотой раме окна, при попытке пролететь через которую дурацкий кувшин раскололся надвое. Однако что-то остановило его, шепнув, что не стоит трогать руками это.

И все-таки он осторожно приблизил руку к проему. Сперва он ощутил слабое покалывание в кончиках пальцев, которое постепенно становилось сильнее, и когда рука его начала слабо светиться малиновым светом, он решил, что узнал все, что хотел, и убрал руку, справедливо рассудив, что хотя знания и не бывают бесполезными, но набираться опыта на собственных ошибках имеет смысл лишь в самом крайнем случае.

Как ни странно, Конан не испытывал тревоги. Он уже понял, что деньги стигийца придется отрабатывать. Жаль, что он не знал этого раньше. Тут в памяти Конана всплыл разговор той троицы, когда он стоял в нише зала на постаменте, старательно изображая восковое пугало, которыми был напичкан весь дом.

Они что-то говорили о магической завесе. Теперь он ясно вспомнил это. Фабиан хотел проверить ее прочность, а Зита посоветовала ему не тратить понапрасну сил, и, похоже, она знала, что говорит. Значит, не стоит и стараться. Стало быть, нужно спуститься вниз, разузнать планы веселой компании и уже тогда решать, как действовать.

Эмерик лениво перелистывал страницы. Сперва это развлекало его. Он с интересом рассматривал искусно выписанные вензеля заклинаний. Некоторые из них были невероятно затейливы, другие наоборот — очень просты, но и в них ощущалась та же гармония, что отличала все прочие.

В какой-то момент, опьяненный вином, под сильным впечатлением, навеянным увиденным, ему подумалось, что и он может не хуже этой сопливой девчонки повелевать тайными силами. Вот она книга — источник мудрости древних, накопленный веками!

Кривляясь и пошатываясь, он встал и, подражая позам, жестам и интонациям Зиты, произнес два слова...

Глава третья

— Осторожнее, девочки — лестница здесь очень крутая.

Фабиан остановился на верхней ступени и, нагнувшись, посветил себе под ноги — выщербленные каменные плиты уходили влево и вниз, теряясь в темноте. Он взял подсвечник в левую руку, а правую предложил Зите. Девушка благодарно улыбнулась и оперлась маленькой ладошкой на огромную руку своего кавалера.

— Мелия задумчиво смотрела на них и думала, что, быть может, она ошиблась в Фабиане и на самом деле он вовсе не так плох, как показалось ей пару лет назад, когда он ухаживал за ней. Или за промелькнувшие годы он сумел измениться? Во всяком случае сегодня она с удивлением открыла для себя, что он способен быть не только пошловатым весельчаком, но и галантным кавалером, что оказалось для нее полной неожиданностью. Что ж, если так, то сестре повезло, а ей остается только порадоваться за нее и признать, что самой ей счастье вновь не улыбнулось.

Сколько она себя помнила, ее многочисленные и не слишком продолжительные романы заканчивались с неизменным результатом: быстрым и полным разочарованием в предмете недавней привязанности и незамедлительно следовавшим разрывом. Это было печально, потому что очень скоро обрело явные черты неприятной традиции, к тому же создавая совершенно не соответствующую действительности, досадную репутацию неразборчивой куртизанки.

Размышляя таким образом, она не заметила, как стены дома налились вдруг тревожным багровым сиянием, но зато это заметила Зита, и довольная улыбка мгновенно покинула ее лицо, уступив место тревожному, настороженному выражению — она чувствовала, что произошло что-то такое, к чему ее колдовство не имело отношения. Нечто опасное, таящее смертельную угрозу.

Она замерла, настороженно прислушиваясь, и тревога ее моментально передалась ее спутникам. Они остановились, не понимая еще, что произошло, с надеждой и тревогой взглядываясь в ее лицо, ожидая, что сейчас она все объяснит, успокоит их и незваная гостья по имени тревога уйдет так же незаметно, как и пришла.

Несколько долгих мгновений ничего не происходило, и Фабиан уже собрался пошутить насчет глупых розыгрышей недоучившихся волшебников, когда...

Откуда-то снизу, из недр земли, донесся глухой, полный приближающейся угрозы, рокот. Словно огромная каменная скала, бесчисленные века покоившаяся в самом сердце мрачной обители Нергала, раскололась на множество бесформенных глыб, и вся эта масса понеслась по узкому проходу вниз. Однако гул нарастал, словно этот низ, куда неудержимо рушились обломки, доселе сдерживавшие нечто заключенное внутри, на самом деле был верхом, и в конечной точке пути стояли они — трое растерянных людей, способных лишь ощущать стремительно нарастающий в душах ужас.

Эмерик постоял еще некоторое время в театральной позе всемогущего бога, возвещающего о конце света, потом пьяно икнул, глупо хихикнул, и руки его безвольными плетьями повисли вдоль тела.

Колдовство! Фи!

Он пренебрежительно улыбнулся, сплюнул на ковер, сделал два шага и, безвольно повалившись на диван, долил вина в кубок, прильнул к нему и, осушив залпом, поставил на стол. Видимо, от выпитого в голове у него загрохотало, словно груда камней перекатывалась с места на место, и он запоздало подумал, что не следовало ему столько пить и в дом этот, провалившись он в пасть Нергала, ему не надо было приходить, и не надо было связываться с этой девкой, от

которой, он ведь знал это, ничего для себя получить не мог, и уж тем более не нужно было связываться с ее сестрой! Все равно до нее не добраться, и никого она ему не заменит! Впрочем, и мальчики надоели! Нужно было оставаться дома и напиться! Вино — единственное, что еще приносит ему радость! Впрочем, а чем он сейчас занят, если не этим?

Ему сделалось смешно, и он залился глупым пьяным смехом, кивая брезвально болтающейся головой, отчего камни в его голове ворочались все громче, и чтобы избавиться от грохота, он принял энегично заливать в себя вино.

Конан отдернул протянутую руку и увидел, что не только она, но и сама стена окрасились тревожным пульсирующим светом. Алое мерцание было совсем слабым, но оно не предвещало ничего хорошего — это он понял сразу. Как бы там ни было, а вниз все равно придется идти.

Он повернулся и вновь застыл, застигнутый далеким, глухим рокотом, казалось, прорывающимся сквозь земную твердь. Такое он не раз слышал в горах, когда накопившийся за долгую зиму снег, не выдержав своего веса, срывался вниз, увлекая за собой камни, деревья — все, что попадалось на пути. Но там были горы, и как бы ни опасно было происходящее, но опасность оставалась естественной и зrimой!

Сейчас происходило то же самое — каменная лавина неслась, но неслась почему-то снизу, готовая вот-вот выплеснуться наружу, а на пути у нее стоял он, Конан! Но ведь он не в горах! И хотя чутье дикаря подсказывало ему, что опасность совсем рядом, он не знал, что делать и как избежать ее, куда спрятаться, потому что понятия не имел о том, что ждет его в следующий страшный миг.

Удар оказался столь силен, что дом неизбежно должен был рассыпаться на каменные блоки, из которых был сложен. Должен был, но устоял — силу удара принял на себя заклятье, наложенное юной колдуньей. Заклятье совершенно ненужное в задуманном ею деле, но зато спасшее их жизни.

Допив вино, Эмерик довольно икнул и, улыбнувшись и помахав рукой своему отражению, выгляделому не более трезвым, чем он сам, повалился на диван.

Эта последняя порция оказалась роковой, выбив из его головы остатки пьяного сознания. Он гулко захрапел и не почувствовал удара, лишь качнувшись на мягких диванных пружинах. Кубок выпал из его руки и покатился по полу. Остатки вина вылились на ковер красными, кровавыми каплями.

Чудовищный по силе удар словно подломил ноги сестер и, одновременно вскрикнув и неловко взмахнув руками, они повалились на каменные плиты пола. Фабиана, успевшего уже спуститься на пару ступенек, бросило вниз, и он, бросив подсвечник, покатился по ступеням. Он сразу больно прикусил язык, а потому, как и подобает настоящему мужчине, не издал ни звука, хотя в душе проклинал и Сета, и Нергала со всеми их прихвостнями, моля светлого Митру прийти на помощь.

Раздался звон разбитого стекла, и стало совсем темно. Или наоборот — сначала потух свет, а уж потом что-то разбилось? А может, в глазах у него потемнело от боли? Этого он так и не узнал — как раз в тот момент, когда ему удалось, наконец, задержать свой стремительный спуск, он ударился затылком о стену и потерял сознание.

Инстинктивно Конан пригнулся, и когда удар настиг его, сбив с ног и бросив на пол, он уже был готов к худшему. Его могучие руки смягчили падение, и он остался цел и невредим, когда последовал следующий удар, не столь, правда, мощный, но тоже весьма внушительный, однако то же чутье, что предупредило его об опасности, подсказало ему, что буря миновала или уж по крайней мере резко пошла на убыль.

...Обе девушки, совершенно не приспособленные к такого рода передрягам, чувствовали себя ужасно.

Зита, чутьем колдуны предугадав дальнейшее, еще успела как-то собраться и лишь несильно разбила колено. Она тут же встала, но это было ошибкой — следующий удар, хотя по силе он и уступал предыдущему, бросил ее на пол, вывихнув ступню и разбив о камень локоть.

Мелию же первый удар застал врасплох. Она повалилась набок, ударила плечом о стену, от которой ее через секунду отбросило, протащив по каменным плитам пола, попутно изодрав одежду и тело.

...Эмерик спал, улыбаясь во сне пьяной счастливой улыбкой. Ему снилась морская прогулка, мерный, баюкающий плеск волн за бортом корабля, и не было ему дела ни до Мелии, ни до Зиты, и уж тем более не волновали его мысли о Фабиане.

...Наполнив дом ужасающим грохотом, удары следовали один за другим, постепенно затихая. Казалось, некий великан огромной дубиной бил по стенам дома, силясь разрушить его или уж, на худой конец, повалить набок. Однако, то ли силы его иссякали, то ли ярость пошла на убыль, а может быть, он просто понял, что этот орешек ему не по зубам, но так или иначе, дом оставался на месте, и когда неведомое чудовище поняло, что взломать эти стены не удастся, оно решило выдрать каменный пятигранник из земли, чтобы унести его с собой и уже в спокойной обстановке позабавиться на досуге.

Мелия чувствовала, что все тело ее разбито и горит огнем. Свет погас почти сразу, и она не могла осмотреть себя, но когда удары прекратились, она попыталась встать. И хотя тело болело невыносимо, мысли о том, что с сестрой могло случиться нечто худшее, чем приключилось с ней, заставили ее подняться.

Зита лежала в двух шагах от сестры, у самых ступеней, по которым чудом не полетела следом за Фабианом, и теперь уже не спешила подниматься. Она еще не знала, в какую передрягу все они угодили и что послужило непосредственной причиной случившегося, но была рада, что сумела предугадать грозные события.

Впрочем — это было нетрудно. Талисман Силы был вещью, за которую многие готовы были заплатить хорошую цену. И теперь, когда подошел срок взять его силу, недостатка в желающих сделать это не было, но она предусмотрела такой поворот, и первый визитер смог убедиться в этом!

Спора нет, он оказался чрезвычайно силен, однако не настолько, чтобы преодолеть силу ее заклинания. То же будет и с остальными. Пусть приходят и пробуют силы, пусть дерутся между собой и ждут, когда она выйдет из этих стен — пусть попытаются завладеть камнем. К тому времени мощь ее будет столь велика, что им не поздоровится, даже если это будут все маги Черного Круга во главе с Тот Амоном!

Она будет готова к встрече и загонит их в пасть Нергалу или посадит к нему на рога — смотря по настроению! Древнее пророчество свершится, и она, получив мощь камня, справится со жрецами бога-паука и отомстит за Помелу, которую эти прихвостни Затха сожгли на костре лишь за то, что она не захотела отдать свои силы и знания в распоряжение жрецов! Она исполнит ее пророчество и сделает то, что не удалось той — станет не жрицей Затха, а повелительницей черного божества!

Она не думала ни о сестре, превозмогая боль пытающейся подняться, чтобы помочь ей, ни о Фабиане, по ее прихоти оказавшемся здесь, а теперь без памяти лежащем на каменных ступенях лестницы, ни о пьяном Эмерике, храпящем на мягком диване.

Конан поднялся, придерживаясь рукой за внутреннюю стену дома. Удары постепенно слабели, и он побежал вниз, при каждом прыжке рискуя свернуть себе шею на крутой лестнице, ступени которой все еще стремились выскоичить из-под ног — что бы там, внизу, ни происходило, он непременно должен быть в курсе, если не хочет, чтобы этот дом стал его склепом!

Бег его оставил стремителен и так же бесшумен, как и прежде — несмотря на молодость,

киммериец давно уже научился в опасных ситуациях не терять осторожности, не позволяя эмоциям управлять собой.

Когда он оказался внизу, удары прекратились, и на некоторое время воцарилась тишина. На полу валялись восковые фигуры, сорванные ударами со своих мест, но так и не выпустившие из рук оружия. В остальном все выглядело нормально. Конан огляделся и быстрым шагом пошел вперед, к полоске света, пробивавшейся из-под двери — ему показалось, что она стала несколько ярче, и это ему не понравилось. В тот же миг уловив едва различимый на расстоянии запах паленой шерсти, он пошел быстрее, потом побежал, но у двери остановился и осторожно заглянул внутрь ярко освещенной комнаты.

Мелия сумела подняться, только когда удары прекратились и «качка» успокоилась.

— Зита! — позвала она сестру, боясь что вопрос останется без ответа, но тут же успокоилась, услышав ее голос, в котором явно чувствовалась боль.

— Я здесь, но подняться не могу. Колено разбила и локоть и подвернула ступню.

Видимо, говоря, она ощупывала свои раны, потому что, замолчав, она вдруг вскрикнула и зашипела.

Мелия осторожно пошла на голос, при каждом шаге пробуя пол ногой, ожидая, что в любой момент дом начнет ходить ходуном, как это случилось только что, и пол вновь выпрыгнет из-под ног. На третьем шаге она почувствовала ногу сестры и, забыв обо всем, быстро присела и начала ощупывать ее. Зита взяла ее за руки.

— Нет, нет! У меня ничего не сломано. Просто очень болит нога. — Она помолчала немного и добавила жалобным голосом: — И рука тоже болит. Помоги мне встать.

Она оперлась о плечо сестры и тяжело поднялась, недовольно ворча — оказалось, что досталось не только руке и ноге. Все тело болело, просто почувствовала она это только сейчас.

— Фабиан! — Мелия не сумела крикнуть, но в наступившей вслед за грохотом тишине ее голос прозвучал оглушительно.

Зита поморщилась.

— Не кричи так громко, сестра — у меня голова раскалывается.

— Нужно же узнать, что с ним случилось!

— А что с ним могло случиться? Он же мужчина!

Чего-чего, а такого Мелия услышать от сестры никак не ожидала. Она не понимала, как можно быть столь равнодушной к человеку, к которому только что проявляла нескрываемый интерес, но она тут же поспешила успокоить себя, объяснив поведение сестры вполне естественными болью и испугом.

— Ты ушиблась? — участливо спросила она.

— Нет... не помню, — неуверенно ответила Зита, — наверное, это от грохота.

Мелия ничего не сказала, а встала, опираясь о стену, и, осторожно нащупывая ногой ступени, пошла вниз.

— Ты куда? — В голосе Зиты чувствовалась тревога — по звуку шагов она поняла, что сестра уходит.

— Надо же узнать, что случилось с Фабианом, — ответила та не оборачиваясь, а сама подумала: «Ну конечно же это от страха. Она уже стала приходить в себя, а отдохнет немного, и все встанет на свои места».

Сперва Конан подумал, что в комнате никого нет, но потом услышал слабый стон и, посмотрев внимательнее, увидел на диване закрытого подушками человека. «Один раненый уже есть, и о нем позаботились. Где же остальные трое?»

Комната была затянута сизым дымом, забивавшимся в ноздри, и Конан порывался закашляться, но сдерживался. Он прищурился, пытаясь увидеть, что горело. Удивительным было

то, что, несмотря на удары, массивные подсвечники на широких опорах устояли и горели как ни в чем не бывало, а вот уродливые ножки столика подломились, и сам он валялся теперь на ковре. Рядом лежал фолиант, а на нем упавший подсвечник. Бархат обложки занялся пламенем, страницы изрядно обгорели, а ковер тлел, испуская струи едкого дыма и нещадно смердя, но огня на нем не было.

Конан вошел в комнату и первым делом склонился над лежащим. «Кром! Да он просто пьян!» — изумился киммериец, и, перестав обращать внимание на человека, поднял с пола массивную, в половину его роста, вазу с цветами и вылил воду на расползающееся черное пятно под ногами, — не хватало еще сгореть заживо в доме, из которого нет выхода! — повернулся и вышел.

Прикрыв за собой дверь, так, чтобы осталась лишь узенькая полоска света, он задумался. Нужно было найти остальных, чтобы узнать-таки, что случилось, и хотя он не знал, где их искать, но куда идти, вопроса не возникало — конечно же туда, где он видел их в последний раз!

Мелия спускалась вниз, и ее не покидала мысль, что она упустила из виду нечто странное и очень важное. Ей и в голову не приходило, что сама ситуация была столь необычной, что слово «странная» совершенно не подходило к чему-то, что могло выпасть из ее сознания. Впрочем, сколь бы важной ни оказалась забытая мысль, она не мешала девушке идти вперед. Она шла осторожно, но на первой же ступени едва не подвернула ногу на выбоине в ступени, помянув недобрый словом темноту.

Невольно она остановилась.

Вот оно! Темнота! Как она сразу не вспомнила?! Фабиан ведь нес в руках подсвечник, а она слышала звон разбитого стекла, когда все погрузилось в темноту!

Она посмотрела вниз, и ей показалось, что тьма там не столь непроницаема, как вокруг нее. Невольно она пошла чуть быстрее и с каждым шагом ее подозрения усиливались.

Лестница спускалась винтом, и через десяток шагов она увидела отблески пламени на стене. Она удивилась, не понимая, что это может означать, и пошла дальше, теперь уже не рискуя попасть ногой в пустоту, она ясно видела путь, по которому должна идти.

Через несколько шагов она увидела Фабиана, распластертого на ступенях, и, позабыв о своих синяках, бросилась к нему. Внешне он выглядел нормально и хотя признаков жизни не подавал, глаза открыл сразу, как только она пошлепала его по щеке.

— Ты как, — Мелия склонилась над гигантом, — двигаться можешь?

Он медленно кивнул, показывая, что все в порядке, и, перевернувшись, уселся на ступень, разминая шею и осторожно ощупывая голову. Наконец, видимо удовлетворившись результатами обследования, он посмотрел на девушку.

— Голова гудит, словно внутри кто-то камни дробит. — Он еще раз мотнул помятой шеей. — Вина надо выпить... А что случилось-то? — наконец спросил он. — Помню, как шел, потом лестница взбесилась и выскочила из-под ног, и дальше я спускался уже без нее — быстро, но больно.

— Ну, раз шутишь, значит, с тобой все в порядке.

— Можно сказать и так.

Он поднялся, кряхтя и охая, и Мелия тут же вспомнила о своих синяках и ссадинах, но виду не подала, а пошла дальше, чтобы узнать, что там горит сейчас и что звенело прежде. Все оказалось просто: когда Фабиан уронил подсвечник, тот полетел дальше и угодил в оставленную на полу лампу. Масло растеклось по полу и загорелось. Теперь же от него осталась маленькая лужица, продолжавшая чадить и дававшая все меньше света. Пока она совсем не погасла, Мелия подняла осколки лампы розового стекла, повертела в руках и, вздохнув, выбросила. То, что осталось от лампы, использовать было уже нельзя.

— Сестра! Где ты?! — услышала она голос Зиты, — Мы ждем тебя!

— Иду! — крикнула она и пошла обратно.

«И Фабиан хорош, — подумала она в сердцах, — даже не поинтересовался, как она себя чувствует. Очухался и удрал. — Она вздохнула. — Впрочем, можно ли его винить, наверху ведь осталась Зита».

Обратно шли молча. Зита потихоньку хромала, опираясь на руку Фабиана, и изредка постанывала, ступая на больную ногу. Так они и двигались, пока Фабиан не взял девушку на руки. «Наконец-то догадался», — усмехнулась про себя Мелия. Однако быстроты это им почти не прибавило — было слишком темно. Наконец, они прошли поворот, и впереди показалось слабое серебристое пятно лунного света.

— Хвала Митре! — невольно вырвалось у Мелии. Фабиан опустил девушку на пол, взял у стены кресло и усадил в него Зиту.

— Ну? Рассказывай — что это было?

Она помотала головой, растирая ушибленное колено.

— Не знаю. Могу только догадываться.

— Ну так погадай — чего нам еще ждать? — попросила Мелия.

— Не знаю, но тот, кто снаружи, очень силен. — Она помолчала и добавила: — Судя по силе — кто-то из жрецов Сета.

— Из жрецов Сета? — Мелия была удивлена и не скрывала этого. — А что здесь делать магам Черного Круга? Или ты не все нам сказала, сестра?

Зита внимательно посмотрела на старшую сестру и нехотя кивнула — ей не хотелось говорить, как обстоит дело на самом деле, но и увиливать после всего случившегося от объяснений она не могла.

— Да, так и есть, но история это долгая. Быть может, лучше нам вернуться наверх?

— А зачем? — всполошился Фабиан. — Чтобы полюбоваться на пьяного Эмерика? Прости, Мелия, но по-моему, он крепко набрался еще до нашего ухода.

Мелия кивнула, соглашаясь.

— По правде говоря — мне даже думать не хочется, в каком он теперь состоянии. Фабиан прав, и если здесь найдется еще хотя бы пара кресел...

— Найдется! — успокоил ее великан.

— Ну, тогда слушайте, — сказала Зита, когда Мелия с Фабианом уселись рядом.

Конан, до сих пор слушал их стоя, но поняв, что разговор грозит затянуться, не стал брать кресла, а уселся прямо на полу, у стены, с той стороны коридора, где тень была гуще. Трое сидели в центре зала. Фабиан устроился рядом с Зитой, спиной к окну, напротив них расположилась Мелия.

Ей нравился вид ночного неба за окном, она наслаждалась прохладой ночи, пришедшей на смену послезакатной духоте, с удовольствием чувствовала, как расслабляется избитое, уставшее тело, как затихает боль, а на смену ей приходит сладкая истома, расслабляющая, убаюкивающая.

Она сама не заметила, что голос Зиты доносится до нее словно издалека, как будто она находится в другой комнате, но она еще следила за общим смыслом рассказа, отмечая про себя основные моменты.

Впрочем, многое она знала и до того.

Три века назад Талисман Силы был изготовлен Помелой, одной из жриц Затха, приходившейся им с Зитой пра-пра-.... в общем, какой-то бабкой. Но была она не просто жрицей. Она задумала возвыситься, не служа богу-пауку, а заставив его служить себе. Она была сильной колдуньей, и искусство увеличивало ее силу, а сила позволяла совершенствовать искусство.

Одно подталкивало другое, и Помела рвалаась вперед, пока в один прекрасный момент не решила, что время настало, и она в силах осуществить задуманное. Она начала готовиться к овладению силой Затха, но мечтам ее не суждено было осуществиться.

Никто не знает, как жрецы прознали о ее планах. Быть может, она сама допустила оплошность, выдавшую ее, но за ней следили. Скорей всего, сама идея порабощения бога была абсурдной, невыполнимой. Так или иначе, но когда она уже считала дни до назначенного ею же срока, ее схватили, хотя ничто не наводило на мысль о готовящейся расправе, что говорит о тщательности осуществленного жрецами плана. Ее допросили с пристрастием, желая выведать все секреты, но она лишь смеялась в ответ, и тогда, поняв, что добиться от нее ничего не удастся, ее сожгли на костре...

Семья с трудом избежала участия Помелы. Они вынуждены были бежать из страны и возвратились домой лишь пятнадцать лет спустя.

А пытали ее жрецы не зря. Они знали, что она создала несколько магических предметов невероятной силы, но найти ничего не смогли. Уже на костре она смеялась крикнула своим палачам:

— Вы думаете, что уничтожили меня?! Нет! Минует три века, и в нашем роду появится на свет девочка, которая затмит меня своей силой!

Мелия неоднократно слышала эту историю, но ей никогда и в голову не приходило, что можно относиться к ней серьезно, а вот оказалось, что все даже серьезнее, чем ей хотелось бы.

Конан машинально поглаживал талисман, мирно покоявшийся в замшевом мешочке за бархатом пояса, и думал. Из рассказанного он уже слышал кое-что и прежде, правда совсем немного, стигиец же вовсе ни о чем не упомянул, но теперь он понимал почему, и понятной стала цена.

Правда, только сейчас от Зиты он услышал, что талисман лежал все эти годы не просто так. По крошечной, незаметной ни для чего живого частице, копил он силы.

И сила шла к нему от всего живущего на земле — будь то обезумевший от ярости раненый слон, проламывающийся сквозь непроходимые джунгли, или тоненькая травинка, затаившийся перед стремительным прыжком тигр или его жертва — маленькая робкая лань. Все одинаково отдавали свои силы, а талисман их собирал. Собирал и берег. Собирал по крошке, по капле, по крупице, но за пролетевшие столетия обрел огромную мощь.

Вполне понятно, почему стигиец ничего не сказал ему о предназначении талисмана. Правда, Конану то он все равно был ни к чему. Колдовским чарам он предпочитал холодную сталь и верную руку — эти двое никогда не подведут. Не то что колдовство, в чем могла убедиться пра-пра-пра... — тыфу ты! — бабка Зиты.

Киммериец дослушал рассказ до конца и с удивлением подумал, что та единственная мелочь, о которой все-таки поведал ему стигиец, отсутствовала в рассказе молодой колдуньи, хотя ее рассказ был многое подробнее, а пропущенная деталь, мягко говоря, немаловажной.

Он как сейчас слышал голос стигийца.

— Только мужчина может взять его с алтаря, но и дня не проживет взявший его голыми руками!

Сперва он удивлялся такой странной заботливости заказчика, но потом подумал, что фраза «и дня не проживет» вполне может иметь буквальный смысл, и в таком случае, не упомянув об этой мелочи, стигиец рисковал остаться без талисмана.

Зита же первую часть этой фразы произнесла, а вот что касается второй... Впрочем, вполне возможно, что она уже говорила об этом своему спутнику и не сочла нужным повторяться. И уж в любом случае — это не его дело.

Мелия почти спала. Голос Зиты постепенно слился в однообразное бормотание, и она уже

не различала отдельных слов.

Она слишком устала, и все чаще глаза ее закрывались сами собой. Мелия видела полную луну за окном, окруженную серебристым ореолом. Закрывала глаза, и некоторое время образ ночного светила продолжал висеть перед глазами. Потом он тускнел и пропадал. Тогда она открывала глаза, и все повторялось сначала.

Это было приятно — дурманящая явь, густо замешанная на полусне, и спокойный, монотонный голос сестры.

Мысли ее становились все более ленивыми и вялыми, она чувствовала, что засыпает, когда что-то нарушило устоявшийся ритм. Сперва она не обратила на это внимания, но состояние безмятежной отрешенности ушло, а успокоение не приходило.

— Иди ко мне...

Сперва она удивилась: что значат эти слова, куда зовет ее голос, и кому он принадлежит? Но тут же мысли ее оборвались.

— Иди ко мне...

Мелия не понимала, что происходит. Рядом что-то монотонно бубнила сестра, но она уже не понимала, о чем та говорит. Слова Зиты слились в сплошной, ничего не значащий звуковой фон, одуряюще-однообразный, и в какой-то момент она почувствовала, что не может оторвать взгляда от картины за окном, хотя, что ее там привлекает, тоже понять не могла.

— Иди ко мне...

Мир за окном померк. Звезд уже не было видно. Только самые яркие из них прорывались сквозь тьму, нависшую над миром, да серебряный диск луны по-прежнему висел за окном.

«Тьма. Ночью и должно быть темно. Скоро будет темно и днем...» Мысль родилась сама собой, без ее участия, заставив содрогнуться, вызвав резкий протест!

Но лишь на миг...

— Иди ко мне...

Тьма обрела зrimые очертания, решила показаться ей, но Мелия не могла понять, кто это или что. И все-таки главное, если это было главным, было достигнуто: теперь она знала, что кто-то стоит за окном и зовет ее.

Она вглядилась пристальнее, и хотя образ зrimо присутствующего Незримого собеседника ускользал от ее взгляда, зато его почувствовало ее бедное, измученное тело: сердце сжалось от смертельного холода, остановился беспорядочный хоровод мыслей, и тогда она увидела его и глазами, но то, что увидела, повергло ее в ужас.

Она хотела закричать, или это только показалось ей?

— Иди ко мне...

Руки девушки сжали подлокотники кресла так, что пальцы побелели. Ее душа плакала от невыносимой боли и страха, и слезы текли по щекам. Она хотела отвести взгляд, но не могла. Она понимала, что нельзя делать то, что приказывает Незримый, но вместо этого встала, медленно, словно деревянная кукла, и пошла к окну, повинуясь немому призыву:

— Иди ко мне...

Зита только что закончила рассказ и теперь внимательней присмотрелась к сестре — что-то не нравилось ей в облике Мелии. Та не отвечала на вопросы и никак не реагировала на ее рассказ. Она все чаще сонно моргала, и Зита подумала, что она засыпает, но теперь, взглянувшись внимательнее, поняла, что это не так.

И вообще, все было не так. Только теперь Зита осознала, что стало значительно темнее, словно небо затянуло облаками, закрывшими от них ночное светило.

Она обернулась, и лицо ее исказилось от ужаса. То, что она увидела за окном!.. Нет, этого просто не могло быть!

Незримый мгновенно поймал ее взгляд, и она почувствовала, как глаза ее сковало мертвящим холодом, который змеей скользнул внутрь, стремясь завладеть телом, в то время как взгляд ее примерз к черному силуэту за окном. Зита услышала, как в кресле напротив облегченно вздохнула Мелия, и тотчас почувствовала ослабление хватки — видно, тварь не могла держать сразу двоих и вновь переключилась на сестру.

Она заставила себя закрыть глаза. Веки опустились и тут же замерзли, словно не глаза они закрыли, а пару кусочков льда, каким-то образом оказавшихся вместо них в глазницах.

Фабиан тихонько потряс ее за плечо.

— Что с тобой, девочка?

Она почувствовала в его голосе искреннюю тревогу, и ей стало теплее.

— Не смотри назад.

Она с трудом разлепила губы и через силу прошептала эту простую фразу.

Фабиан вздрогнул и, словно нарочно, вопреки ее приказу, начал медленно разворачиваться. Внутренний голос надрывался истощено: «Не надо!», волосы на голове стояли дыбом, но чужая холодная воля впилась в затылок, разворачивая голову, заставляя посмотреть в черноту бездонных провалов глаз Незримого, впитать его волю, подчиниться ей.

Неизвестно, откуда взялись силы, но Зита вдруг вскочила и с размаху залепила Фабиану щечину.

— Не смотри в окно! Смотри на меня! Кроме меня, ничего нет! Не смей смотреть на Незримого! Не слушай его зов!

Она говорила отрывочно, словно объясняла непослушному ребенку, что можно, а чего нельзя, а великан судорожно кивал, слушая ее, и в душе у него неведомым образом росла уверенность, что то, о чем говорит эта девочка — незыблемое правило, которое необходимо выполнить, если он хочет остаться в живых!

Она хотела добавить еще что-то, но в этот момент Мелия со стоном встала и медленно, словно во сне, пошла к окну.

— Остановись, сестра!

Но Мелия ничего не слышала и не видела вокруг, кроме незримого образа и немого призыва.

— Иди ко мне...

Эти три коротких слова раскалывали голову невыносимой болью, и она была готова выполнить приказ хотя бы ради того, чтобы избавиться от нее, даже если ценой избавления станет смерть, но... она уже не могла не подчиниться. Незримый полностью овладел ее волей и гнал к окну, поближе к себе, чтобы попытаться овладеть и телом, даже несмотря на колдовство проклятой ведьмы. Нужно только, чтобы она оказалась близко, рядом, и тогда ничто ее не спасет.

— Стой, Мелия! Не смей!

— Иди ко мне...

Зита забыла обо всем — сестра прошла уже половину пути к окну. Если она подойдет вплотную — это конец.

— Фабиан! Задержи ее! — крикнула она, а сама бросилась в другую сторону.

Фабиан стоял, растерянно глядя то на нее, то на Зиту, не в силах понять, что же происходит, но чувствуя, что происходит нечто страшное, грозящее смертью, столь же быстрой и неотвратимой, как стрела опытного охотника, что настигает дичь, только во сто крат мучительнее и беспощаднее...

Это он узнал в тот момент, когда воля Незримого коснулась его, и хотя Зита спасла его от пытки, прикосновение Незримого вселило в него неизбывный ужас, от которого лишь смерть

теперь в силах избавить его.

Он чувствовал себя несчастным калекой, лишенным собственной воли, и стоял, не зная, что делать. Он способен был лишь подчиняться и, когда услышал приказ Зиты, ни мгновения не раздумывая, бросился выполнять его. Он подбежал к Мелии и, схватив ее за руку, развернул к себе.

Она повернулась сразу всем телом, словно кукла, лишенная суставов, и некоторое время смотрела на него отсутствующим взглядом, от которого озноб пробежал по его телу, а сердце забилось в бешеном ритме, готовое выпрыгнуть из груди.

Она ничего не сказала, и выражение ее лица не изменилось, но она медленно подняла руку, и когда ладонь ее оказалась на уровне груди Фабиана, тихонько толкнула его, и от этого легкого толчка слабой девушки мощный мужчина отлетел назад, нелепо размахивая руками, пока не натолкнулся на стену и не повалился на пол.

Его мгновенно бросило в жар, словно он пробежал десять лиг, а не десять шагов. Воздуха не хватало, и он принял жадно ловить его широко открытым ртом, в ужасе глядя на Мелию, все так же неспешно продолжавшую идти к огромному окну за которым ее поджидал Незримый.

Со всевозрастающей тревогой Конан следил за происходящим. Мирно текущая беседа в какой-то момент изменила свой характер. Чутьем дикаря киммериец мгновенно почувствовал перемену и насторожился — с того момента, как, попытавшись выбраться из дома, он потерпел неудачу, Конан понял, что судьба его в течение ближайшего времени неотрывно связана с судьбами четверых, оказавшихся вместе с ним в этом доме.

Он стал внимательнее следить за происходящим, но первый сигнал, отчетливо показавший, что здесь происходит на самом деле, подал ему Фабиан, воля которого оказалась настолько слаба, что Незримому не потребовалось даже ловить его взгляда — достаточным оказалось просто посмотреть на него.

Конан не знал, что испытывали эти люди, попадая под власть притаившегося за окном, но мгновенно понял, что, если хочет уцелеть сам, должен защитить и их. Поэтому, когда Зита, промчавшись мимо, скрылась за поворотом, а Фабиан, попытавшийся остановить девушку, но отброшенный мощью Незримого, повалился на пол, варвар понял, что дальше медлить нельзя.

Опрометью метнувшись вдоль стены, он сорвал с нее старинный gobelin и, в два прыжка настигнув Мелию, накинул ей на голову огромный кусок плотной материи, а сам, не останавливаясь, скрылся в противоположном коридоре. Она сразу остановилась и некоторое время стояла не двигаясь, потом тяжело опустилась на колени, немного постояла так, приходя в себя.

Постепенно одеревенение, сковавшее ее тело, прошло. Обессиленная, она села, и когда ужас случившегося дошел до сознания, и она поняла, чего ей удалось избежать, слезы сами собой потекли по щекам. Не в силах даже сидеть, она повалилась на пол, тело ее все сильнее сотрясалось от рыданий, всхлипывания становились все громче. Она стянула с себя накинутую Конаном ткань и села, уткнувшись в нее лицом.

Киммериец смотрел на нее, чувствуя непреодолимое желание обнять ее, маленькую, трепещущую, прижать к широкой груди, целовать мокрые от слез щеки... Успокоить ее, защитить. Хотел, но не шелохнулся, не понимая, что удержало его.

Быть может, сознание того, что он вор в этом доме?

Зита вбежала в комнату, издалека почувствовав неладное, и то, что увидела там, подтвердило худшие ее опасения, однако сейчас было не до этого. Ей нужен был огонь, много огня! Она не зря бежала сюда, забыв о боли. Она знала, что Незримый, притаившийся за окном, как и всякое порождение тьмы, должен бояться света, и если она ошиблась, всем им конец.

Она выхватила факел из кольца, вделанного в стену рядом с дверью и, запалив его от

пламени свечей, захромала обратно. Бежать она уже не могла. Страх, заставивший ее, позабыв обо всем, примчаться сюда, ушел, и теперь она еле шла, проклиная себя, но поделать ничего не могла.

Когда она добралась до зала, то увидела сестру, без чувств лежащую у окна, и Фабиана, тупо уставившегося в потолок.

Незримый отпрянул от окна и пропал.

Глава четвертая

Конан осторожно заглянул в проем неплотно прикрытой двери и окинул ее взглядом, выискивая следы пожара, но с удивлением обнаружил, что воздух уже успел очиститься от запаха гари, обломки столика были убраны, прогоревший ковер скатан в тугой рулон, ваза стояла на прежнем месте, хотя Фабиан, похоже, не участвовал в этом — бледный как полотно он сидел в кресле, по временам непроизвольно вздрагивая, и уже не глядел с вожделением ни на Зиту, ни даже на Мелию.

Зато перемена в настроении оказалась разительной. Не слышно было ни циничных шуток, ни громкого смеха Фабиана. Гордый Эмерик раскатисто храл, безобразно раскинувшись на диване, заставляя своих друзей болезненно морщиться.

Как ни странно, но сестры перенесли потрясение гораздо лучше мужчин.

Зита выглядела озабоченной. Она разожгла камин и теперь была занята тем, что осторожно переворачивала страницы колдовской книги, внимательно рассматривая, что испорчено, что нет, и аккуратно просушивала отсыревшие. Временами она грустно качала головой, что-то говорила про себя, но что, Конан расслышать не мог.

Впрочем, проследить за ее размышлениями было несложно — треть фолианта обратилась в пепел, то, что осталось, тоже не миновало огня, а уж эти жалкие остатки размочила вылитая им вода. Тем временем Мелия успела привести себя в порядок, и хотя одежда на ней была изорвана, а на коже виднелись синяки и ссадины, Конан отметил про себя, что выглядела она едва ли не более обворожительно, чем прежде.

«Впрочем, — усмехнулся он своим мыслям, — тут-то как раз нет ничего удивительного: чем меньше на ней останется одежды, тем желанней она будет становиться!»

Мелия закончила со своими делами и посмотрела на сестру.

— Ну что, Зита?

Та устало вздохнула.

— Половина страниц сгорела и безвозвратно потеряна, вторая половина промокла и, пока не высохнет, ни на что не годна. Хорошо еще, что Эмерик догадался залить пламя. Никак не пойму, как это ему пришло в голову погасить огонь, ведь пьян он настолько, что вряд ли понимал, что делает, и все-таки поступил как надо.

Зита покачала головой — видимо, удивление было столь велико, что не сразу оставило ее.

— Лучше бы он сжег ее, — вдруг заговорил молчавший до сих пор Фабиан, — я уже устал от колдовства. — Он зло посмотрел на младшую из сестер, все-таки не решаясь вслух обвинить ее в приключившейся с ними беде.

Девушки многозначительно переглянулись, и Зита на удивление спокойно ответила:

— Поверь, мне жаль, что наша затея обернулась таким кошмаром, но если ты думаешь, что я имею хоть какое-то отношение к случившемуся, то, уверяю тебя, ты глубоко ошибаешься — я даже не знаю, чьих рук это дело. А что касается книги, — она благоговейно провела рукой по верхней, почти не тронутой огнем странице, — молились Митре, чтобы и дальше ничего не случилось с листом, на котором начертано ограждающее заклинание. Если с ним что-то произойдет — мы погибли! Даже Эмерик это понял, — добавила она с укоризной.

— Эмерик?! — Фабиан расхохотался. — Да я скорее поверю, что он хотел сжечь ее, чем сохранить, но должен тебя разочаровать: он не был способен ни на то, ни на другое!

— Но тогда кто?

И Зита, и Мелия удивленно смотрели на него — до сих пор подобное рассуждение не

приходило им в голову, но теперь, когда Фабиан высказал эту мысль, обе вдруг почувствовали, что спутник их прав. Они ждали объяснений, но он в ответ лишь пожал плечами.

— Не знаю, но я скорее поверю, что вода выплеснулась из вазы, а уж потом подломившиеся ножки стола не выдержали и обгоревшие останки книги угодили в лужу на полу.

— Не годится, — Мелия скептически покачала голо вой, — не забывай, что ковер успел сильно прогореть, прежде чем его потушили.

Фабиан досадливо поморщился — и как это он упустил из виду столь очевидное обстоятельство? — но продолжал стоять на своем.

— Пусть так, но тогда в том, что ваза все-таки упала, в последний момент погасив пламя и сохранив нужную страницу от огня, я склонен видеть провидение Митры!

Услышав эти слова, Конан едва не выругался — еще никто не сравнивал его с Солнцеликим, и хоть признавал он лишь мрачного Крома, а чтил Бела, подобное сравнение не могло не польстить его самолюбию. Что ни говори, а приятно иной раз сыграть роль провидения! Однако все это были мелочи, не стоящие внимания, и, усмехнувшись, киммериец вновь обратился в слух.

Зита хотела что-то возразить, но последние слова Фабиана заставили ее задуматься, наведя на интересные размышления. Сказанное им очень походило на правду, но если сам Солнцеликий благоволит к ним, а стало быть и к ней тоже, то значит, ее дело угодно и ему! Подобный поворот событий пришелся ей по душе, и она уже собралась с удовольствием порассуждать на эту тему, чтобы уяснить, какую пользу можно извлечь из такого покровительства, а главное — как не лишиться его, но ее отвлек вопрос Мелии.

— Ну так все-таки, сестра, что мы будем делать? Что делать?..

Зита задумалась — как раз этого она и не знала. Она увидела устремленные на нее в надежде глаза сестры и требовательный взгляд Фабиана, и на мгновение гнев охватил ее, но она заставила себя успокоиться. В конце концов выкручиваться им придется вместе, а значит, ни к чему устраивать ссоры.

— Я не знаю, как с этим бороться, потому что не знаю, кто выступил против нас.

— Но ты говорила... — начала было Мелия, но Зита не дала ей закончить:

— Да, говорила, но могла запросто ошибиться — это может быть кто угодно!

— Неужели нет выхода?

— Выход есть всегда, — отрезала Зита, — найдется и теперь, но вот сколько времени на этойдет, я сказать не могу.

— А разве нельзя побыстрей? — резко спросил Фабиан, который опять начал злиться.

Он уже оправился от того ужаса, что подмял его, подчинил себе в зале, и теперь испытывал чувство жгучего стыда из-за того, что обе девушки оказались куда сильнее его самого. Ему требовалось выместить на ком-то свою злость, и он рад был ухватиться за что угодно.

Зита прекрасно поняла это, но вида не показала, а попыталась спокойно объяснить ему все, что знала сама, надеясь, что, поняв, что к чему, и увидев, что никто его ни в чем не обвиняет и уж тем более не смеется над ним, он успокоится.

— Можно хоть сейчас убрать заклинание, но в этом случае мы рискуем умереть прежде, чем узнаем, кто наш враг.

Еще не дослушав ее объяснения, Фабиан собирался возразить, но слова застряли у него в горле, когда до него дошла суть сказанного Зитой: чего-чего, а помирать ему вовсе не хотелось!

Девушка спокойно смотрела на него, и в ее взгляде он не увидел ни намека на насмешку, а потому лишь проворчал, но уже примирительно:

— Так что же нам так и сидеть здесь до скончания века?

— Нет, почему же? — Зита обрадовалась, что ей удалось погасить злость Фабиана, но вида не подала. — Я рассчитываю, что мы выберемся отсюда целыми и невредимыми, но для этого

нужно подготовиться, а на подготовку потребуется время.

— Мы можем помочь тебе, сестра?

Зита улыбнулась.

— Мне без вас просто не обойтись, а то, что необходимо сделать, потребует к тому же силы Фабиана.

Услышав, что говорят о нем, Фабиан нервно облизнул губы.

— Что я должен сделать?

В это время Эмерик поднял голову и, посмотрев на них пьяными глазами, глупо улыбнулся и произнес заплетающимся языком:

— Привет, друзья. Все развлекаетесь?

Лицо его сморщилось на ярком свету, сделавшись похожим на первый весенний гриб, взгляд был мутным, и он глупо хлопал глазами, словно силясь понять, как оказался здесь, а главное — зачем?

Фабиана разобрал нервный смех. Он смеялся и никак не мог остановиться. Что ни говори, а развлеклись они от души — это он верно заметил. Будет о чем вспомнить на досуге!

При виде мятоей физиономии Эмерика Мелию передернуло от отвращения — и это ничтожество она хотела приблизить к себе!

— Ты сам-то чем тут занимался, пока нас не было? Неизвестно почему, но у него было прекрасное настроение, и он вновь хихикнул.

— Так, поколдовал немного.

Не сговариваясь, все трое обернулись к нему. Мелия выглядела удивленной и растерянной. Фабиан перестал хохотать, и лицо его налилось кровью. Казалось, что еще немного, и он убьет своего приятеля, и непонятно было, что его удерживает от того, чтобы не сделать этого прямо сейчас. Зита встала, и ее милое личико, искаженное гримасой гнева, казалось страшным.

— Что... ты... сказал?! — спросила она, тщательно выговаривая слова, делая ударение на каждом из них.

Эмерик вдруг почувствовал неладное, и лицо его приняло испуганное и вместе с тем потерянное выражение. Кровь прихлынула к лицу, он неловко взмахнул руками, подражая жестам Зиты, и когда до них дошло, что вслед за этим последует, было уже поздно — он испугано пролепетал два ничего не значащих, но страшных слова:

— Сатана́ро удо!

— Не-е-ет!! ! — протяжно и обреченно, словно в последний раз перед смертью, закричала Зита. — Что ты наделал, безумец?! Ты впустил Незримого внутрь — теперь мы пропали!

Последние ее слова потонули в ужасающем грохоте. Стены дома заходили ходуном. Посыпался сдавленный, далекий вой боли невообразимо мощного зверя, словно стадо слонов трубило в предсмертной тоске, заглушая торжествующий рев поедавшей их армии саблезубых тигров, и все, что происходило до сих пор, показалось людям детскими шутками.

Эмерик завизжал, закрыв голову руками. Казалось, что еще немного, и все это массивное, поразившее их при первом взгляде своей незыблемостью, сооружение вот-вот рассыплется грудой щебня, погребя под собой и четверку несчастных, так не вовремя оказавшихся внутри.

Огненный вихрь ворвался в комнату, опалив лица людей, заставив их поспешно зажмуриться, окрасив все зловещим багрянцем.

Рев набирал силу, достигнув оглушающей громкости, когда казалось, еще немного, и люди не выдерут, либо оглохнут, либо сойдя с ума. Фабиан затравленно озирался, словно разум уже покинул его.

Зита стояла, не в силах пошевелиться, и лишь одна мысль болью пульсировала в голове — это конец. Не только крушение всех надежд, но и конец жизни.

Мелия схватила ее за руку и встряхнула.

— Делай что-нибудь, пока жива!

В первый момент она непонимающе посмотрела на сестру — что ей надо? Сейчас, за мгновение до смерти? — и вдруг засуетилась. Трясущимися руками она перевернула несколько страниц и, отыскав нужную, облегченно вздохнула.

Того, что произнесла юная колдунья, в грохоте, доносившемся снаружи, никто не расслышал, но едва она опустила руки, шум стих, а стены высветились белесоватой дымкой, поначалу почти незаметной, которая на глазах густела, оплетая стены комнаты защитным коконом.

Глава пятая

Едва это произошло, Конан ощущал мощную силу, отбросившую его от двери, сопротивляться которой не было сил, но он и не собирался делать этого, а наоборот — мгновением раньше сам отпрыгнул прочь, так что прыжок оказался настолько стремителен, что он врезался в противоположную стену.

Кром! Безмозглые идиоты! Собрались в гости к Нергалу?! Скатертью дорога! Путь на Серые Равнины прост и не долог, жаль, обратной дороги не знает никто, и здесь он им не попутчик — пусть заботятся о себе сами!

Конан бросился прочь, но было уже поздно. Едва он сделал первый шаг, как почувствовал, что воздух вокруг стал вязким, и он уже не бежит, а словно идет под водой, которая стремительно густеет, превращаясь в липкий кисель. Каждый шаг давался со все большим трудом, но киммериец не сдавался, стремясь уйти как можно дальше от двери. Облепивший его кисель начал твердеть, и идти становилось все труднее, но он успел добраться до зала, прежде чем воздух застыл окончательно и двигаться дальше стало невозможно. Тогда он остановился, тревожно глядя по сторонам, готовясь к худшему и гадая, в каком обличье оно явится.

Грохот стих так же внезапно, как и возник. Люди боялись смотреть друг на друга, боялись поверить в то, что самое плохое позади. Им казалось, что это лишь минутная передышка перед смертью, которую им дали лишь для того, чтобы они успели осознать неизбежность трагического финала, чтобы боль расставания с жизнью была как можно сильнее.

Наконец Мелия не выдержала.

— Что случилась, сестра?

Зита стояла молча, словно громом пораженная страшной догадкой. Она невидящим взглядом обвела своих друзей и прошептала:

— Эмерик вызвал Незримого — одного из древних демонов, могучего и злобного, и он прорвался внутрь пента граммы.

Эмерик нервно облизал губы. Опьянение мигом слетело с него, и хотя он все еще плохо соображал, а камни, перекатывающиеся в голове, по-прежнему мешали сосредоточиться, он почувствовал страх.

— Но ты говорила, что ничто не сможет проникнуть внутрь.

— Да, но заклинание было прочитано дважды. Первое заклинание вырвало его из тысячелетнего заточения, но он не смог прорваться внутрь пентаграммы, хотя и приложил к этому немало усилий. Он явился в наш мир бесплотным духом, ему необходимо облечься в плоть, и он должен явиться на зов заклинателя. — При этих словах Эмерик почувствовал, что у него вновь пересохло в горле. — Он не смог сделать ни того, ни другого и не уйдет, пока не добьется своего, но мы нашли бы выход, если бы не второе заклинание, позволившее ему прорваться в дом.

Фабиан побледнел, Эмерик от страха не мог вымолвить ни слова, Мелия прошептала:

— Что же теперь будет?

— Не знаю, но уверена, что он сильно ослаб за века заточения, а с потерей плоти потерял и большую часть еще остававшейся силы. Надеюсь, что насильный проход пентаграммы если не искалечил, то изрядно ободрал его. Но все-таки он демон... и я не знаю, сколько сил у него осталось — сумеет он прорваться сюда или нет, и если сумеет, то что сделает с нами.

Зита задумчиво покачала головой, размышляя о том, как им быть дальше, но во взгляде ее застыла обреченность. Чье-то скулящее подывивание вывело девушку из задумчивости, и она

резко обернулась, поняв, что это истерический смех Эмерика.

— Будут тебя трахать, дура, только не я и не Фабиан, а твой демон в человеческом обличье!

— Заткнись, болван! У тебя только одно на уме! — Казалось, Мелия была единственной, до сих пор не потерявшей присутствия духа. Она обернулась к Зите: — Думай, сестра! Думай, и побыстрее! Должен быть какой-то выход!

Зита устало вздохнула.

— Да, да. Только паук сможет задержать его, да и то не надолго. Сеть Затха может сдерживать его, хотя и не слишком долго. Во всяком случае время на передышку у нас есть. Он прорвался в наш мир, а потом сюда. Это непросто и отняло у него массу сил, а нам дало шанс на спасение.

— Но какой в этом смысле, если, собравшись с силами, он все равно прорвется сюда.

Эмерик кричал и брызгал слюной, требуя у других ответа, совершенно игнорируя тот факт, что сам был повинен во всех несчастьях, ввергнув в беду не только себя, но и всех остальных — молодых, жадных до жизни. Он чувствовал, что стал отвратителен им, и сознание этого заводило его все больше. Хотя сам он давно потерял интерес к жизни, но умирать вовсе не собирался!

Молчавший до сих пор Фабиан, хоть и натерпелся страха, уже пришел в себя и, поднявшись с кресла и скалой нависнув над тщедушным щеголем, ядовито процедил:

— Пожалуй, мне следует напомнить тебе, что если нам суждено сегодняшней ночью переселиться на Серые Равнины, то заслуга в этом исключительно твоя. — Он зло посмотрел на своего приятеля и добавил: — Я думаю, тебе стоит помолчать, если не хочешь оказаться там раньше остальных!

Он говорил спокойным тоном, чтобы никто не заподозрил, насколько он напуган, но не скрывал гнева, и от этого Эмерику стало жутко: он вдруг понял, что оказался среди людей, которых просто так, по глупости ввергнул в смертельную опасность, и неизвестно еще, сумеют ли они выкрутиться!

Он затравленно оглянулся на девушек, словно ища у них поддержки, но увидел, что и те не питают к нему добрых чувств. Он почувствовал, что остался один, и это странным образом придало ему сил.

— Попробуй только тронь меня, и пожалеешь! — прошипел он. — Из царства Нергала я вернусь, чтобы отомстить тебе! — Он обвел их ненавидящим взглядом. — Всем вам!

— Да я тебя!.. — Фабиан вскочил, но Зита успела схватить его за руку.

— Не трогай его! Это он со страха!

Фабиан хотел сбросить с себя ее руку, но упоминание о страхе заставило его остановиться, и что он хотел при этом сказать, никто так и не услышал — окинув Эмерика тяжелым взглядом, великан уселся на место.

— Сиди и молчи, — Мелия в упор посмотрела на Эмерика, — так будет полезнее для здоровья. Твоего здоровья! — выкрикнула она ему в лицо, заметив, что тот собирается возразить.

И странное дело — под суровым взглядом девушки он против воли затах, не смея перечить ей. Дождавшись, когда Эмерик успокоился, Зита заговорила:

— У нас есть лишь один способ одолеть Незримого — мы должны сделать то, что нам помешало сделать первое заклинание Эмерика. Мы должны овладеть Талисманом Силы. Только с его помощью можно одолеть демона — остальные пути ведут прямиком на Серые Равнины!

— Я думаю, что, следуя твоему плану спасения, мы попадем в царство Нергала еще быстрее, — возразил Фабиан, не понимая, к чему она клонит.

— Да, — кивнула она, соглашаясь, — если просто так выйдем отсюда и пойдем в подвал — смерти нам не избежать.

— А что, есть иной способ?

Вопрос Мелии звучал просто и естественно. Ей было не до сарказма и не до выражения эмоций, что охотно позволяли себе мужчины, — смерть грозила всем им, и потому беспокоил ее лишь один вопрос: как избежать такого финала. Она надеялась, что Зита, знавшая о колдовстве неизмеримо больше всех их вместе взятых, непременно что-нибудь придумает. Однако на сей раз ее ждало разочарование.

— Нет. Другого способа нет, — грустно ответила она, — но если мы сумеем отвлечь демона, то Фабиан, я думаю, сможет добраться до талисмана и принести его сюда.

— Я? — Фабиан с интересом следил за их разговором, и когда Зита упомянула о талисмане, почувствовал прилив надежды, но оказалось, что его просто приносят в жертву, предлагая выйти из-под защиты Затха, прогуляться по дому и, если повезет, вернуться назад с талисманом, чтобы спасти остальных!

Зита виновато посмотрела на него, прекрасно понимая, что он должен подумать и о ней, и о ее «заманчивом» предложении. Взгляд ее смягчился, в голосе послышались просительные нотки.

— Я ведь уже говорила, что никто, кроме тебя, не справится с этим — понадобится твоя физическая сила, а от нас троих будет мало толку, даже если мы пойдем все вместе.

Фабиан открыл было рот, чтобы сказать еще что-то, но вовремя сообразил, что делать этого не следует. Положение, в котором они оказались, было хуже некуда. И все-таки роль дичи, незаметно проскальзывающей мимо разъяренного хищника, отвлеченного искусно приготовленной приманкой, устраивала его куда больше роли самой приманки, чья дорога пролегала через пасть демона прямиком в нутро Нергала!

И он промолчал.

Увидев, что Фабиан все понял как надо и не возражает, Зита облегченно вздохнула. Она была наблюдательной девушкой и, памятуя о недавнем испуге Фабиана в зале, подготовилась к долгим уговорам.

Мелия, также напряженно следившая за их разговором, удовлетворенно кивнула.

— Ну хорошо, а как быть с приманкой, о которой ты говорила? Что может завладеть вниманием Незримого на столько, чтобы он не заметил человека, оказавшегося в его власти? Или что-то поможет Фабиану остаться невидимым?

Колдунья удовлетворенно кивнула.

— Да, я могу сделать и то и другое, хотя способ в обоих случаях будет один. — И видя, как загорелись от волнения щеки сестры, а Фабиан нервно сжал огромные кулаки, улыбнулась. — Я могу придать любому из нас невидимость. Незримый будет чувствовать его и попытается поймать, а это не так-то просто, хотя и возможно. Правда колдовство продлится недолго, но времени с избытком хватит, чтобы Фабиан успел спуститься вниз, открыть тайник, взять талисман и вернуться. — По очереди всматривалась она в лицо каждого, словно подготавливая их к тому, что скажет сейчас.

— Остается решить: кто возьмет на себя эту роль и позволит Фабиану сделать свое дело?

Все трое не сговариваясь посмотрели на Эмерика, который на протяжении всего разговора демонстративно глядел в сторону, словно происходящее не имело к нему ни малейшего отношения, однако его молниеносно последовавшая на их немой вопрос реакция показала, что это не так: он не только слышал, но и видел всех.

— Я?! — Лицо его исказила гримаса ужаса. — Чтобы я добровольно отправился на смерть ради вашего спасения?! Ни за что!

Фабиан поджал губы, и взгляд его недобро сверкнул.

— Никто не говорит о смерти, — терпеливо объяснила Зита, — роль твоя не страшнее роли Фабиана. Даже проще...

— Вот как? — перебил он девушку и деланно расхохотался.

— Да. Фабиану, кроме своей безопасности, придется заботиться еще и о деле, а тебе нужно всего лишь не попасться Незримому, держась при этом подальше от подвала. — Эмерик вопросительно посмотрел на девушку и она объяснила: — Если он спустится вниз, Фабиану конец, а вместе с ним и всем нам! И не забудь еще одно: при всей опасности предстоящего — это нужно сделать. Если оставить все как есть, мы погибнем еще до восхода солнца!

Но Эмерик и слушать ничего не хотел. Он тряс головой, всем своим видом показывая, что верная смерть в компании ему гораздо приятней шаткой перспективы выжить. А попросту говоря, он не верил никому, считая все сказанное здесь обманом, призванным лишь усыпить его бдительность ложными обещаниями и спастись, принеся его в жертву.

Наконец, Фабиан, который долго сдерживался, не утерпел. Он сгреб своего щедшного приятеля за шиворот и зло прошипел ему в лицо:

— Ты забыл, тварь, по чьей вине мы все оказались в этой ловушке? Стоило бы просто выбросить тебя наружу, не спрашивая согласия, и это будет меньшим из того, что ты заслужил!

— Давай, давай! — истерически расхохотался Эмерик, совершенно не обращая внимания на столь оскорбительное обращение с собой. — Распусти кокон, вытолкни меня — чихнуть не успеешь, как все мы окажемся в брюхе Нергала!

— Оставь его! — Мелия поднялась и шагнула к ним. — Я пойду.

— Ты? — Фабиан невольно отпустил Эмерика и обернулся к девушке. Она улыбнулась.

— Кому-то же надо идти?

— Не отговаривай ее, пусть идет, — захихикал Эмерик, — доброволец всегда имеет больше шансов уцелеть.

Мелия кивнула, но на своего «избранника» посмотреть не смогла, настолько сильным оказалось проснувшееся в ней отвращение.

— Насчет шансов Эмерик прав — у него их нет вовсе. Даже колдовство Зиты не сможет помочь — когда настанет решающий момент, он наделает в штаны, и его тотчас найдут по запаху. — Увидев мгновенно вспыхнувшее от стыда и гнева лицо Эмерика, Фабиан расхохотался, а Мелия про должала: — У сестры болит нога, и она не может ходить, так что остаюсь я.

Конан почувствовал, что сопротивление пропало, но это не принесло облегчения, а наоборот, заставило поразмыслить над тем, что придет ему на смену, и хотя ни одной путной мысли на этот счет в голове не появилось, всегдашая рассудительность взяла верх над горячностью, заставив на время оставаться там, где он есть. Он прислушался — вокруг было тихо. Непонятное напряжение спало. Это обрадовало и удивило его.

Из слов Зиты можно было сделать вывод, что пьяный Эмерик, сам не понимая, что творит, сумел вызвать в наш мир одну из темных тварей, которым здесь не место. Он ни на миг не усомнился, что теперь эта тварь начнет охотиться за людьми и в первую очередь — за самим Конаном.

Это было плохо.

Он не боялся никого и не страшился умереть, постоянно помня, что когда-нибудь смерть придет к каждому. Однако и расставаться с жизнью просто так, за здоровьем живешь, не собирался. Именно поэтому даже теперь, на пороге мрачного царства Нергала, он не уступит никому!

Однако киммериец прекрасно чувствовал себя лишь среди людей, где твердость руки и крепость стали решали, кому жить, а кому умереть, и всегда старался держаться подальше от колдовства, где его богатырская сила и искусство воина не играли особой роли, а победу праздновали коварство и обман. И вот теперь он оказался именно в такой ситуации, когда все, что он мог и умел, оказалось никому не нужным хламом!

Как мог он защитить себя?

Киммериец уже не сомневался, что угодил в дурную историю, именно в такую, каких обычно старательно избегал.

Все эти попытки вырвавшейся наружу твари проникнуть в каменную крепость, где он находился, бесспорно убеждали именно в этом, да и «кисель», через который он только что прошел, подтверждал ту же мысль.

Рука его сама потянулась к поясу и нашупала мешочек с камнем. Конан достал его и попытался рассмотреть, но было так темно, что даже его острое зрения дикаря не помогало, и он заткнул его обратно.

Он стал думать о том, как сможет совладать с нечистью, проникшей в дом, но ничего путного в голову не шло.

Внезапно Конан ощутил смутную угрозу, но откуда она исходила, определить не смог.

Тревожно озираясь по сторонам, чтобы не упустить ничего, он инстинктивно прижался к стене, но пока об опасности его предупреждали лишь обостренные инстинкты дикаря — чувства молчали, не ощущая вокруг никакой явной опасности.

Однако Конан не расслаблялся. Хоть ой не видел и не слышал ничего, его внутренний сторож еще ни разу не обманул своего господина, а сейчас он во весь голос вопил о том, что быть беде, и Конан собрался, продолжая ждать неведомо чего.

Нечто не поддающееся воображению приближалось. Конан не видел этого, но знал о том, что оно уже рядом. Он почувствовал, как густая грива смоляных волос на голове встает дыбом, но лишь сильнее сжал рукоять меча. Привычка не отступать ни перед кем взяла верх над страхом и теперь, подстегнула его, заставив собраться. Он не собирался сдаваться просто так. Ему бы только увидеть врага, а там уж он не даст спуску никому!

Неведомое нечто, чье присутствие Конан лишь ощущал до сих пор, начало обретать зримые очертания чудовищной тени, настолько черной, что была она видна даже на фоне непроницаемого для взгляда мрака, царившего вокруг, словно высвеченная изнутри яростным черным пламенем. И вместе с тем это нельзя было назвать тенью. Это было черное облако, бесформенное и колышащееся, перед которой сама тьма показалась бы ярким днем — это была чернота небытия.

Пустота.

Конан почти физически ощущал ее приближение, но теперь желание увидеть врага уже не казалось ему достаточным для победы, потому что он понял — против такого противника его меч бессилен.

Ты мой...

Из середины незримого облака на него устремился омертвляющий взгляд зияющих пустотой глаз. Конан сильнее сжал рукоять меча, ища поддержки у старого, неподкупного друга — острой каленой стали — и встретился взглядом с двумя провалами в пустоте. В тот же миг он почувствовал, что воля покидает его, обездвиживая тело, подчиняя его себе. Еще немного, и он станет куклой в руках тьмы, наползавшей ниоткуда.

Ты мой...

В следующий миг тьма навалилась, его вжало в стену, глухим стоном выдавив из легких остатки воздуха. Конан почувствовал, что тело его немеет, наливается свинцовой тяжестью, еще немного, и он станет тленом, ничем.

Ты мой...

Тот же внутренний страж, загодя предупредивший его о надвигающейся беде, подсказал и единственный возможный путь к спасению — талисман. Нужно во что бы то ни стало дотянуться до него... но Конан уже не был властен над своим телом. Он знал, что должен

сделать это, однако для этого нужно отвести глаза, избавиться от чужой воли, а на это у киммерийца не осталось сил.

Ты мой...

Кром! Раскис, как баба! Он изо всех сил сжал веки, но они не желали слушаться!

Поздно, ты мой...

Твой?! Эта мысль взбесила его. Да будь противник его хоть с самого дна преисподней, он не поддастся! Вон! Вон из моей души!

Поздно, ты мой!! !

Голос гремел, оглушая. В нем слышались торжество и злая радость близкой победы, но и Конан не сдавался. Он понял, что погибнет, если не заставит себя превозмочь злую силу, и хотя понятия не имел, как пользоваться талисманом, но из последних сил рука его потянулась вверх, и он понял, что воля его выстояла! Каким образом это произошло он не знал, да знать не желал, но он выстоял! Рука коснулась пояса, вытащила наружу мешочек и сжала камень.

Ты мой...

Это было последним движением, на которое он оказался способен. Больше он не мог ничего. Только смотреть, наблюдая за приближающейся смертью, ощущать могильный холод и чувствовать, как члены обращаются в тлен.

Ты мой...

Он верил лишь в Крома, хотя и знал, что тот равнодушен к детям своим, да еще, по необходимости, почтит Бела, никогда не отказывавшего ему в удаче, но в этот миг почувствовал, что лишь светозарная сила Митры может спасти его, и взмолился подателю жизни!

И камень ожил.

Почти сразу Конан ощутил перемену, хотя и не понял, что произошло. Он опустил взгляд и увидел, что рука его, сжимающая талисман, словно впитав его силу, начала светиться, и солнечный пламень понемногу поднимается вверх по руке. Вот он дополз до груди и начал растекаться по телу, по его телу, которым он вновь владел, которым мог управлять. Он почувствовал, как сила полилась в него мощным потоком и тьма отступила, хотя и не ушла. Черное облако отдалилось от него и застыло словно в недоумении.

Сдавленное рычание то ли боли, то ли гнева донеслось до него. Он прижал камень к сердцу, и его тепло проникло внутрь, окончательно отогнав смертельный холод.

«Я еще вернусь и возьму тебя!» — услышал Конан глухой, рокочущий голос, и облако поползло прочь, туда, где еще оставались живые люди, откуда он только что пришел сам.

Киммериец разжал руку и посмотрел на камень, который странным образом был виден через мягкую замшу мешочка. Разница была лишь в том, что теперь в полной темноте и сквозь слой выделанной особым образом кожи он светился более тусклым, оранжевым светом. «А камень-то и впрямь не прост», — подумал Конан и сунул его на прежнее место.

Чувства подсказывали киммерийцу, что нужно уйти, спрятаться, исчезнуть, но здравый смысл спорил, убеждая, что от этого не скроешься: дом ему не покинуть, так что встреча их не последняя. И с этим поделать ничего было нельзя, даже если бы знал, что в следующий раз он так просто не отделяется.

Что ж, к таким ситуациям ему не привыкать. Конан пожал плечами и пошел следом за исчезнувшим в глубине коридора облаком.

— Мы успеем? — Наблюдая за приготовлениями Зиты, Мелия не могла сдержать волнения.
— Он сможет прорваться сюда?

— Может, сможет, а может, и нет. — Зита отвечала спокойно, не отрываясь от своего занятия. — Не знаю. Но я знаю, что Незримого вырвали из заточения, лишив телесной оболочки. Сюда попал лишь его дух, плоть осталась в тюрьме. Если он не раздобудет себе тела, он погиб.

— На миг она отвлеклась и с неприязнью посмотрела на Эмерика. — Пока он был снаружи, отрезок отпущенное ему времени был мал — остаток ночи до рассвета. Ведь не встретившись с заклинателем, места этого он покинуть не мог, а солнечный свет для него — погибель. Но теперь другое дело, — она помедлила, собираясь с мыслями, — попав внутрь дома, он получил то, чего лишен был, оставаясь снаружи. Он получил свободу действий, ибо защищен этими стенами, — Зита обвела рукой вокруг себя, — от солнечной силы светозарного Митры. С другой стороны, дух его сожжен и искалечен, ведь его дважды пронзили сквозь казавшиеся неодолимыми стены, возведенные колдовством. Он стал слабее, но насколько, — она пожала плечами, — я не знаю, а значит, нужно торопиться.

— Ну так что же ты медлишь? — Фабиан волновался не больше них, но волнения своего, в отличие от сестер, не скрывал.

— Сейчас — Зита полистала обгорелые остатки фолианта и облегченно вздохнула — по счастливой случайности, все, что им было нужно уцелело. Она приготовилась читать заклинания.

Глядя на них, Эмерик нервно облизывался. Он был пресыщенным, уставшим от жизни законченным негодяем и умирать не хотел. Он любил себя таким, каков он есть, и при одной только мысли, что он может лишиться — чего? Да всего, что было ему так дорого! — его тело покрывалось липким потом.

Все глаза он следил за девушкой, которая готовилась сделать то, на что сам он пойти решительно отказался — ради всех рискнуть собственной жизнью, выманив на себя демона. И хотя он оставался внутри, в относительной безопасности, его тряслось от страха, а в горле пересохло.

В голове роились сумасшедшие мысли. Он вдруг подумал — а не разыгрывают ли они его? Может быть, они сговорились, пока он спал, бросить его здесь одного и уйти?! От этих мыслей закружилась голова. Он даже не подумал о том, почему они давно уже не сделали это — страх лишил его способности рассуждать. Трясущимися руками он налил в кубок вина и, залпом выпив его, закрыл глаза.

Неясный вздох донесся до окончательно спятившего от страха Эмерика и, мертвенно побледнев, он рывком открыл глаза, испуганно озираясь.

Странное видение предстало перед его глазами, еще усилив страх, хотя, казалось, это было уже невозможно — глаза Эмерика округлились, когда он увидел, как стены комнаты задрожали, словно в жарком мареве, поднимающееся от груды раскаленных камней, а очертания предметов стали расплывчатыми. Белая ткань защищавшей их паутины спеклась и поплыла, шипя и пузырясь, как сыр на куске хлеба в огне очага.

Он зажмурился и потряс головой — не может быть, чтобы вино подействовало так быстро и так сильно. Но, открыв глаза, увидел, что страшное видение не ушло, и вдруг услышал голос Мелии:

— Это он?

— Да, — ответила Зита, — паутина сдерживает его силу. Она должна защитить нас.

Она говорила то, что они хотели от нее услышать, и Мелия не слышала в голосе сестры прежней уверенности, но промолчала: если остальным этот обман поможет хоть ненадолго — и то хорошо.

Эмерик недоверчиво осмотрелся. Стены плавились от нестерпимого жара, царившего снаружи, непонятные волны начали пробегать по ним, сталкиваясь между собой, порождая вихри, невообразимым образом, словно в дурном сне, закручивая стоящие на полках или висящие на стене предметы, причудливо искажая их форму. Временами все успокаивалось, потом поверхность подергивалась рябью, служившей предвестником нового вихря, и все

начиналось сначала.

Однако мебель, стоявшая у стены, имела вполне нормальный вид. Странная буря кончалась сразу перед ней, старательно слизывая паутину Затха, защищавшую четверку обреченных, спрятавшуюся внутри.

Словно рыба, выброшенная на песок, Эмерик судорожно ловил открытым ртом воздух. Только бы выбраться отсюда! Он никогда больше не будет иметь дел с колдунами, а любого, кто произнесет при нем слово «колдовство», задушит собственными руками!

Впрочем, и остальные выглядели немногим лучше, ведь умирать не хотелось никому...

Зита с тоской думала о том, что так прекрасно начавшийся день, когда она, полная честолюбивых планов, мечтала о предстоявшей ночи, которая должна была подарить ей могущество, сравнимое лишь с мощью великих магов древности, кончился нынешним положением, когда Нергал стоит за спиной, в нетерпении постукивая копытом и положив руку ей на плечо, и словно спрашивает: «Ну что ты тянешь, девочка?»

Мелия воспринимала происходящее более спокойно. Ей жаль было Зиту и жаль было себя. Ей было жаль Фабиана, которого Зита затянула сюда обманом — теперь она знала это. И хотя источником всех их бед был Эмерик, ей было жаль даже его.

Фабиан по натуре был трусом, хотя внешне и не производил такого впечатления, и сейчас он с ужасом думал о том, что вот и подошел конец его жизни, а ведь он и пожить-то толком не успел! Ему всего двадцать, и сколько еще его ждало впереди неизведанных радостей, ведь он был богат и красив!

Высокий и не обделенный от природы ни силой, ни красотой, на первый взгляд он вполне мог посоперничать и с Конаном, хотя человек опытный без раздумий поставил бы на мощные, нажитые трудом мышцы варвара, угадав в хоть и крепкой, но уже подернутой жирком фигуре Фабиана следы праздности и лени, сладкой жизни и изнеженности, которым не по силе противостоять настоящей опасности. Ему стало до боли жаль себя.

От этих мыслей его оторвали слезливые стоны Эмерика, нервно ломавшего руки. Фабиан открыл глаза и увидел, что приятель его дошел уже до последней черты — еще немного, и он падет на пол, жалобно скуля и заливаясь слезами.

— Что же теперь делать, что делать?

Зита резко обернулась. Взгляд ее пылал гневом, который трудно было предположить у этой молоденькой, робкой девушки.

— Ты, кажется, забыл, по чьей милости мы оказались в таком положении?

— Ты хочешь обвинить меня?! — неожиданно взвизгнул он. — Я, может быть, и совершил глупость, но никому не хотел зла, а вспомни-ка лучше, кто привел нас сюда?! Ну? Что скажешь? Тебе нужен был этот проклятый камень? Ну так пошла бы и взяла его! Зачем мы здесь?!

Глаза Зиты зло сверкнули, но она смолчала. Зато у Фабиана от злости все поплыло перед глазами. Ему было наплевать на не лишенные логики доводы Эмерика. В голове у него вертелась лишь одна мысль — этот живой телом, но мертвый душой полуторуп вверг их в беду, из которой нет выхода!

Нет выхода!

Эта мысль болью пульсировала в голове. Что может быть страшнее положения, из которого нет выхода!.. Кроме...

Он вскочил, еще не зная, что сделает в следующий момент, и слова сами посыпались из него:

— Надо отдать ему этого засранца! — Он ткнул пальцем в грудь Эмерика. — Может, твой демон и угомонится, заполучив того, кто вызвал его сюда! Вырвал душу из тела, дважды проволок сквозь колдовские барьеры! Сам заварил кашу, пусть сам и расхлебывает!

Эмерик побледнел. Он смотрел на Фабиана ненавидящим взглядом, не в силах выговорить ни слова, по лицу его струился холодный пот.

— Все! Хватит ссориться! Сейчас не время! — закричала Мелия, и крик ее словно спустил некую пружину внутри тщедушного Эмерика — не все, оказывается, на стороне этого борова! Он будет защищаться!

— А ну, попробуй! — заверещал Эмерик, схватив массивные каминные щипцы и замахнувшись ими на Фабиана. Как крыса, загнанная в угол, в отчаянии бросается на человека, так и он изготовился, быть может, к последнему, но решительному бою. — Да я сейчас самого тебя выброшу вон! Наверняка твоя кабанья туша больше придется ему по вкусу!

За этой ссорой никто из людей не увидел, как стены налились тревожным багровым сиянием. Понемногу, совсем незаметно, кокон начал продавливаться внутрь — все больше, все сильнее! — туда, где находилась дверь и не было дополнительного сопротивления толстых каменных стен, которые каким-то образом усиливали заклятье, наложенное Зитой.

Девушки не успели вмешаться. Зита лишь подняла руки, запоздало поняв, что сейчас произойдет, Мелия вскрикнула и бросилась на помощь, но было уже поздно... С легкостью отбив жалкий выпад Эмерика, Фабиан схватил его за грудки, благо силы ему было не занимать, и швырнул в сторону выхода.

— Путь свободен!

Фабиан был настолько силен, что десяток локтей, отделявших его от двери, Эмерик пролетел по воздуху, выронив по пути бесполезные теперь щипцы, налетел на извивающуюся словно в дурном сне дверь и вдруг завизжал не своим голосом, словно от невыносимой боли.

— А-а-а! — Его истощенный, полный ужаса и страдания крик заставил всех оцепенеть.

Эмерик висел, словно прилипнув к двери спиной, тело его конвульсивно извивалось, словно ужасные невидимые челюсти прожевывали его, не дожидаясь, пока плоть прорвется сквозь паутину. Человек захлебывался криком. Тело билось, словно его сводило передой жестоких судорог, руки и ноги непроизвольно болтались, словно у тряпичной куклы, на губах выступила кровавая пена.

— Что ты наделал! — Мелия первой очнулась от шока и бросилась на помощь Эмерику.

— Не трогай его! — истощенный крик Зиты остановил ее в локте от несчастного. — Ему уже не поможешь!

От вида того, что творилось с человеческим телом, еще недавно бывшим их товарищем, а теперь пожиаемым Незримым — демоном, вызванным им же самим, людям становилось дурно, но глаз отвести они были не в силах.

Дело подходило к концу. Из-за извивающейся стены послышалось глухое, чмокающее ворчание, и Эмерик завизжал, словно из него начали выедать внутренности. Кожа пошла трещинами, и на лопнувших местах появились кровавые потеки. Кровь стекала на пол, где уже образовалась лужа.

Эмерик захлебывался кровью, и они услышали, как трещат, ломаясь, кости бедняги. В следующий момент тело Эмерика начало комкаться, словно стремилось сжаться в шар, пока не превратилось в комок сочащейся кровью плоти, из которой торчали белые обломки костей.

Что-то еще булькало и переливалось, некоторое время комок уменьшался в размерах. Неожиданно один глаз вывалился на пол, комок резко сжался и исчез.

Мелию колотило. Она не могла стоять на ногах, но как ни странно, сознания не потеряла. Фабиан, сидя на диване, трясясь от страха, и единственной, кто не потерял самообладания, оставалась Зита. Она медленно повернулась к Фабиану.

— Ты знаешь, что ты наделал? — Она посмотрела на своего кавалера едва ли не с ненавистью. — Незримый по жрал его! Каким бы ни было до сих пор наше положение, теперь

оно стало во сто крат хуже! И уже это благодаря тебе! — Она сделала паузу, быть может для того, чтобы придать значительность своим словам, и понизила голос почти до шепота. — И запомни: если ты еще хотя бы шевельнешься без моего разрешения, считай себя трупом!

— Ну ты! — взвизгнул верзила неожиданно тонким голоском, которого тут же сам устыдился. — Если не перестанешь разговаривать со мной в подобном тоне, я и тебя скормлю этой твари!

Как ни странно, но Зита даже не рассердила.

— Ты можешь сделать это — ты ведь такой сильный! — Она окинула Фабиана презрительным взглядом. — Может быть, мы все и умрем, но знай: чем сильнее он становится, тем страшнее будет смерть каждой следующей жертвы. А теперь, если хочешь, убей меня, но, глядя на мою смерть, помни — твоя будет во сто крат страшнее! — Она выжидательно смотрела на Фабиана, и когда увидела, что смысл сказанного дошел до него, закончила: — Если же хочешь разумного совета — держись меня. Это единственный шанс уцелеть. Не только для тебя — для всех нас. Ты по-прежнему нужен нам, но ни шагу без моего ведома!

Казалось, сильнее напугать его было уже нельзя, но теперь гигант смотрел на Зиту взглядом, ясно показывавшим, что прежние ужасы он уже считает просто детскими страхами.

— Ну?! Так да или нет? — Зита требовательно посмотрела на него, и Фабиан судорожно кивнул, не в силах произнести ни слова.

Конан возвращался, не очень-то представляя, зачем делает это. Он знал, что не в силах помочь людям и ничего не сможет сделать с отвратительным черным облаком, которому не знал названия, зато хорошо помнил его угрозу: «Я вернусь и тогда возьму тебя!» — и чутье подсказывало ему, что это не пустые слова.

Он вернется.

И вернется тогда, когда почтвует возможность совершил то, что сказал. Значит, нужно лишить его этой возможности или найти способ уничтожить тварь до того, как она обретет достаточно сил.

Получалось так, что, лишь идя на смерть, можно было попытаться спасти себе жизнь!

Стена справа, стена слева. Небольшие ниши с застывшими на пьедесталах фигурами, оружие, развешанное по стенам. Все терялось в непроглядно густой тьме, но обостренное чутье варвара безошибочно подсказывало ему где что.

Вот выступ в стене — это уходит под потолок колонна. Ее не видно, но она почти физически давит на грудь, предупреждая: я здесь! Нужно только уметь отличить ее уверенный голос от тихого шепота ниши — иди смело, впереди ничего, пустота! — по неожиданной легкости, пришедшей на смену нажиму.

У оружия свой стиль: сталь холодит, а руки сами тянутся погладить острый клинок, сжать рукоять меча или ощутить приятную тяжесть секиры, дарующую ощущение безопасности и силы. Щиты соблазняют иным, обещая: возьми меня, я защищу, лишь бы держащая меня рука была тверда!

Безумный вопль неожиданно ударили Конана по ушам, заставив вздрогнуть и остановиться, но лишь на миг — кричали именно там, в комнате, в которую он шел. Кто-то находился криком так, что ушам было больно. Не думая о последствиях, Конан бросился вперед.

Несмотря на молодость, он много чего успел повидать на свете, и уж во всяком случае, крови и боли в достатке, но такого вытягивающего душу человеческого вопля он еще не слыхал. От этого крика кровь стыла в жилах, а волосы поднимались дыбом.

«Да что они там — с ума посходили?!» — подумал он, и в этот момент крик перешел в визг, сравнимый разве что с застывшим на одной, нескончаемо высокой ноте визгом заживо съедаемого поросенка. Равнодушно относившийся к крови Конан почувствовал тошноту.

«Кром! Этого еще не хватало! Да что они там делают!» — едва успев подумать об этом, он понял, что опоздал — крик оборвался. На мгновение остановившись, чтобы выругаться, он вновь пошел вперед, осторожно, словно тигр, вышедший на охоту, но когда подошел к двери, на этот раз плотно закрытой, все уже стихло.

Он подошел к ней вплотную и осторожно протянул вперед руку, в тот же миг почувствовав слабое жжение в пальцах, и ему почудилось, что какие-то призрачные нити потянулись к ладони, стремясь ухватиться за нее. Нет, лучше этого не касаться.

Дверь была густо вымазана кровью. Конан не мог видеть ее, но чувствовал горячее дыхание уходящей жизни и ее острый запах, не сравнимый ни с чем. Тот же след указывал вглубь коридора. Конану пришла в голову дикая мысль, что так могло случиться, если кто-то нес наполненные до краев ведра с кровью, которая расплескивалась при каждом шаге.

Он пошел по следам, но кровавые лужицы попадались все реже и становились все меньше — след иссякал. Сперва они превратились в подобия плевков, которые вскоре сменились каплями. Число их все уменьшалось, пока они не перестали встречаться вовсе.

Киммериец потерял след и осмотрелся, напряженно глядываясь в плотную завесу мрака, но ничего примечательного не увидел и не почувствовал. Тогда он вернулся к двери и прислушался — оттуда доносились голоса, но слышны они были настолько неясно, что, постояв немного в нерешительности, он решил вернуться туда, куда вели кровавые следы, и выяснить — куда же девались ведра с кровью?

— Сестра, ты что-нибудь можешь сделать?

Мелия говорила спокойно, но по лицу ее видно было, что она еще не оправилась от испытанного потрясения. Только что девушка воочию видела, что ждет их всех, если они не сумеют что-то придумать — если Зита не сумеет...

— Могу, — кивнула она, — но вы должны помочь мне — ты и он, — она ткнула пальцем в сторону единственного оставшегося с ними мужчины, — и план у нас прежний — нам нужен талисман — это единственный шанс спастись!

— А нельзя обойтись без него?

Теперь, когда Фабиан убедился в реальности и силе Незримого, он уже не испытывал прежнего трусливого оптимизма, а лишь удивлялся своей недавней глупой вере в успех, и страх, который до сих пор ему удавалось, хоть и с трудом, подавлять, теперь заставлял его думать лишь о том, как бы спастись самому. Плюнуть на все, отсидеться в каком-нибудь потайном уголке, недоступном для демона. Вот только где он — этот уголок?

Зита брезгливо посмотрела на Фабиана. Она мгновенно поняла его мысли, то ли по выражению лица, то ли интуитивно почувствовав, что ни на что иное, кроме бегства и предательства, он уже не способен, и насмешливо ответила:

— Зря ты мечтаешь отсидеться — от Незримого не спрячешься и не убежишь!

«Вот ведьма!» — с ненавистью подумал верзила, а она продолжала:

— Мне кажется, что ты не до конца понял, что случи лось. — Она посмотрела ему в глаза, но он молчал. — Когда Эмерик совершил первую глупость, прочитав заклинание, демон явился в наш мир. Колдовство оказалось необыкновенно сильно, но и оно не смогло освободить его полностью, а лишь выдрало черную душу из тела и перенесло ее к нам. Эта душа обязана была служить вызвавшему, но Незримый могуч и непокорен даже в нормальном состоянии, а взбешенный болью, стал почти неудержим! И все-таки шанс победить у нас был, и немалый, ведь мы оказались надежно защищены и имели в запасе достаточно времени. Мы вполне могли не торопясь подготовиться и развоплотить его. — Девушка сделала паузу, чтобы смочить губы вином, и продолжила: — Когда твой приятель повторил свой идиотский поступок, положение наше осложнилось. Не скрою, в первый миг я подумала, что мы пропали, но посте пенно все

встало на свои места, нам вновь удалось защититься, и шансы на спасение по-прежнему оставались весьма высоки. Хотя Незримый и прорвался в дом, а значит, стал для нас опаснее, но наверняка потерял при этом много сил, а времени в запасе у нас появилось еще больше.

— Что же мешает тебе сейчас проделать то же самое? — зло процедил сквозь зубы Фабиан. Его выводило из себя высокомерие сопливой девчонки, которая должна была, быть может в этот самый миг, рыдать под ним от восторга, а вместо этого открыто выказывала ему свое презрение.

Тут он, сам того не ожидая, почувствовал бешеный приступ похоти. Ему захотелось схватить эту маленькую сучку, задрать платье и показать, на что он способен и на что годится она! Он весь напрягся, похожий на мастера перед решающим рывком, но следующая фраза Зиты пригвоздила его к месту и одновременно возбудила еще сильнее:

— Ты, мерзавец!

— Я?! — Он был настолько шокирован ее ответом, что даже не заметил его откровенно оскорбительной формы.

— Ты дал ему лишний шанс одолеть нас, а он и без того слишком силен! Ты и Эмерик! Вы — два болвана, едва не превратившие нас в живых покойников. Эмерик сделал две глупости и умер, теперь ты бросился догонять его!

— Эмерик получил по заслугам! — От злости лицо Фабиана пошло пятнами. — Ты сама знаешь, что именно он протащил эту тварь сюда и в первый и во второй раз, и если нам всем суждено из-за него умереть, то я считаю, что он легко отделался!

При этих словах Мелию передернуло от отвращения, а Фабиан продолжал орать:

— Если уж считать виноватых, начни с себя, колдунья сопливая. Не разбрасывала бы книги с заклинаниями где попало, ничего бы и не случилось!

Зита задохнулась от возмущения, и тут Мелия, до тех пор молча наблюдавшая за ссорой несостоявшихся любовников, не выдержала:

— А ну замолчите оба! Не время теперь спорить, выясняя, чья вина больше — все мы наделали ошибок. Сейчас важно другое. Он ищет плоть и не успокоится, пока не добудет ее.

— Он получил Эмерика, — процедил сквозь зубы верзила, — пусть подавится им.

— Идиот! — прошипела Зита, но ужетише. — Он же демон! Он не может существовать в человеческом теле! По крайней мере плоти одного человека ему мало, но первый шаг он уже сделал и не успокоится, пока не возьмет нас всех! — При этих словах Фабиан зябко поежился, мгновенно вспомнив, как страшно умирал Эмерик. — Мы должны вернуть талисман, — в который уже раз повторила она, — но это очень опасно, ведь едва мы выйдем отсюда, Незримый начнет охотиться за нами.

Она посмотрела на Фабиана, у которого стояло перед глазами лицо Эмерика, с дико распахнутым в вопле безумной боли ртом, с выпученными, вылезшими из орбит налитыми кровью глазами, один из которых потом вывалился на пол, и Фабиан поймал себя на идиотском желании вспомнить: какой же он был — правый или левый?

— Не пойду! — зло огрызнулся он и с ненавистью посмотрел на Зиту. — Ты знаешь дорогу к тайнику, знаешь, как его открыть, и сможешь воспользоваться талисманом, ты иди!

Девушка обессиленно опустила руки.

— Я уже устала объяснять тебе, почему не могу сделать этого сама.

— Все равно не пойду, — отрезал он, — потому что не верю тебе — так или иначе мы все подожнем, так что я предпочитаю напиться до бесчувствия и подождать здесь.

Закончив говорить, он отвернулся, всем своим видом показывая, что решение его окончательно и менять его он не намерен. Зита поджала губы и зло бросила:

— Эмерику это не очень-то помогло, если припомнить — ему было достаточно больно...

Видимо, та же мысль одновременно пришла и в голову Фабиану.

— Заткнись, ты!.. — Он замахнулся на девушку, испытывая непреодолимое желание ударить ее, но, встретившись с ее презрительным взглядом, осекся и невольно опустил руку.

— Я предлагаю прекратить этот спор. — Мелия встала со своего кресла и, пройдя пару шагов, остановилась между ними. — Каждый из нас волен поступать так, как ему кажется правильным. Фабиан, — она повернулась к великому, — ты можешь начинать прямо сейчас, вино на столе. — Она посмотрела на сестру. — Если уж смерти не избежать, то я предпочитаю умереть, пытаясь спастиесь.

Фабиан смотрел на них во все глаза. Он-то думал, они бросятся перед ним на колени, станут молить о помощи...

— Но мы не справимся без него. Нам нужен мужчина, — Зита с отвращением кивнула на Фабиана, — хотя бы такой.

«Наконец-то поняли!» — со злорадством подумал он и потому решил молча проглотить это «хотя бы такой». Страх и жажда жизни боролись в нем. Жажда жизни говорила, что стоит рискнуть, и если повезет, благодарность сестер несомненно вознаградит его за страхи.

Но страх убеждал, что шансов нет, что все это — пустые мечты. Нужно воплотить их здесь, сейчас, пока еще есть время. Взять силой то, чего хочется, а потом напиться и вскрыть себе вены. И не будет никаких мук, которыми пугает его проклятая колдунья! Правда... и жизни тоже уже не будет. И спор начался сначала.

— В доме есть еще один мужчина, — неожиданно услышал он, — по крайней мере был! — Это подала голос Мелия. Зита с удивлением посмотрела на сестру, и та пояснила: — Помнишь воина-северянина, которого мы разглядывали? Так вот — тот постамент прежде всегда пустовал! Там никого никогда не было!

— Как так? — Зита недоверчиво смотрела на сестру. — И почему ты ничего не сказала нам?!

— А вот так! Это был вор! — Глаза девушки озорно сверкнули, она чувствовала воодушевление. — И хороший вор, умный — он спокойно стоял, опершись о меч, которым в любой момент готов был посрубать нам головы, если бы мы что-то заподозрили, а мы рассматривали его, хвалили мастерство скульптора, сравнивали с ним Фабиана, а он стоял и смеялся над нами!

— Но почему ты до сих пор молчала? — продолжала настаивать Зита.

Сестра ее на миг прикрыла глаза. Она не могла вспомнить, когда поняла это. Возможно, когда оглянулась, пройдя дальше по коридору, и ей показалось, что фигура чуть шевельнулась в тьме... Возможно, позже. Но затем случилось так много всего. Она попросту забыла... Но сейчас ей не хотелось признаваться в этом остальным. Приятно было насладиться их изумлением.

— Разве я молчала? Если припомнишь, я сказала, что не помню этой статуи, но настаивать не стала — не хотела вас беспокоить, особенно когда поняла, что меч он достал неспроста и опирается на него не напрасно. Но нужно торопиться: как бы он ни был умен и силен, как бы удача ни благоволила ему, но если он жив, то продлится это не слишком долго.

— Ты права, сестра. — Зита повернулась к Фабиану. — Ну так как — ты идешь с нами или пьешь?

— Между прочим, — вдруг заявила Мелия, не дожидаясь его ответа, — тот воин, на которого ты так похож, наверняка согласился бы!

— А кто тебе сказал, что я не соглашусь? — к собственному удивлению услышал он свой голос и выругался про себя. Дернул же его Нергал за язык!

Мелия равнодушно кивнула и повернулась к Зите, которая вдруг засуетилась.

— Раз ты идешь, — она небрежно кивнула Фабиану, — нужно действовать быстро, потому

что теперь у нас есть приманка для Незримого.

Зита ободряюще улыбнулась сестре, но та лишь огорченно вздохнула — ей вовсе не хотелось подставлять под удар незнакомца. Хотя, с другой стороны — это не ее вина. Он сам забрался в дом. Она посмотрела на Фабиана, пожиравшего ее взглядом, но лишь равнодушно кивнула ему, поглощенная своими мыслями. «Нергалово отродье! — зло подумал он. — Никакой благодарности!»

Конан стоял на лестнице и думал: наверх или вниз?

Несколько шагов назад кровавые следы кончились, и сколько Конан ни искал признаков, указывавших дальнейший путь — все было напрасно. Следов не было.

Он пожал плечами и двинулся вниз, руководствуясь нехитрым правилом: ищи нечисть в норах и подвалах. Это был тот самый подвал, где он нашел тайник, с длинным коридором, поделенным пополам массивной бронзовой дверью, доставившей Конану столько хлопот, с двумя рядами крепких деревянных дверей по обе ее стороны, которые тогда не заинтересовали молодого варвара.

Правда, сейчас он тоже не знал, что искать, а потому ходил и осматривал помещения, в надежде, что найдется нечто, что в силах будет помочь ему выбраться отсюда. Может, какой-то тайный подземный ход, на который не распространилось действие колдовства, или еще что-то в этом роде. Кто знает?

В начале коридора все комнаты оказались заперты, зато с другой стороны бронзовой двери все было открыто настежь, и он заходил во все подряд комнаты, попадающиеся на пути, пока в одной из них не обнаружил странное собрание чучел и скелетов. Из любопытства он задержался, чтобы поподробнее осмотреть их.

Зита повернулась к сестре.

— Все. Мы можем идти. Ты готов? — Она вопросительно посмотрела на Фабиана.

Тот кивнул и встал, слегка покачиваясь. За несколько минут он успел со страха выпить все вино, которое нашел, но желаемого облегчения не наступило. «Как и предупреждала проклятая колдунья!» — зло подумал он.

— Не надо было тебе пить, — укоризненно покачала головой Мелия.

— Я с-сам знаю, ч-что мне надо, — огрызнулся Фабиан и, покачнувшись, обернулся к Зите: — С-снимай свое про клятое заклятье!

— Если бы ты меньше пил, то знал бы, что оно уже снято.

Он посмотрел на девушку пьяным взглядом.

— Л-ладно, хватит болтать, — подошел к двери и толкнул ее — дверь не поддалась, тогда он поднажал обеими руками.

— О, Митра!

Фабиан завозился у двери и некоторое время девушки не могли понять, чем он там занят. Наконец он с усилием оторвал руки от двери и уставился на толстый слой густой полузастывшей крови покрывавший его ладони. Некоторое время он тупо разглядывал их, а потом бросился оттирать кровь об обивку дивана.

Мелия широко раскрытыми глазами наблюдала за его судорожными движениями, а Зита презрительно наблюдала за ним, стоя чуть сзади, пока не потеряла терпения.

— Идем, Фабиан, если останемся живы, у тебя еще будет время умыться.

И они пошли — девушки впереди, Фабиан сзади. Ему чудились шорохи и чье-то приглушенное дыхание. Он поминутно оглядывался и вздрагивал, постоянно смотрел на свои выпачканные кровью ладони и что-то бубнил под нос.

— Тихо, — прошептала вдруг Зита. — Ты что, хочешь подозревать его?

Фабиан дернулся, судорожно оглянулся, но замолчал и дальше уже шел молча, стараясь

держаться поближе к девушкам.

Конан поднял повыше лампу. Та, первая, что он прихватил у двери, когда шел за талисманом, и которая верно послужила ему, лежала разбитая на нижней площадке лестницы — кто-то неизвестно зачем запустил в нее подсвечником, валявшимся там же — и он порадовался, что не поленился на всякий случай захватить с собой еще одну.

Все здесь было покрыто пылью так же, как и коридоре: и пол и столы, чучела и скелеты. Здесь было много такого, о чем Конан и представления не имел. Некоторые из скелетов могли принадлежать лишь тварям, которым явно не было места на земле, и где владелец собрания приобрел их, можно было только гадать.

А вот среди чучел Конан не нашел ничего необычного. Правда, все, что здесь было собрано — будь то чучела или скелеты — выглядело несколько однобоко. В основном это были крокодилы, жабы и прочие гады, крысы и ночные твари, на день прятавшиеся от солнечного света и людских взглядов. Был тут и волк и еще несколько крупных хищников, но они казались скорее исключением из общего правила.

Внезапно Конан насторожился. Его острый слух различил неясные голоса, доносившиеся сверху. Он быстро обмотал фонарь тряпкой и, поставив его в угол, выглянул наружу.

Зита почти не хромала. Они уже подошли к лестнице и собирались спуститься в подвал, когда Мелия, оглянувшись, переменилась в лице.

— Бежим! Он идет следом!

— Кто идет? — тупо спросил Фабиан и вдруг, с диким воплем затравленного зверя отпихнув девушек, помчался вниз, перескакивая через две ступеньки, а затем и по коридору, сам не зная, куда и зачем бежит.

Именно в этот момент Конан, привлеченный шумом, высунулся в дверь. Он увидел молодого мужчину, который ломился во все комнаты подряд, но все они оказались заперты. Наконец разум окончательно покинул его, и, словно именно за этой дверью его ждало спасение, он начал с криком дергать за ручку запертой двери, пытаясь открыть ее. Пробегая мимо, Зита потянула его за собой, но не ей с ее слабыми руками было тягаться в силе с великаном.

Мелия дернула сестру за руку.

— Пусть этот трус остается здесь!

— Да как ты не понимаешь — без него мы пропали! Где нам искать своего вора?

И когда до Мелии дошел весь ужас положения, она схватила Фабиана за вторую руку. Теперь уже обе сестры пытались увлечь единственного своего мужчину за собой, но все было тщетно. Наконец, поняв, что настал момент, когда нужно спасать свои жизни, они побежали дальше, а Фабиан так и остался стоять, намертво вцепившись побелевшими пальцами в толстую бронзовую скобу. Теперь он был совершенно спокоен, и только губы его продолжали монотонно шептать что-то неразборчивое и бессмысленное.

Мелия и Зита в ужасе бежали по коридору, не зная, куда спрятаться. Они чувствовали, что еще немного, и они, подобно Фабиану, лишатся воли и разума, и ворвались в первую же открытую дверь. Мелия скорее ощутила, чем увидела темную тень, неслышно скользнувшую за спиной.

Все — это конец.

Она почувствовала огромную горячую ладонь, закрывшую ей рот, и отчаянно заизвивалась, размахивая руками, лягаясь ногами, одним словом — пытаясь освободиться. Сердце ее безумно заколотилось от страха, она даже не сообразила, что у Незримого, лишенного плоти, не может быть горячих ладоней! Чуть повернувшись, она увидела, что и Зита в таком же положении — висит в воздухе, размахивая руками — и прежде чем успела понять, что же произошло, услышала торопливый шепот:

— Тихо, тихо вы. Успокойтесь. Я не сделаю вам ничего дурного.

В другой обстановке и в иное время их жалкое сопротивление вызвало бы лишь смех Конана, но сейчас он оставался серьезен. Наконец до них дошло, что это не Незримый закрыл им рты руками, чтобы не кричали, а скорее всего тот самый вор, которого они решили принести демону в жертву в качестве приманки.

Они затихли, и Конан осторожно отпустил их. Девушки смотрели на него не только с тревогой и надеждой, но и с интересом, хотя положение их было, прямо скажем, совершенно неподходящим для этого.

«Хвала Митре, сохранившему ему жизнь, — подумала Мелия, — было бы жаль, если б он умер». Она смотрела на Конана с явным облегчением и... восторгом!

«Хвала Затху, — думала Зита, — теперь у нас есть другой мужчина — настоящий, а значит, не все еще потеряно».

Две красавицы смотрели на молодого варвара, одна с восхищением, другая с непонятной радостью, но он нахмурился и беззлобно проворчал:

— После насмотритесь, клянусь Кромом, а сейчас лучше помогите мне. Нужно запереть эту проклятую дверь!

Мелия вспыхнула, сообразив, как глупо она выглядит со стороны — никогда еще она не позволяла себе так, не скрываясь, пялиться на мужчину! Что подумает сестра! Она обернулась и увидела, что Зита вряд ли видела ее «позор», поскольку сама выглядела ничуть не лучше.

Она рассмеялась и, быстро затворив дверь, повернула ключ, а Конан, навалившись на шкаф плечом, легко поставил его на новое место. Ему не понадобилась их помощь, но пристальное внимание двух красавиц, с каждой из которых он с удовольствием пообщался бы при иных обстоятельствах, сейчас, непонятно почему, досаждало ему.

Зита скептически посмотрела на результаты его усилий и покачала головой.

— Ты думаешь, это жалкое препятствие сможет удержать демона?

Она сильно волновалась, хотя и старалась не подавать вида. Только что за ними по пятам гнался Незримый, потом их кто-то схватил, и сердце ее едва не выпрыгнуло из груди, но — странное дело — едва она увидела перед собой этого огромного воина, вора, похожего на северного бога, как странное спокойствие охватило ее, а Мелия — она покосилась на сестру — даже сумела рассмеяться! Словно им и не грозило ничто! Это было удивительно!

Конан спокойно пожал могучими плечами.

— Не знаю, красавица, но до сих пор это поганое облако плавало по коридорам, а сквозь камень не пролезало.

Лишь только он сказал это, как снаружи раздался первый, мощный удар, сотрясший стену и поднявший тучу пыли. Девушки инстинктивно прижались к Конану, ища у него защиты. Даже Зита от страха забыла о том, что она колдунья. Они смотрели на продолжавшую раскачиваться преграду. Дверь треснула в нескольких местах, и даже девушкам стало ясно, что жить ей осталось недолго.

Тем временем Фабиан, все так же тупо глядя перед собой, продолжал чуть слышно скулить. В царившей в коридоре абсолютной темноте он вряд ли смог бы что-либо различить, но даже будь здесь светло, это ничего не дало бы — разум его еще не проснулся, он лишь готовился воспрять — что-то уже начало проникать внутрь сознания, и когда со страшным треском сломалась дверь, с грохотом обрушилась баррикада и с низким, грозным ревом Незримый ворвался внутрь, чтобы пожрать людей, сознание наконец вернулось к Фабиану, и он с истощенным воплем бросился прочь.

Демон ворвался внутрь, но Конан загородил собой девушек, держа фонарь в вытянутой вперед руке. Незримый закружился вокруг него, но, отпугиваемый талисманом, к которому не

смел приблизиться, ослепленный светом лампы, не мог причинить вреда людям. Девушки, памятуя о недавнем происшествии в зале, боялись поднять глаза, опасаясь встретиться взглядом с Незримым, но даже если бы и сумели преодолеть страх — это ни к чему бы не привело. В комнате царил полумрак, в котором они вряд ли сумели бы различить его черную душу.

Лишь Конану с его обостренным восприятием удавалось следить за демоном, не позволяя ему напасть сзади. Некоторое время продолжался нелепый танец трех людей и Незримого, пока киммериец не понял вдруг, что если потухнет единственная лампа в его руке то они, ослепнув, окажутся во власти монстра.

Видимо, та же мысль пришла в голову и Мелии, потому что в один из моментов, когда они оказались у двери, она вдруг выхватила факел из кольца в стене и, ткнув его в лампу Конана и дождавшись, когда он разгорится, быстро зажгла от него еще пару факелов, находившихся поблизости. Факелы разгорелись и постепенно комнату залили потоки яркого света.

Девушки увидели черное облако, с грязно-бордовым оттенком, затаившееся в углу. Свет не мог причинить вреда демону, но он напрочь потерял ориентацию, подобно сове, вылетевшей в полдень под ясное око Митры. И, что самое важное, не мог поймать взглядов людей!

— Что? Не по вкусу? — Конан довольно ухмыльнулся. — Это тебе не девушек в темноте пугать!

— Глупец! Ты не знаешь, с кем связался! — донеслось из недр облака, и людей обдало ледяным холодом.

— Выходи на свет, отрыжка Нергала! Хватит прятаться!

— Ты хочешь видеть? Что ж — смотри! — отзывалось чудовище утробным голосом.

Ответ показался им странным, и поначалу никто из троих не понял, что произошло и на что они должны смотреть, но потом Конан заметил, как то здесь, то там от отдельных скелетов отделяются кости и косточки, собираясь в какую-то непонятную конструкцию в центре комнаты.

Мелия вскрикнула и прикрыла рот рукой. Что бы это ни было, но это было лишь начало! Начало чего-то страшного, о чем они пока не имеют представления, чего-то такого, что должно их уничтожить, иначе Незримый не стал бы тратить ни сил, ни времени на подобные глупости. И самым страшным было то, что она не понимала, что происходит!

Зита нахмурилась — до нее начал доходить смысл происходящего.

Тем временем на полу собрался скелетик некоей твари, мелкой и злобной, но явно неспособной причинить человеку вреда. Тварь, покачавшись на задних лапках и окинув их злобным взглядом одинокой дырки во лбу, поплелась в угол, где затаилось грязно-бордовое облако, и вскоре скрылась в нем. Облако забурлило, запенилось, словно в недрах его происходил некий процесс.

Конан выхватил меч, предчувствуя недоброе, но в следующий миг замер, пораженный увиденным. Девушки, все еще прятавшиеся у него за спиной, сдавленно вскрикнули и замолкли, и киммериец почувствовал, как впились ему в плечо девичьи пальчики.

Облако поднялось вверх, обнажив перед взорами людей некое существо... Оно не было похоже на зверя, но не было похоже и на человека, хотя стояло вертикально. Оно могло быть похожим на огромную ящерицу без хвоста, решившую прогуляться на задних лапах, если бы не крысиная голова с одиноким глазом во лбу, но главное — оно уже не было той мелкой тварью, что собиралась на их глазах из косточек посреди зала. Теперь она была ростом с младшую из сестер.. — Это Эмерик... — в страхе прошептала Мелия.

Услышав свое имя, чудище дернулось неестественным для человека образом, застыло на полу шаге и рывком уставилось на троих людей, замерших у двери. Крик ужаса застрял у Зиты в горле, Мелия сдавленно охнула, когда тварь прошлась по ним злобным взглядом единственного ока, но самым отвратительным было то, что у урода не было шкуры, лишь голые переплетения

мышц и сухожилий, по которым редкими каплями стекала кровь, покрывали тело.

Периодически тварь начинала трястись всем телом, словно в жестоком ознобе, и тогда кровавые капли падали в пыль на пол. Одна из них пробежала по поверхности не прикрытоого веком и оттого казавшегося непропорционально огромным глаза, оставив на нем кровавый след. Это словно бы навело тварь на некую мысль: урод рывком переместился на десяток локтей, вновь заставив девушек вскрикнуть от неожиданности, и, схватив чучело крокодила и одним быстрым движением вытряхнув из шкуры его содержимое, нырнул в облако, которое уже не было багровым, а вновь обратилось комком черноты небытия, неизвестно как попавшим в светлый мир Митры.

Едва тварь скрылась внутри, облако забурлило, но на сей раз все закончилось гораздо быстрее. Не успели девушки подумать о цели его действий, как урод выскоил наружу. Теперь тело монстра покрывала крокодилья шкура и оно уже не тряслось от озноба. Урод посмотрел на людей, пригнулся к полу, словно изготовившись к прыжку, и зашипел.

Зита взвизгнула, и Конан почувствовал, как обе девушки вцепились в него сзади.

— Убей его! — услышали люди мерзкий голос демона.

Тварь словно ждала именно такого приказа. Дернувшись, одним прыжком она сумела очутиться рядом с Конаном, но мощный удар кулака в висок отбросил ее к стене. Урод приподнялся на передних лапах и оскалился, обнажив два ряда длинных и острых зубов. Что означал этот оскал — гrimасу боли или улыбку — никто из троих не знал.

— Убей человека! — раздался повторный рык Незримого.

Тварь вскочила и одним движением сорвала со стены кривую туранскую саблю и небольшой круглый щит. Конан выхватил меч и приготовился. Он не знал, чего ожидать от монстра, но его способность передвигаться неестественно быстро настораживала, и, как оказалось, не зря.

Тварь нападала, молниеносным рывком подскакивая к Конану, наносила удар и так же быстро пропадала, уходя от ответного удара. Это раздражало, но гораздо хуже было другое — монстр оказался силен и неутомим. Он наскакивал справа и слева, и при его быстроте выпады эти становились все опаснее, потому что происходили почти одновременно!

Странное дело, как только начался бой, облако в углу застыло, обратившись неподвижным сгустком тьмы. Конан заметил это сразу — он ждал, что тварь попытается прижать его к своему господину, но этого не произошло, и он понял, что урод был частью Незримого! Частью, отделенной от целого и способной действовать самостоятельно, но сейчас, когда исход поединка был чрезвычайно важен, Незримый посчитал необходимым непосредственно управлять созданным им монстром.

Киммериец невольно усмехнулся: тут Незримый явно просчитался и очень скоро поймет это. Поймет, что тварь и без его помощи сильна своей быстротой и непредсказуемостью, а стало быть, есть возможность спокойно заняться девушками, которых он сейчас, едва успевая отбивать насоки твари, просто не в силах защитить.

И еще он понял, что эта вторая, созданная им из плоти Эмерика, часть не успокоится, пока не убьет Конана, а в том, что рано или поздно это случится, если, конечно, он ничего не придумает, варвар уже не сомневался. При всей своей силе и выносливости, он скоро начнет уставать, потеряет быстроту и пропустит атаку, а одного правильно нацеленного удара вполне хватит.

Почти сразу Конан заметил, что его явно пытаются оттеснить от двери, чтобы, улучив момент, ни он, ни девушки не попытались спастись бегством, а это означало, что не все так просто и однозначно предрешено, как вещал Незримый, значит, есть у них шанс спастись, раз демон, провозгласивший себя хозяином положения, опасается их бегства.

Эти мысли вихрем пронеслись в голове Конана, подсказав единственно возможный выход

— уничтожить тварь немедленно. Он не стал медлить, тем более что ее атаки хоть и были быстры, но действовала она однообразно, полностью положившись на тактику выматывания. Нужно было лишь выбрать удобный момент, и он не заставил себя ждать — четко угадав начало очередного броска своего противника, Конан шагнул навстречу и, чуть уклонившись влево, пронзил уродливое тело монстра мечом и, тут же выдернув его, оттолкнул тварь ногой.

Оружие выскоило из когтистой лапы монстра, он пал на четвереньки и завыл по-волчьи — дико и страшно.

Факелы начали чадить, грозя вскоре оставить их в темноте, но пока еще освещая пространство вокруг тусклым, желтоватым светом. Кровь капала из раны монстра, но он уже не выл от боли и предсмертной тоски, развернувшись и тихонько поскуливая, медленно пополз в сторону облака, замершего в самом темном углу комнаты.

Что все это означает и что должно произойти дальше, Конан понял мгновенно. Одним движением он закинул меч в ножны, схватил девушек за руки и бросился вон.

— Бежим! Сейчас он очухается, и все придется начинать сначала!

Уговаривать никого не пришлось. Мгновенно очутившись впереди Конана, они бросились вон, словно две ошпаренные кошки. Киммериец усмехнулся и последовал за ними. Он остановился всего раз, когда они миновали железную дверь, надвое делившую коридор.

— Бегите! — крикнул он девушкам, ухватился за рукоять, одним могучим рывком закрыл ее и запер, вогнав в дверную скобу туранскую саблю монстра. Кто знает, на что способна тварь, созданная демоном, но как бы ни была она сильна, с дверью ей повозиться придется!

Девушки бежали, от страха позабыв обо всем. Желание жить, даже не жить, а просто выжить в этот страшный миг оказалось настолько сильным, что Зита даже не вспомнила о талисмане, еще недавно составлявшим предел ее желаний, а теперь превратившимся в единственную возможность уничтожить Незримого, спасти свою жизнь. В тот момент, когда они выскочили из комнаты, он был всего в десяти шагах дальше по коридору, но она даже не посмотрела в его сторону!

В один миг они взлетели по лестнице, преодолели коридор, зал и второй коридор, и когда ворвались в комнату, Конан нагнал их.

На этот раз Зите не пришлось готовиться к колдовству. Всю дорогу она лихорадочно твердила слова заклинания, вызывающего паутину Затха, и, едва переступив порог, яростно выкрикнула их, произведя попутно необходимые жесты. Конан едва успел проскочить следом, как стены начали затягиваться знакомой уже белесой пленкой, которая должна была оградить их от Незримого.

Прошло совсем немного времени, и последний факел, тускло вспыхнув, потух, испустив перед смертью длинную струю дыма. Лишь только это произошло, монстр вышел из бесцелесной плоти Незримого, застывшего в углу. Рана на груди твари затянулась, она стала сильна как прежде, но Незримый ослабел, пожертвовав частью своей силы. Выбравшись наружу, он быстро восстановил бы потерю, но здесь, в замкнутом пространстве, силу черпать было неоткуда, и каждая потеря становилась невосполнимой.

Невольно Незримый задумался над этим, хотя в первый момент хотел послать тварь следом, в надежде настичь беглецов. Однако мелькнувшая мысль о невосполнимости потери остановила его, заставив осмыслить создавшееся положение, а поразмыслить было над чем. Сам он не боялся стали клинка, но свет отнимал у него силы и, что было еще хуже, ослеплял, лишая способности действовать. Именно поэтому он во время боя управляем монстром, желая видеть его глазом происходящее!

Тварь же, создание которой тоже не обошлось ему даром, не боялась света, но сталь могла нанести ей ощущимый урон, скомпенсировать который он мог опять-таки лишь за счет ущерба

себе самому. Быть может, он совершил ошибку, разделив себя на две, пусть и неравные, части, каждая из которых неизбежно оказывалась слабее целого? Но с другой стороны — это давало немалые преимущества, позволяя находиться одновременно в двух местах!

И все-таки он совершил непростительную глупость, рассчитывая с помощью своего творения, едва появившегося на свет, сразу расправиться с опытным и искусным бойцом, каким оказался проклятый гигант! По привычке он понадеялся на силу, совершенно забыв, что лишился большей ее части, и потерпел неудачу! Надо было действовать скрытно, и тогда его создание смогло бы поодиночке уничтожить людей, нападая на них исподтишка. Они даже не знали бы, кто их убивает!

Мысль была вполне здравая, но когда она пришла на ум, Незримый едва не зарычал от ярости. Ему, Незримому, с которым считались даже боги, приходится действовать тайно, изворачиваться, чтобы расправиться с жалкими людьми!

Тварь оскалилась и зашипела, обнажив острые, словно кинжалы, зубы. Она пошла вперед, а демон незримо плыл следом. Сейчас они поднимутся наверх и переловят людей, заберут их плоть. Незримый вновь станет единым, и не поможет уже варвару проклятый талисман, висящий на груди!

Тварь напряглась, упервшись ногами в стену, Незримый накрыл его собой, отдавая новую порцию силы, клинок с Другой стороны двери треснул, и дверь открылась. Путь был свободен.

Услышав голоса, Фабиан очнулся. Собственно, тень мысли коснулась его ума чуточку раньше, когда в коридоре раздались шаги бегущих, но это была всего лишь тень, подготовившая сознание к пробуждению. Почти сразу последовал недолгий всплеск, позволивший спастись из страшного подвала, и следом опять тьма... Лишь заслышив рядом голоса людей, он открыл глаза и осмотрелся. Обе сестры были здесь, а рядом с ними стоял незнакомец огромного роста, с растрепанной гривой смоляных волос. Пожалуй, он был даже выше Фабиана... Впрочем, не совсем незнакомец. Где-то Фабиан его видел.

Он принял вспоминать. Вяло и неторопливо мысли сменяли друг друга. Черные шаровары, черная рубаха, синие, как лед с вершин далеких северных гор, глаза. Казалось — вечность минула с тех пор! Тогда они еще смеялись... но когда это было и где — он не помнил.

Он вновь посмотрел на троих, занятых разговором — они не обращали на него ни малейшего внимания. Проснулась обида, но он подавил ее, вспомнив вдруг о собственном незавидном положении.

О чем они разговаривают?

Фабиан прислушался.

— Ну так что — вы готовы?

— Да.

— Хорошо, — синеглазый великан кивнул, — но вашего друга нельзя оставлять здесь.

— Да, — вновь согласилась Мелия и обернулась к нему, — Фабиан, ты должен собраться, ты нам нужен.

Ага! Они вспомнили о нем! Вспомнили, когда он им понадобился, когда поняли, что без него не обойтись! Он не помнил, сколько времени находился здесь, даже не помнил, как попал сюда. Он спал целую вечность — это было первое, что он осознал. Он нужен им — было второй мыслью. Однако ни та, ни другая еще не отложили отпечатка понимания на его лицо — лицо тупого идиота. И он не видел, как, посмотрев на него, Конан критически покачал головой.

— Кром! Мы все погибнем, взяв его с собой! Посмотри — он ни на что не годен!

— Оставлять его тоже нельзя, — возразила Зита, — и ты это знаешь!

— Знаю, клянусь копытами Нергала! — Варвар возбужденно заходил по комнате, а Фабиан, поняв, что решается нечто жизненно важное для него, заставил себя сесть и улыбнуться.

— В чем дело, друзья? Я тут заснул и вдруг слышу свое имя!

Он по-прежнему не помнил, как оказался здесь и что произошло. Равно как не помнил и того, что едва не выбило из него дух, иначе не сказал бы такой глупости. Он помнил всех, кроме огромного детины, которого, правда, тоже где-то встречал. Он решил, что находится на вечеринке и, немного перепив, заснул. Видимо, незнакомец пришел позднее.

В общем-то, он был сравнительно недалек от истины, он не вспомнил лишь «деталей» вечеринки, но деталей очень важных. Остальные постарались не заметить этого — с них достаточно было и того, что он пришел в себя.

— Наконец-то ты очнулся! — облегченно вздохнула Зита.

— Ну прямо герой, — проворчала Мелия, но так тихо, что услышал ее лишь Конан.

Да, эту девушку ничто не заставит лишиться чувств! Такая могла бы стать отличной подругой даже такому как Конан — человеку, привыкшему каждодневно рисковать собой!

Одним словом — она нравилась ему все больше. Занятый этими мыслями, он мимоходом наблюдал, как Фабиан вооружился мечом, и про себя удивился, что после такого потрясения парень на удивление быстро пришел в себя. Похоже, он недооценил своего нового товарища. Что ж, оно и к лучшему. Пара сильных рук никогда не помешает.

Зита сделала несколько незаметных жестов, и охранявшие их заклятье спало — теперь они вновь стали беззащитны. Хотя нет. Беззащитными они не были. Теперь они знали, что для каждой из тварей, охотившихся на них, есть свое оружие — сталь для зримой и свет для незримой. О том, что станет с ними, если они что-то упустили из виду, они предпочитали не думать.

Выходя, каждый из них брал по два факела — один поджигал здесь же, второй держал в левой руке про запас. И вот тут-то, уже на выходе, Фабиан увидел лужу на полу и глаз Эмерика, валявшийся здесь же, и мгновенно вспомнил все. Руки его затряслись. Он посмотрел на выпачканные кровью своего приятеля ладони, и ему стало совсем нехорошо.

Словно почувствовав эту перемену, Конан обернулся, но Фабиан на краткий миг сумел взять себя в руки и кивнул варвару — мол, все нормально, — и тот успокоился. Трясущимися руками Фабиан взял два факела и, стараясь ни с кем не встречаться взглядом, пошел вперед.

Они вышли в коридор и остановились.

Гудящая тишина стояла вокруг. Свет факелов позволял видеть пространство коридора на десяток локтей в каждую сторону. Дальше все тонуло в полумраке, за которой стояла стена непроглядной тьмы. Конан подумал, что их враги наверняка подготовились к встрече, и обернулся к молодой колдунье.

— Ты точно знаешь, что Незримый не сможет погасить огонь?

Та уверенно тряхнула гривой смоляных волос.

— Если бы смог, давно уже сделал это.

— И то верно. — Конан успокоился.

Конан успокоился, но не находил покоя Фабиан. Взгляд его перебегал от Мелии к Зите, от Зиты к незнакомцу, которого сестры называли Конаном. «Как хорошо, что я не один, что рядом кто-то есть! Пусть даже это чужак и две девушки, но нет никакого черного облака, пожравшего Эмерика, и ничто, по крайней мере сейчас, мне не угрожает!» — в момент прозрения эта простая мысль, пришедшая сразу же вслед за страхом, заслонила собой все, но радость была недолгой и закончилась, как только он понял, куда они идут и зачем.

Он шел, словно во сне, держа в левой руке оба незажженных факела, а в правой меч. Когда они оказались в пустынной, звенящей темноте, свет показался ему никуда не годной защитой, а затея безумной, но протестовать он не решался.

Они пошли знакомым уже путем, и неясные фигуры, спасавшиеся бегством от

надвигающегося света, чудились ему в отступающей тьме. Отовсюду слышались шорохи и мерещились притаившиеся тени. Он поминутно вздрагивал и озирался, но вокруг никого не было. Вскоре он услышал позади себя странный, скребущий звук и резко обернулся, но вновь никого не увидел.

— Ты что? — На этот раз Конан не на шутку встревожился. Каким бы трусом ни был Фабиан, а игнорировать его полностью было бы непростительной ошибкой. Киммериец знал, что иной раз страх обостряет восприятие на столько, что позволяет чувствовать то, что человеку в нормальном состоянии недоступно.

— Там кто-то есть! — зловеще прошептал верзила и судорожно обернулся.

Конан встал рядом и внимательно взгляделся в густую тьму, но ничего не увидел. Впрочем, если тварь и кралась следом, то теперь, когда ее вспугнули, наверняка поспешила ретироваться и затаилась в тени.

— Я пойду сзади.

Фабиан облегченно вздохнул и быстро пошел вперед. Здесь, позади Зиты, впереди Мелии, чувствуя надежную защиту своего нового товарища, он ощущал себя гораздо увереннее.

Конан насторожился. Тревога Фабиана против ожидания оказала на него более сильное действие, чем он согласился бы себе признаться. Пару раз он и впрямь услышал позади странный скребущий звук, словно кто-то осторожно крался следом. Это заставило собраться и одновременно успокоило его — осторожничает, значит, боится, а это уже хорошо.

Незаметно они дошли до зала, и Фабиан, осмелев, пошел вперед.

«Хвала Митре! — подумала Мелия. — Наконец-то он пришел в себя».

— Зажги факел, не строй из себя героя, — крикнула ему вслед Зита, но вместо того, чтобы последовать ее разумному совету, руки Фабиана безвольно разжались, факелы и меч упали на каменные плиты пола, а сам он, словно деревянный истукан, которого подтягивают вперед на веревке, двинулся в сторону зияющей тьмой дыры коридора по ту сторону зала.

— Стой!

Мелия бросилась к нему, первой почувствовав неладное, хотя и не представляла, чем сможет помочь, но Конан мгновенно сообразил что делать — его факел огненной кометой пронесся над головой девушки и, ударившись о стену, упал на пол, осветив на краткий миг зловещую тень, черной молнией метнувшуюся прочь.

Фабиан замер, словно нить, тащившая его неизвестно куда, лопнула. Потом пал на колени, жадно ловя ртом воздух, глядя, как занимаются огнем развешанные по стенам гобелены, не понимая, что произошло. Он чувствовал лишь безотчетный страх и вместе с тем облегчение, оттого что ужасная тень, с неодолимой силой звавшая его за собой, пропала.

Мелия склонилась над Фабианом, но Зита, схватив ее за руку, потащила за собой.

— Оставь! Теперь с ним ничего не случится, а вот сгореть мы можем запросто!

Мелия бросилась за сестрой. Конан поспешил им на помощь. Втроем они срывали со стен знамена и гобелены — огонь распространялся на удивление быстро — и затаптывали их. На время они позабыли обо всем, когда отчаянный крик Фабиана вернул их к действительности. Обернувшись, они застыли от ужаса. Тварь, с которой Конан уже имел дело в подземелье, напала на Фабиана, так и стоявшего в оцепенении посреди зала. Каким-то чудом он сумел отбросить монстра, который теперь готовился к новому прыжку. Не раздумывая, Конан метнул меч, но тварь ловко вывернулась и скрылась во мраке.

Конан резко обернулся.

— Не смотрите во тьму! Забирайте факелы и быстро сюда!

Медлить было нельзя, и Конан не церемонясь погнал их назад. Так вожак гонит свою стаю, чтобы уберечь ее от врага. Никто, кроме него, не понимал, что делать, кого теперь опасаться,

откуда на них в очередной раз навалится беда. Они даже были рады, что не приходится задумываться ни о чем, вручив свои жизни киммерийцу, который бежал позади, поминутно оглядываясь и подгоняя своих товарищей. Тот был уверен, что со стороны комнаты им ничто не грозит — тварь наверняка попытается обежать коридор, чтобы напасть сзади, но даже при ее быстроте передвижений этого нельзя было сделать мгновенно.

Они повиновались беспрекословно, молчаливо признавая превосходство киммерийца. Вскоре все четверо сидели в комнате, и Конан с раздражением, Зита с удовольствием, Мелия с радостью, а Фабиан с облегчением наблюдали, как густеет на стене паутина Затха, обещая им краткий период безопасности.

Девушки тут же занялись раной Фабиана. Он сидел по пояс раздетый, а Мелия бинтовала его разорванной на узкие полосы рубахой. Когти твари оказались гораздо опаснее, чем они думали, и раны были, хоть и не опасны, но глубоки и обильно кровоточили. Конан осмотрел их и подумал, что Фабиану повезло — придись удар немного ниже, и кишki оказались бы на полу. Тогда Конану не оставалось бы ничего иного, как прирезать их приятеля, а он сильно опасался, что это пришлось бы не по вкусу сестрам.

А Фабиан, занимавший сейчас руки и мысли своих товарищей, тупо смотрел на кровавую лужу перед дверью, и в голове его вертелся лишь один вопрос — правый или левый глаз Эмерика валяется в пыли рядом с ножкой дивана?

Глава шестая

Правый или левый? Фабиан не мог оторвать взгляда от покрытого пылью глаза, уставившегося помутневшим зрачком куда-то в угол комнаты. На чем свет стоит клял он себя за это, но ничего поделать с собой не мог.

Его всегда интересовало: что особенного находят женщины в этом тщедушном слизняке? И постепенно пришел к убеждению, что не иначе, как тот обладает некой колдовской силой, подпав под которую жертва лишь сохраняет видимость свободы, на деле оставаясь в полной власти мерзавца, пока не прискучит и он не выберет новый объект для своего внимания. Однако, когда Фабиан начал наводить справки, то вскоре выяснил, что тот явно не владел никакими тайными знаниями, а наоборот — панически боялся всего, связанного с колдовством, и вопрос повис в воздухе.

Он оторвался от воспоминаний и вновь взглянул на глаз Эмерика, задавшись прежним вопросом — правый или левый?

Тьфу ты, пропасть! Он вздрогнул и отвел взгляд, невольно вернувшись к прежним мыслям.

Когда вариант с колдовством отпал, он начал следить за своим приятелем. Было время, когда Фабиан частенько ловил себя на том, что изучает его внешность, когда никто не видит, но и это никак не объясняло неотразимости Эмерика в глазах женского пола. Зато он узнал нечто такое, чего не знал никто и что дружок его тщательно скрывал от всех: его левый глаз немножко косил!

Обычно Эмерик следил за собой, успешно скрывая этот недостаток, к которому относился весьма болезненно, но изредка, когда перепивал или задумывался над чем-то и терял контроль над собой, левый глаз его начинал смотреть в сторону, причем иногда весьма сильно, словно пытаясь посмотреть на сидящего рядом соседа, а то и подглядеть за тем, что там делается за спиной! Правда, случалось такое редко, обычно когда веселье было в разгаре, да и везло ему необыкновенно! Так или иначе, а никто, кроме Фабиана, об этом недостатке покорителя женских сердец не знал.

«Впрочем, — осек он себя, — сейчас это уже не поможет».

Иное дело тогда! Как иногда было приятно в шумной компании, в обществе равных себе представителей золотой молодежи Шадизара — общества, куда допускались лишь избранные — отпустить тонкую шутку, невинный намек, понятный лишь им двоим, следя за реакцией приятеля. Наблюдать, как невольно бледнеет его холеное лицо, как фальшиво он смеется, удивляя окружающих, как силится поддерживать прежний непринужденный разговор!

Как ненавидел его Эмерик за то, что тот раскусил эту маленьющую тайну! Иногда Фабиану казалось, что еще немного, и приятель бросится на него с кулаками, и это доставляло ему немало приятных минут! И, видя это, Эмерик изводил себя бессильной ненавистью — он был готов убить его!

И тут неприятная мысль поразила Фабиана: так ведь эта одноглазая, мерзкая тварь, созданная из костей мертвцевов и облеченнная поганой плотью его старого приятеля, пыталась убить его! Его! Фабиана! Своего лучшего друга! И она сделала бы это, если бы не Конан, отогнавший тварь!

Его бросило в жар: он вспомнил, что только что едва не Умер!

Он не смог побороть искушение и вновь с ненавистью посмотрел на глаз.

Зрачок злобно уставился на него, пристально изучая. Фабиан зябко поежился. Злость моментально испарилась, навалился страх. Его бросило в жар, мысли лихорадочно закружились.

Что тебе нужно от меня? Ведь ты умер! Я убил тебя! Какое право ты имеешь лежать здесь и недобро коситься на меня?!

Руки его затряслись. И вдруг он почувствовал, что злоба во взгляде валявшегося в пыли одинокого глаза неожиданно сменилась немым укором. Ему даже почудилось, что он слышит голос Эмерика, отвечающий ему: «Зачем ты убил меня? Я не сделал тебе ничего дурного! Я, как и ты, был молод и мог бы жить еще долгие годы! Но ты убил меня! Я отплачу тебе тем же! — Око вновь яростно сверкнуло нескрываемой злобой. — Смотри же на меня!»

Это было невыносимо! Он стиснул зубы и едва сумел подавить стон. Однако остальные, почувствовав неладное, а скорее всего что-то услышав, обернулись.

Фабиан полулежал на диване с побелевшим лицом и выпученными от страха глазами смотрел куда-то на пол перед дверью. Конан слегка поморщился: похоже, этот бравый вояка доставит им больше хлопот, чем пользы. Однако Зита насторожилась.

— Что случилось, Фабиан?

Она подошла к брезвально распластавшемуся в кресле великану и тронула его за плечо. Тот вздрогнул и, посмотрев на нее безумными глазами, указал дрожащей рукой в угол комнаты.

— Он смотрит на меня, — медленно прошептали его по белевшие губы, — следует за нами своим левым глазом. Он всегда делал это, если никто не видел.

Мелия переводила взгляд с него на сестру, не понимая, о чем они говорят. Кто смотрит? На кого? Она перевела взгляд на Конана — тот оставался спокоен. Он просто стоял и ждал, когда Зита успокоит своего слабонервного кавалера и можно будет продолжить прерванный разговор.

Зита проследила за взглядом Фабиана, наклонилась к полу и пошла к двери.

— Что там, сестра? — Мелия хотела подойти к ней, но колдунья подняла руку, жестом останавливая ее.

— Здесь глаз Эмерика.

— Так что ж? — Конан пожал плечами.

— Его нужно убрать отсюда. — Она значительно посмотрела на Конана, желая показать, что, возможно, Фабиана терзают вовсе не пустые страхи. — Между ними могла остаться связь.

— Ну так в чем дело? — Он недоуменно посмотрел на девушку, искренне не понимая ее непонятной озабоченности подобной безделицей. — Выброси эту дрянь, и дело с концом!

— Его нельзя трогать руками, — она покачала головой, — да и девять его некуда — из комнаты нам не выйти. Ты забыл?

Конан шагнул к ней. Его уже начал нервировать этот нелепый разговор.

— Нергалово отродье! Трогать его нельзя! Выйти нельзя! — В раздражении он вынул из-за пояса кинжал и, несмотря на протесты Зиты, наколол на него глаз и бросил в камин. — Больше разговоров!

Покачав головой, Зита заметила:

— Ты храбр, конечно, и сейчас оказался прав, но прошу тебя — не делай больше таких вещей, пока я не позволю! Обещаешь?

Конан посмотрел на нее изучающим взглядом — молодая ведьма нравилась ему, но вовсе не настолько, чтобы потерять голову и давать подобные безрассудные обещания — и неожиданно улыбнулся.

— Обещаю действовать по-своему, но лишь после того, как выслушаю тебя.

И Зита улыбнулась ему в ответ, молчаливо согласившись на предложенный вариант, понимая, что большего от такого человека, как Конан, ей добиться вряд ли удастся, а Фабиан, как ни расстроен был страхом его ума, скрипнул от злости зубами, увидев, что Зита — его Зита! — улыбается варвару так, как имеет право улыбаться только ему.

Тварь замахала руками, пытаясь защитить лицо, но острые сталь вонзились в глаз. Она

схватилась за свой одноглазый лоб, словно это в него угодил нож Конана, и замерла, но через несколько мгновений закорчилась и заизвивалась всем телом, когда пламя очага, гудевшего высоко над головой, коснулось ее плоти, пытаясь пробраться внутрь головы, выжечь мозг, уничтожить.

Тварь каталась по полу от терзющей ее невыносимой боли и заходилась отвратительным, скрипучим визгом, непохожим на голос ни одного из существ, когда-либо ходивших по земле.

Черное облако застыло неподалеку, не обращая внимания на боль своего создания, на время полностью убравшись из ее сознания, чтобы боль не мешала думать. Пусть эта боль станет ей наказанием за трусость!

Незримый любил боль. Не свою, конечно, но любил, когда ее испытывали другие. Любил доставлять страдания и обожал наблюдать за жертвами. Особенно за теми, кто служил ему. Их он частенько ввергал в муки просто для удовольствия и видел в этом большой смысл: боль заставляла ненавидеть, делала сильнее.

Поэтому его не тревожила боль, испытываемая его тварью. Пусть валяется по полу и копит злобу — это даже полезно. Сейчас важнее другое — второй глаз уничтожен, а это значит, что теперь они не смогут заранее узнавать что замышляют люди, и не смогут подготовиться к их очередному выходу, как то было в прошлый раз, когда его план едва не удался.

Если бы не варвар!

Что ж — его плоть пригодится Незримому... в свое время, а пока нужно подумать о том, как восполнить потерю.

Незримый задумался. Слишком много сил он потерял, и сознание того, что привычные методы стали недоступны, приводило его в ярость. Однако он подавил в себе это чувство. Ярость — привилегия силы, а он теперь слаб, а значит — должен вернуть силы, заслужить право на ярость! И он вернет их! Вернет непременно!

Эти размышления успокоили его, и он подумал, что все не так уж плохо, нужно лишь действовать с умом. Времени у него теперь достаточно — свет Митры не грозит ему здесь, за толстыми стенами дома. В крайнем случае, он может просто подождать, когда люди передохнут от голода. Правда, тогда их плоть окажется потеряянной для него, и останется заклятье, удерживающее его здесь. Но это не беда, ведь останется и книга, которую люди прячут в коконе проклятого Затха! Когда с людьми будет покончено, он найдет способ пробраться внутрь, уничтожит книгу и заклятье спадет!

И тогда...

Он станет свободен! Свободен, после стольких веков заточения! Он сможет отомстить и отомстить страшно! Но... для этого надо выбраться отсюда. И он отогнал приятные мысли, чтобы заняться насущными делами.

Итак, его тварь обладает огромными силой и быстротой. Раны, по крайней мере не несущие мгновенной смерти, не опасны для нее, а если нужно, он всегда придет на помощь. Тварь потерпела два поражения, и они должны научить ее многому. В этом он не сомневался — после того, как ее проткнули мечом, она стала гораздо осторожнее! К сожалению, ей нужно подобраться вплотную, чтобы причинить вред человеку.

Но были у нее и недостатки. Тварь оказалась труслива. В этом его убедило второе столкновение, когда при первой же опасности она бежала, и он не смог заставить ее вернуться, сумев лишь убедить обежать здание и напасть на людей сзади.

К тому же она была не слишком умна, а потому в ответственных ситуациях он предпочел бы сам управлять ее телом. К сожалению, для этого ему пришлось бы переселиться в плоть твари, но тогда она сгорела бы слишком быстро.

Сейчас он мог лишь контролировать ее мысли, а руководить поступками имел возможность

только на близком расстоянии — чем дальше друг от друга они находились, тем слабее становилась связь. Причем даже это немногое он мог позволить себе лишь в ситуации, когда самому ему ничто не грозило. Конечно, тварь может затаиться, но проклятый варвар слишком осторожен... Здесь опять незаменимыми были его ум и опыт.

Незримый задумался — руководить поступками твари на любом удалении, отдавать беспрекословные команды... Эта мысль казалась удачной, но требовала перемещения части сознания в плоть твари, а это опасно... хотя и заманчиво!

Сам он способен обмануть любого, подманить к себе, но только если человек один и ему никто не придет на помощь, как это случалось уже несколько раз. И он не может находиться на свету, а тварь может!

Ну что же, выход всегда найдется! Незримый знал это. За бесчисленные века жизни он накопил огромный опыт. Он сделает то, что задумал, и кое-что сверх того!

Тварь в углу затихла, и Незримый неслышно наплыл на нее. Тварь замерла, чувствуя, как боль слабеет. И еще она чувствовала, что меняется, но как — пока не знала. Это длилось долго, но сколько, она тоже не знала — вокруг по-прежнему царили тьма и тишина, а внутри блаженство покидающей тело боли. Тварь чувствовала, как наливаются силой мышцы, а мысли становятся глубже и определеннее, суждения тверже, уходит нерешительность, появляется уверенность в себе.

Когда Незримый отступил, тварь почувствовала, что изменилась. Как? Она задумалась. Она больше не чувствовала Незримого хозяином, повелителем. Он стал... частью ее самой! Вернее — она стала его частью. Маленькой частицей большого целого. Они стали больше, чем отец и сын, которых связывает лишь крохотная частица плоти, отданная одним, чтобы появился на свет другой. Их связывало нечто большее — единство духа! Они стали единым существом!

— Ну так что мы будем делать? — Зита вопросительно посмотрела на Конана. С тех пор, как он оказался среди них, она понемногу, сама того не сознавая, начала считать его главным среди них — вожаком стаи — и теперь ждала его ответа, ничуть не сомневаясь, что вожак знает, как поступить в любой ситуации.

На то он и вожак.

Конан небрежно пожал могучими плечами.

— Ты колдуны. Тебе лучше знать, на что способны наши враги и как их победить!

Но девушка покачала головой.

— Да, я знаю, как их победить, но для этого мы должны попасть в подвал. Мы только что попытались сделать это, и Фабиан чуть не погиб. Мы не подумали, что для того, чтобы пробраться туда, мы должны были сперва уничтожить Незримого и его тварь.

...Фабиан с ненавистью посмотрел на Зиту. Дочь шелудивого верблюда решила, что знает все, и повела их за собой! В результате он едва не лишился своей драгоценной жизни! Фабиан чувствовал, как растет его ненависть. К кому? Он переводил взгляд с одного на другого. Ко всем троим! К Зите, которой он, Фабиан, похоже нужен был лишь для того, чтобы взять проклятый камень, а теперь, когда появился чужак, забывшей о нем! К Мелии, которая однажды отвергла его притязания и с тех пор уже не воспринимала всерьез! К проклятому варвару, который спас ему жизнь!

И тут его осенило: ведь варвар хитер. Он ничего не делает просто так. И жизнь ему он спас лишь затем, чтобы унизить Фабиана и тем возвысить себя в глазах обеих сучек! И он достиг своего!

Фабиан закрыл глаза. Теперь он испытывал только страх и похоть, похоть и злость, злость и ненависть, ненависть и страх. Он не знал, отчего так произошло, равно как не задумывался и над тем, что он уже не тот бесшабашный весельчак и балагур, каким был еще вечером.

Новые мысли и желания появлялись у него, и он даже не задумывался над тем, откуда они берутся, а зря. Еще было время, чтобы исправить многое, но неудовлетворенная похоть будила злость, злость порождала ненависть, а страх нашептывал, что нужно быть осторожнее. Так что время шло, и три сестры — Злоба, Похоть и Ненависть — доедали беднягу под бдительным присмотром старшего брата — Страха, и никто, а уж тем более Фабиан, не знал, что это отвратительное семейство работает на Незримого, а он медленно и неотвратимо становится третьим...

У Конана шевельнулось в душе смутное подозрение, и едва он осознал его, как тут же, не раздумывая, воскликнул:

— Кром! Ты бы хоть сказала, что тебе там нужно! Быть может, я найду способ что-то сделать!

Сказав это, Конан посмотрел на Мелию и во взгляде ее прочел надежду и веру в него и что-то еще, незнакомое и очень теплое. Чувство, порожденное этим взглядом, было столь сильным, что он поклялся себе: что бы ни случилось, а ее он спасет непременно! Ее и Зиту!

Зита вздохнула устало и обреченно. Она уже и не думала ничего скрывать от киммерийца, как это было вначале, твердо уверовав, что если им и суждено спастись, то спасет их варвар, случайно оказавшийся в этом доме вместе с ними, а вовсе не ее колдовское искусство.

— Внизу, в тайнике, хранится камень. Он называется Талисман Силы. А в этой книге, — она положила руку на обгоревший фолиант, — заклинание, позволяющее использовать его. Если мы добудем камень, я смогу уничтожить Незримого.

Конан пожал могучими плечами.

— Чего проще. Нужно было просто сразу сказать, что тебе нужно.

Он достал из-за пояса замшевый мешочек и осторожно выкатил лежащий в нем солнечно-желтый шар в вазон, стоящий на столе.

— Этот?

Округлившимися от восторга и изумления глазами девушка смотрела то на Конана, то на камень, не в силах выговорить ни слова. И эти два чувства так разительно изменили ее, изгнав тосклившую безнадежность, что Конан не выдержал и расхохотался.

В безумном порыве Зита бросилась ему на шею, покрывая лицо поцелуями. Ее радость передалась Конану — он обнял ее и закружил по комнате, на время забыв обо всем.

Мелия смотрела на двух счастливцев, и сердце ее сжалось от радости и боли. Она радовалась за сестру, которая нашла себе пару. Достойную пару... Тут она невольно покосилась на безвольно обмякшее в кресле огромное тело Фабиана. Ни мощью, ни статью он, пожалуй, не уступал Конану, но какая разительная разница была между этими двумя молодыми людьми!

Отвага, неустрашимость, напор Конана и безвольное, граничащее с истерикой восприятие любой неудачи Фабианом! А ведь сегодня вечером она едва не пожалела о том, что когда-то рассталась с ним. Воистину сегодня ночь откровений! Ночь горестных открытий и прозрений... Что бы она не отдала, на что бы не пошла за счастье поменяться с сестрой местами!

Но человек, о котором она тщетно мечтала не первый год, которого искала повсюду, о котором грезила, черты которого пытались отыскать в каждом новом лице, достался другой. В этом была вопиющая несправедливость, но она была лишена возможности даже попытаться исправить ее, потому что этой другой оказалась ее сестра...

Фабиан, по которому только что с таким презрением скользнул мимолетный взгляд Мелии, тоже смотрел на кружашуюся в центре комнаты пару, но мысли его были иными.

Его отношение к Конану обрело четкие черты ненависти, и он почувствовал, что не успокоится, пока не убьет проклятого варвара, доказав тем самым, что он лучше его! И пока не овладеет этой маленькой стервой, приведшей его сюда и с такой легкостью променявшей его на

киммерийца. Предавшей его! Этого предательства он не простит им обоим. Еще оставалась Мелия, но что делать с ней, он решит после.

Придя к такому решению, Фабиан почувствовал себя гораздо увереннее, как человек, вдруг ощущивший твердую почву под ногами вместо засасывавшей его мгновение назад вонючей болотной жижи. Теперь, обретя эту уверенность, он вдруг понял, что знает, как ему действовать дальше. Вперед его поведут три сестры, а за тем, чтобы он в пылу борьбы не совершил какую-нибудь оплошность, присмотрит их старший брат.

Вспомнив о том, что они не одни, Зита освободилась из объятий Конана и смущенно потупилась, но почти сразу прежнее чувство взяло верх, и она вновь с восторгом посмотрела на Конана.

— Чего же мы ждем? У нас есть все, что нужно! Конан ободряюще улыбнулся ей.

— Давай, милая, насади эту тварь Нергалу на рога!

Она ответила ему благодарным взглядом и, с воодушевлением схватив книгу, что-то замурлыкала себе под нос, возбужденно перелистывая страницы. Сейчас она покажет ему, что достойна стать подругой великого воина, потому что она ему ровня. Пальчики ее мелькали все быстрее и быстрее, но нужного места не находили.

Она побледнела, впервые почувствовав неладное, и Конан, увидев вдруг, как побелели только что горевшие от возбуждения щечки девушки, а движения из быстрых стали лихорадочными, насторожился.

— Что-то случилось?

И, услышав его голос, Зита растерянно посмотрела на него и почувствовала, как комок подступает к горлу, а на глаза наворачиваются слезы.

— Оно сгорело, Конан...

Ее растерянный взгляд перебегал с него на сестру и обратно. В комнате повисла мертвая тишина. После только что испытанного всеми, не исключая и Фабиана, возбуждения это известие оказалось тяжелым ударом. Оно было крушением всех надежд, вновь возвратив к тому положению, с которого начали — к положению узников, загнанных в западню.

Правда, теперь с ними был Конан! Никто из троих даже не задумывался о том, что он такой же человек, как и каждый из них! Для них он стал единственной надеждой на спасение, могучим воином, силой своей равным богам!

Все трое с надеждой смотрели на него, ожидая ответа, а он молча подошел к столу, бережно поднял вазон, аккуратно наклонил его и, когда камень скатился в подставленный мешочек, затянул тесьму и убрал его на прежнее место, за широкий черный пояс.

Он по очереди посмотрел на каждого и увидел обращенные к нему лица, на которых застыло одинаковое выражение робкой, исчезающей малой надежды. Кром! Да чего же они ждут от него?! Он что — колдун? Что он может поделать с тварью, которую не берет острыя сталь, с тварью, лишенной плоти? Да будь он во сто крат сильнее — ничто не изменилось бы!

Он покачал головой и обернулся к Зите.

— Говори, милая, что нам делать — это по твоей части. Округлившимися глазами она посмотрела на Конана, моргнула, и первая слезинка, не удержавшись, скатилась по щеке, оставив за собой влажную дорожку.

— Я больше ничего не могу. Только ты, Конан... — Она не договорила, задохнувшись от слез, но все поняли смысл недосказанного.

Конан пожал плечами.

— Я воин! Я лишаю врага жизни, уничтожая его тело, но я не в силах лишить жизни лишенного плоти! Облеки его во плоть, и, клянусь Кромом, я уничтожу тварь, или пусть Нергал затопчет меня копытами!

Зита тяжело вздохнула.

— Я не знаю, как это сделать, Конан...

— Значит, ты должна найти способ убить его в том облике, какой он носит.

Она подняла к нему залитое слезами лицо.

— Я не знаю, как это сделать, Конан!

— Тогда мы все погибнем.

Лицо ее исказилось гримасой боли, и она простонала навзрыд:

— Я не знаю, как это сделать! Ко-она-ан!!!

Из глаз ее вновь брызнули слезы, которых она не в силах была сдержать. Она бросилась Конану на грудь, тело ее вздрогивало от рыданий. Он гладил ее волосы и, когда она немного успокоилась, сказал:

— Думай, милая, думай. Я готов пробиваться к цели, но ты должна указать мне путь.

Понемногу она приходила в себя. Конан что-то тихонько шептал ей на ухо, но Мелия, с завистью следившая за ними все это время, не смогла разобрать ни слова. Ни единого слова, кроме последней фразы, произнесенной киммерийцем в полный голос.

— Ты знаешь то, что не знает ни один из нас — Он мягко отстранил ее от себя и посмотрел в заплаканное лицо девушки. — Любое полезное нам знание прибавит нам силы.

Она посмотрела Конану в глаза. Губы ее еще дрожали, но во взгляде появилось желание сделать все, что можно. Конан, увидев, что с девушкой, похоже, все в порядке, отошел к столу, налил бокал вина и протянул его Зите.

— Припомни все, что сумеешь. Любая мелочь может оказаться решающей.

Он усадил девушку на диван, а сам устроился в огромном, словно специально для него сработанном, кресле напротив Мелии, сидевшей в углу комнаты на маленьком диванчике.

Он хотел бы поговорить по душам с Фабианом, но тот уснул, сидя в своем кресле, и Конан не стал будить его — пусть выспится. Быть может, сон вернет ему былую уверенность в себе, и он перестанет быть для них обузой?

Зита надолго замолчала, добросовестно выполняя поручение Конана, и Мелия, посмотрев на киммерийца, спросила:

— Как думаешь, Конан, мы останемся в живых? Варвар внимательно посмотрел ей в глаза. Как просто прозвучал ее вопрос! Словно не о собственной жизни и смерти интересовалась она, а о чем-то каждодневном, будничном, не имеющем важного значения. Похоже, с сестрами проблем не будет. На деле они оказались сильнее, чем этот здоровенный, раскисший от страха мужик!

Он еще раз окинул ее внимательным взглядом — не ошибся ли? Но она по-прежнему ждала ответа — спокойная, готовая ко всему. Он понял, что такой девушке нельзя лгать, и ее прямой вопрос требует столь же прямого ответа.

— Не знаю, — Конан говорил медленно, тщательно взвешивая каждое слово, но Мелия настаивала на своем.

— Ты думаешь — мы умрем?

— Не знаю, — повторил он и, увидев, как девушка по морщилась словно от зубной боли, добавил: — Но умирать я не намерен.

— Так ты считаешь, что мы выберемся, — она все-таки хотела получить однозначный ответ.

— Не знаю, — в третий раз повторив свою фразу, Конан улыбнулся и на сей раз решил не ограничиваться ею, — но время работает на нас.

Мелия удивленно посмотрела в глаза варвару, ища в них подтверждения родившейся в ней надежде. Она-то считала, что чем дальше, тем тяжелее становится их положение. Время, проведенное в этом доме, превратилось для них в сплошную цепочку неудач и потерь.

Трагических, как смерть несчастного Эмерика и появление в доме этого Митрой проклятого творения Сета — Незримого! А враг их, наоборот, становится все сильнее — теперь он не один, а значит, сделался вдвойне опаснее! И вдруг Конан заявляет, что все происходит наоборот!

Ее не могло удовлетворить такое объяснение, и Конан понимал это.

— Вспомни, когда кто-то из вас вызвал его в наш мир, что произошло!

Мелия кивнула.

— Я думала, он развалится на куски.

— Может быть, так и случилось бы, если б не ограждающее заклятье, — на мгновение Конан задумался, — но когда его втащили в дом, и он начал охотиться за нами, то не стал ломиться сквозь стены, и даже нашу неуклюжую баррикаду он развалил не с первого раза.

— Ты хочешь сказать?..

— Он становится слабее, — Конан кивнул, — а сейчас мы сидим в коконе, который, по словам Зиты, он способен распороть как подушку, а он даже не пытается достать нас, хотя цель его именно такова. Говорю тебе: он теряет силы, и ему неоткуда их восполнить!

Конан видел, что почти убедил ее, но остатки сомнения еще боролись с его доводами.

— Но ведь и мы теряем силы! Вскоре мы почувствуем голод и жажду, и чем дальше, тем будет хуже. Быть может, понимая это, он и не торопится рваться внутрь, не желая тратить силы понапрасну?!

— Пусть ждет, — Конан равнодушно пожал плечами, — меня это вполне устраивает, потому что я ждать не собираюсь. Как только Зита закончит свои поиски, мы выйдем отсюда, потому что лучшая защита — это нападение! События развиваются слишком быстро. Уверяю тебя, мы не успеем умереть от жажды, а когда выйдем, тогда-то он и поймет, что потратил время даром, а мы нет, но будет уже поздно.

— А ты уверен, что и он не рассуждает так же?

«Не глупа и красива, — Конан посмотрел на нее с невольным уважением и тут же одернул себя, — да что там — умна и прекрасна, словно богиня, спустившаяся в мир людей!» Такого сочетания Конан еще не встречал — обычно красота исключала ум, которым Митра не слишком щедро одаривал женщин.

— Не уверен. Именно поэтому и не отвечаю тебе, что мы наверняка останемся живы.

— А если сестра ничего не найдет, что мы будем делать, когда выйдем?

Конан равнодушно хмыкнул. Для него подобного вопроса не существовало.

— Мы займемся тем, чем, как думает Незримый, занят сейчас он.

— Что же это?

— Охота.

Некоторое время Мелия молчала, пораженная. Он что, с ума сошел, этот не знающий страха воин?

— Как же мы станем охотиться на него? Ведь ты сам говорил, что не можешь лишить жизни лишенного тела!

— Верно, — согласился Конан, — но вторая тварь вовсе не бесплотна! Уничтожив ее, мы нанесем Незримому серьезный урон! — Он немного помолчал. — Но нужно быть готовыми к тому, что он немедленно захочет отомстить. Это нужно использовать.

— Но, насколько я понимаю, лишь в том случае, если Зита найдет способ избавиться от него самого? — Она вопросительно посмотрела на Конана.

— Это было бы просто здорово! — Он кивнул. — Тогда нам останется лишь прикончить тварь.

Она удивленно посмотрела на киммерийца. Он говорил об этом так, словно знал он, что делать, и исполнение задуманного уже не представляло бы ни малейшей трудности! А ведь он

производил впечатление человека умного и не хвастливого, значит, отвечающего за свои слова!

— А если нет? Не кажется ли тебе, что рано или поздно, ослабленный или нет, но он доберется до нас. Сперва до меня, Зиты, Фабиана, А под конец и до тебя, как бы ты ни был силен и уверен в себе!

— Кром! Я же сказал тебе, женщина, что не могу гарантировать победы, но надеюсь на нее! Уже сейчас он не пытается прорваться сюда, хотя и может! А может, уже не способен на это?! Но даже если просто экономит силы, то мы можем постепенно ослабить его настолько, что он не сумеет вырваться из умно устроенной ловушки.

— Что за ловушка? — Мелия вдруг, сама не зная почему, так развелась, что щеки ее вспыхнули, оттенив пронзительную черноту бездонных глаз. Она чувствовала, что это не пустые слова, не попытка успокоить напуганную девушку, и сердце ее взволнованно забилось.

— Ты хочешь от меня слишком много! — Он пожал могучими плечами. — Нужно найти место, из которого он не сможет выбраться.

— Но что это за место? — не унималась Мелия.

— Спроси у сестры, — отрезал Конан. Как ни прекрасна была девушка, как ни приятно было ее общество, но разговор надоел ему, и он решил поставить точку.

Зита обернулась к ним в тот момент, когда Мелия, сердито нахмурившись, исподлобья посмотрела на киммерийца, но промолчала. Если бы это был кто-то другой, ему дорого обошлась бы подобная бесцеремонность, но это был он, и девушка смолчала, быть может впервые в жизни.

— О чем вы тут спорите? — Зита улыбнулась Конану так, словно между ними уже было что-то, словно был он ей ближе, чем все остальные. Конан почувствовал, как сильнее забилось его сердце, удивился и обрадовался этому.

— Мы не спорим, сестра. — Мелия заметила этот взгляд, но никак не выдала своих чувств.

— Мы ждем, что ты нам скажешь. Ты нашла, что искала? — По сияющему лицу девушки и так было видно, что ей есть что сказать. — Ну? Не мучай нас, милая!

Она радостно кивнула, но тут же помрачнела.

— Да. Я нашла подходящие заклинания. К сожалению, их всего два, и одно из них не очень полезно, а второе очень опасно. — Она посмотрел на Конана, словно извиняясь перед ним за свою, ведовую лишь ей одной, провинность.

— Стоит ли говорить об опасности в нашем положении? — усмехнулся он. — Говори лучше в чем дело.

Однако Зита не торопилась, словно обдумывая в последний раз то, что собиралась сказать.

— К сожалению, бесполезное могу использовать только я, а опасное только ты...

Мелия закусила пухлую губку. Вон оно как все обернулось — два спасителя несчастных пленников! А она-то строила из себя благородную дуру, не решаясь соперничать с сестрой, позабыв о простой истине — в любви каждый сам за себя!

Впрочем — это даже хорошо, что не она сделала первый шаг на этом пути. Как бы все теперь ни обернулось, но ей не в чем будет упрекнуть себя.

Она посмотрела на Конана, но тот явно не думал сейчас о подобных тонкостях, он смотрел на сестру, ожидая ее объяснений, и уже начинал терять терпение.

— Говори!

— Хорошо. — Она наконец решилась. — Тогда я начну с бесполезного: я могу обострить свою чувствительность — зрение, слух, ощущение опасности, малейшие колебания воздуха или температуры не останутся незамеченными, ну и кое-что еще.

— А ты не могла бы и нам добавить чувствительности, сестра? — Мелия обворожительно улыбнулась Конану, и он улыбнулся в ответ, в душе прокляв все на свете — это надо же было

выбрать момент! Никогда он не понимал женщин и никогда не поймет!

Зита тоже почувствовала иронию в вопросе сестры, но то ли не поняла ее смысла, то ли предпочла не заметить.

— К сожалению, нет. Для этого необходимо обладать определенными навыками, которые не получишь за короткое время. К тому же повышенная чувствительность слишком усилила бы наше восприятие друг друга, а это принесло бы больше вреда, чем пользы.

Последняя фраза, быть может и непреднамеренно, получилась двусмысленной, но Мелия предпочла понять ее по-своему и довольно улыбнулась. Все складывается как нельзя лучше, нужно только действовать с умом и не торопить события.

Конан думал над сказанным Зитой, лишь краем уха слушая их мудреныи обмен любезностями и не очень-то вдаваясь в его смысл, лишь еще раз убедившись в своем мнении: странный народ — женщины. Даже теперь, когда беда в двух шагах, они не могут угомониться!

— Это вовсе не бесполезно. — Конан говорил только о деле. — Когда мы выйдем отсюда и начнем охоту, ты сильно поможешь нам. Теперь второе. Говори!

Он вопросительно посмотрел на маленькую колдунью. Та вздохнула и ответила таким взглядом, словно он был уже покойником. Киммерийца это ничуть не тронуло, но Мелия почувствовала неприятный холодок в груди и, побледнев, нервно облизнулась.

— Я могу погрузить тебя в Очарованный Сон, и ты Увидишь в нем ответы на все вопросы, но в иносказательной форме. — Она посмотрела на киммерийца, убеждаясь, что он понял ее правильно и продолжила: — Плохо то, что понять такие ответы порой не менее сложно, чем самому ответить на вопрос, но это единственный способ даже не узнать, повторяю, а попытаться узнать, где спрятана смерть Незримого.

— Ну так давай свой сон! — Конан предпочитал не раздумывать излишне долго, когда представлялась возможность получить преимущество над врагом.

— Подожди, я еще не все сказала! — заторопилась вдруг Зита, словно он мог сам, без ее помощи, уйти в этот сон, не получив ее последних наставлений. — Сон не так прост. Все, что ты увидишь во сне, станет для тебя явью: ты будешь любить и ненавидеть, нападать и спасаться бегством. Но сон богаче яви, в нем возможны любые превращения, толь ко что защищавший тебя в бою друг, обернувшись врагом, может всадить тебе нож в спину! Во сне ты будешь сражаться и побеждать, но и тебя могут убить, и тогда душа твоя отправится на Серые Равнины, и ты никогда не проснешься...

— Все мы когда-нибудь отправимся на Серые Равнины, — равнодушно ответил варвар, — но, конечно, хотелось бы, чтобы это случилось как можно позже.

— Хорошо, — кивнула Мелия, — предположим, ты узнаешь, как уничтожить Незримого. Что мы будем делать дальше?

— Убьем его, — спокойно ответил Конан, и Мелия по качала головой, но на этот раз ничего не сказала. Она поняла наконец, что такой уж он, этот варвар, принимающий жизнь, как она есть, не делая трагедии из возникающих проблем, вместо этого спокойно сметая их с пути. Однако и поняв это, она не смогла не заметить:

— Ты говоришь так просто, словно за стеной нас ждет не демон, вызванный из мрака небытия, а полуживая от старости и побоев собака!

Конан кивнул — ему понравилось это сравнение.

— Примерно так, но если уж говорить о собаках, — он улыбнулся, — я сказал бы несколько иначе — он бешеный пес, хоть и подслеповатый, и с наполовину выбитыми зубами, но все еще смертельно опасный затаившейся в нем заразой! Его укусы смертельны, и быть может, мы все погибнем, пытаясь уничтожить эту тварь — на все воля Митры, и пути его никому не ведомы. Но, зная, что нужно сделать, мы вольны будем выбирать: идти к победе, рискуя погибнуть в бою, или

дожидаться смерти здесь, в тишине и уюте!

Зита досадливо поморщилась.

— Я согласна с тобой, но, как и сестра, хочу знать, как ты собираешься действовать.

— Об этом бессмысленно говорить сейчас. Вот когда я увижу свой сон, тогда и станем думать. Быть может, и думать будет не о чем.

Конан посмотрел на спящего Фабиана и пожалел, что тот оказался такой трусливой бабой, и подумал, что, быть может, сон поможет и ему тоже?

А Фабиан вовсе не спал. Он раскинулся в кресле, неотличимый от неподвижного трупа, и слушал, о чем они говорят. Иногда он приоткрывал глаза и смотрел на них, с возрастающим раздражением осознавая, что они не только не смотрят, но даже не вспоминают о нем.

Его притворство оказалось очень полезным. Он понял, что потерял Зиту, причем в тот момент, когда начал испытывать к ней нечто большее, чем простое влечение. То же можно было сказать и о Мелии. Для него не осталось незамеченным, что ее вежливое равнодушие, которое он ощущал на протяжении всего вечера, пропало! Холод во взгляде уступил место искреннему интересу. У Фабиана даже мелькнула надежда, в которой он сам себе боялся признаться, но вот появился этот Конан и разрушил все! Проклятый варвар отобрал у него обеих!

Видя, какими глазами смотрят на киммерийца обе девушки, Фабиан испытывал настоящие муки ревности, от которой желание обладать Зитой, или Мелией, или обеими только усиливалось, а злость росла. И вдруг он со всей отчетливостью понял, что выход прост.

Конан нарушил его планы, значит, Конан должен умереть, и тогда все вернется на круги своя! Но только сделать это нужно осторожно, иначе можно остаться не только без женщины, но и без жизни. И пора прекратить играть роль труса, иначе он настолько опротивеет им, что и смерть варвара ничего не исправит.

Незримый еще не мог дотянуться до сознания человека, тем более сквозь паутину Затха. Воздействие на тонкие струны души, контроль мыслей — все это предполагало близкий контакт, но сильные инстинкты, дергавшие за эти струны, были ему доступны, в особенности потому, что раз уже покорились его неодолимой воле. Была еще женщина, до сознания которой он тогда же сумел добраться, но она оказалась сильнее духом и слабее телом. К тому же на ней не было крови сожранного им человека, а значит, через паутину контакт невозможен.

Ему очень хотелось поскорее добраться до мыслей человека, чтобы узнать планы остальных — это дало бы ему огромное преимущество, но рисковать Незримый не желал. Для такой роскоши, как риск, сил оставалось слишком мало, и он действовал наверняка.

Невероятная цепочка бед обрушилась на него, подобно горной лавине, беспощадно выдирая, отрубая, отсекая порции силы.

Сперва его вырвали из собственного тела, едва не уничтожив при этом, и мощь его уменьшилась неизмеримо, но он все еще был могуч. И тут же, не успел он прийти в себя и осмотреться, как его бесплотную суть, только-только начавшую сбрасывать с себя обжигающие когтистые лапы боли, едва не сожгли окончательно, протащив сквозь всепожирающее пламя пентаграммы.

И вот он стал обычным духом, из тех, что пугают людей по ночам, высасывают из их тел души, чтобы стать сильнее. Правда, он способен вернуть себе прежнюю мощь, но для этого нужно выбраться в большой мир, существующий для того, чтобы отдать ему свою силу.

Но он здесь. Чтобы стать прежним, ему нужно совсем немного — забрать силы пятерых, запертых с ним в доме. Одного он уже получил, осталось четверо, а он стал един в двух лицах и мог одновременно находиться в двух местах, но скоро их будет трое!

Трое на трое!

Правда, люди все еще смертельно опасны для него, хотя и не знают, как им действовать.

Жаль, что он не может сам напасть на проклятого варвара, который слишком быстро понял, как обезопасить от него себя и других! Зато это может его меньшая часть! Если бы он сумел в решающий миг оказаться рядом, чтобы соединиться с его плотью, человека ничто бы не спасло! Но все-таки риск останется, а потому он поступит мудрее: завладев третьим, нанесет удар в спину. Единственный удар, который решит все!

Торопиться не к чему. Нужно разжечь в человеке страсти, крепко держа при этом на удавке страха, а когда душа его заполыхает огнем, тихо и незаметно пробраться внутрь, поразвлекаться, управляя этой куклой, считающей себя человеком, внушить чуждые ему мысли, которые он станет считать своими, и в конце концов выставить из тела прежнего хозяина, а еще одну свою часть поселить на его месте.

С двумя оставшимися девушками проблем не будет — в этом он не сомневался. Рано или поздно у них кончится вода и еда, нечем будет заправлять лампы, сгорят все свечи и факелы... Ему придется просто немного подождать, но что такое несколько дней ожидания после веков, проведенных в заточении!

Он улыбнулся бы своим мыслям, если б было чем, и замер в углу коридора. В противоположном конце застыла в неподвижности его меньшая часть. Оба следили за дверью. Оба ждали, когда она откроется. Время для них не имело значения, а ждать им предстояло долго, потому что Конан спал...

Глава седьмая

Конан вздрогнул и мгновенно проснулся. Такое ощущение, будто верный друг потряс его за плечо, предупреждая об опасности. Он сел и настороженно окинул взглядом мрачные своды пещеры, но ничего подозрительного не увидел. По крайней мере в освещенном пространстве не появилось ничего нового и ничего не пропало.

Конан пожал плечами — видно, во сне ему померещилось чужое присутствие. Присутствие... Ощущение оставалось, не позволяя успокоиться, и он еще раз внимательно осмотрелся — стены пещеры все так же тонули в темноте, но теперь круг света, идущий от костра, сузился, лишь локтей на десять отгоняя вязкую тьму. Дальше даже острый взгляд варвара не различал ничего.

Это было плохо. Конан подбросил в огонь запасенных кем-то сухих сучьев, и пламя с жадностью набросилось на них.

Огонь взметнулся вверх, осветив темные своды, а Конан, посмотрев на остатки дров, подумал, что этот, заботливо приготовленный неизвестным запас скоро иссякнет, и это тоже было плохо.

Не оборачиваясь, он пододвинул поближе несколько факелов, которые успел сделать из молодых, смолистых деревец, росших перед входом, пока проклятые твари не загнали его в мрачную дыру в горе. Что им нужно от него? Впрочем, это был праздный вопрос.

Конан нащупал на груди маленькое круглое серебряное зеркальце на цепочке — скорее, даже талисман в виде зеркала — и вытащил его. Это из-за него он оказался здесь, в глухи, забытой Митрой и людьми. Он потратил массу времени, чтобы разыскать хорошо спрятанный сундучок, ожидая найти в нем одному Белу ведомо что! Каково же было его удивление, когда, открыв крышку, он обнаружил внутри эту никчемную вещицу!

Похоже, бог воров посмеялся над ним — кому могла понадобиться такая безделица? Впрочем, кому-то понадобилась, хотя удивлялся он и сейчас, в который уже раз разглядывая незатейливую вещицу, но сколько ни смотрел, впечатление оставалось прежним — ничего особенного. С одной его стороны было рельефное изображение паука, ничем не отличавшегося от своих живых собратьев. Другая сторона его была отполирована до зеркального блеска и украшена несложным орнаментом, опоясывающим его по кругу.

Одним словом, зеркало как зеркало, каких в Шадизаре видимо-невидимо в дешевых базарных рядах, торгующих мелочью.

Знал бы — купил да сидел бы сейчас в уютном кабачке старого Абулетеся и потягивал вино, вместо того чтобы лазать по каменным норам! Подумав так, он усмехнулся — ему ли жаловаться! За эту грошовую мелочь стигиец отсыпал ему столько золота, что он мог бы купить воз таких зеркал!

Конан хмыкнул, сунул его на прежнее место — за отворот рубахи, и мысли его вернулись в прежнее русло. Не мешало бы наделать факелов побольше, но тут уже ничего не исправишь! Хотя он успел убедиться, что неведомые твари боялись не только солнца, но и обычного огня.

Кем они были, киммериец не знал, но надоели они ему сверх всякой меры. Прячась в малейшем клочке тени, они протягивали узловатые когтистые лапы и, странно растягивая слова, шипели:

— Ты наш-ш, Конан, наш-ш! Но мы отпус-стим тебя, лиш-шь отдай талис-сман! Мы отпус-стим и наградим-м!

Конану толком не удалось разглядеть ни одной из них, но от этого было не легче.

Временами, еще когда он не попал в проклятую пещеру, ему чудились в тени неясные силуэты, а когда он несколько раз оказался в непосредственной близости от дерева или густого кустарника, он с удивлением видел, как уродливая тень тянулась к нему корявой лапой, пытаясь зацепить когтем за одежду, подтащить поближе.

Однако касание это походило больше на легкий ветерок, а бесплотное тело напоминало причудливо изогнувшуюся струйку дыма.

В первый раз Конан хохотал над этим «нападением» до слез и тогда же впервые услышал тихий голос, похожий на шорох ветра в прошлогодней листве.

— Вреш-шь, не уйдеш-шь...

Но Конан лишь расхохотался над этими жалкими попытками запугать его — дневные тени были слишком прозрачны, чтобы укрыть собой нечто действительно опасное, и он перестал обращать внимание на кравшиеся по пятам полупрозрачные силуэты. Однако время шло, солнце неумолимо клонилось к закату, предвещая скорый приход тьмы.

Голоса сделались громче, а силуэты проступали все явственнее, хотя почему-то стали избегать Конана, и тут внутренний голос впервые подсказал ему, что дело принимает дурной поворот и пора всерьез подумать о том, что даст ему защиту, когда скроется за горизонтом око светлого Митры, а на землю падет тьма.

И тогда он принялся готовить себе факелы, но было уже слишком поздно. Твари обрели реальную силу. Конан начал слышать не только их голоса, но и шаги. Это значило, что они уже не были теми причудливо изогнувшимися струйками дыма, какими явились ему вначале. Они обрели вес, а значит, получили плоть! Откуда-то приходили все новые. Они ломали сучья, собираясь вместе, чтобы напасть на человека, но пока почему-то перейти в атаку не решались.

Он выпрямился и осмотрелся — диск солнца уже наполовину скрылся за горизонтом, и тогда Конан понял, что сдерживает его незримых врагов, но тогда же он понял и другое — очень скоро он окажется в полной из власти!

И тогда, действуя по наитию, он начал поджигать факелы от пламени костра и разбрасывать их во все стороны, стараясь закинуть как можно дальше. Расчет его был прост — лес полон сухого валежника, и если ему удастся окружить себя стеной огня, на какое-то время это спасет его. Пусть это будет час или даже меньше, но за это время он сможет уйти от погони.

...Теперь, сидя у костра, в самых недрах горы, он вспомнил о своих надеждах и невесело улыбнулся. Он-то считал, что твари идут за ним по пятам и, отгородившись стеной огня, он сумеет спрятаться от них. Убежать... Как он ошибся! Здесь, в пещере, куда он забрался в поисках спасения, они по-прежнему преследовали его. Они или другие такие же. Варвар давно понял свою ошибку: забираясь все глубже, он рискует окончательно заблудиться, а ведь снаружи рано или поздно взойдет солнце, несущее избавление от ночного кошмара, который здесь продлится, лишь пока не догорят факелы, которые он так бездумно разбросал перед входом в пещеру.

Конан пробовал повернуть назад, но далеко пройти не смог — проклятые твари не хуже него соображали, что нужно делать, и одно из узких мест, где он прошел недавно, оказалось заваленным камнями. Тогда он пошел вперед и через некоторое время набрел на эту пещеру. Здесь он нашел оставленные кем-то дрова. Это подняло его настроение. Ему пришло в голову, что раз здесь лежат дрова, то пещера ведет куда-то, а значит, у нее есть не только вход, но и выход тоже.

Он разжег костер и потушил факел. Он должен был немного отдохнуть и поесть, прежде чем идти вперед, но Сам не заметил, как вместо этого заснул. Он не видел снов и не помнил, как засыпал, но не сомневался, что спал, потому что ясно помнил, как просыпался. И то, что он сейчас вспомнил, он именно вспомнил, а не увидел во сне, — в этом он был абсолютно уверен — но и воспоминание было странным. Оно не было памятью о происшедшем с ним, равно как и

не было впечатлением от чужого рассказа.

Оно было воспоминанием, взявшимся ниоткуда!

Размышая об этом, Конан доел баранью ногу, разогретую на огне, и допил остатки вина. Все. В следующий раз он пообедает, только выбравшись отсюда, если ему не суждено сложить свои кости в этой дыре.

Он соорудил из остатков дров еще несколько факелов, израсходовав на это всю веревку, и поджег первый из них. Тот, весело затрещав, разом занялся пламенем, а киммериец невесело подумал, что толку от таких факелов будет немного: дрова, они и есть дрова, — а значит, надо торопиться.

Он вдруг ясно почувствовал, что времени у него осталось совсем мало. Попросту говоря — его не было вовсе. И опять-таки Конан не знал, откуда у него появилась эта уверенность, но раздумывать не стал, а быстро собрал свои пожитки и не оглядываясь пошел прочь.

Он шел, ускоряя шаг, но не страх гнал его вперед, а нечто иное. Может быть, сознание неодолимости того, что стремительно приближалось сзади, а может быть, это был тот чуткий сторож, который сидел глубоко внутри, вовремя подсказывая правильный путь или предупреждая об опасности? Он не раз уже помогал Конану выжить в, казалось бы, безвыходных ситуациях, а иногда и наоборот, в спокойной обстановке толкал его на безумные на первый взгляд поступки, впоследствии оказывавшиеся единственно правильными.

Серые стены по бокам слились в однообразный бесцветный фон, то наплывая и становясь светлее, то отступая в мрачную темноту, но он не обращал внимания ни на что. Он даже не оглядывался, потому что знал — пока горит огонь, он в безопасности. Когда его не станет, не станет и Конана... И он бежал, рискуя свернуть себе шею или разбить голову, повинуясь лишь внутреннему сторожу, без устали гнавшему его вперед.

Конан так и не понял, когда оказался снаружи, но так или иначе теперь над головой у него раскинулся звездный ковер — а значит, пещера осталась позади. Но мгновенный импульс радости, едва родившись, иссяк — это не было избавлением, лишь краткой передышкой, открывавшей путь к спасению, и об этом ясно говорило усилившееся чувство тревоги.

Конан оглянулся и увидел в десятке локтей позади гранитную стену и пятно непроницаемой тьмы на ней. Киммериец лишь едва скользнул по ней взглядом, но что-то его насторожило, и он присмотрелся внимательнее. Сгоряча он принял пятно за вход в пещеру, из которой он только что выбежал, но теперь увидел, что это не так.

Непроницаемый для света факела мрак скрывал ее, и это ясно было видно, потому что тьма изливалась из выхода волнами, ползла вперед, скрывая от глаз Конана все, к чему прикасалась, и уже подползала к его ногам.

Вот сейчас... еще немного... всего один миг...

Она коснется его ног, и тогда все.

Наступит конец.

А может, нет?

Конан не стал дожидаться ответа на свой вопрос — его любопытство не простидалось столь далеко. Он отрыгнул, перескочив на одиноко стоявший валун, и тьма рванулась к нему, но нашла вместо человека голый камень. Тогда она начала быстро оползать его, окружая со всех сторон, но киммериец уже узнал все, что хотел, и не стал дожидаться продолжения, а, быстро взобравшись повыше, осмотрелся.

Света факелов оказалось явно недостаточно, чтобы высветить границы того места, где он сейчас находился, а в том, что они существуют, сомнений не было — огонь освещал чернеющий зев пещеры в стене, уходившей в стороны и назад, но вот смыкаются ли они где-то за спиной или он стоит в тупике ущелья, было неизвестно.

Он посмотрел наверх и обнаружил, что находится в каменном колодце — звезды видны были лишь на небольшом круглом клочке неба прямо над головой. Тогда он понял, что если есть у него шанс спастись, то лишь взобравшись по стенам на вершину скалы. Несмотря на ночь, это не было бы проблемой для киммерийца, выросшего среди гор, если бы не твари, прячущиеся в темноте, и необходимость держать в руке факел.

Одним прыжком он преодолел быстро растекавшуюся лужу мрака, подбежал к ближайшей стене, отвесно поднимавшейся вверх, и тут же в ярости зарычал — имея только одну свободную руку и думать нечего было взобраться по ней. Она была холодной и шероховатой, но ни трещинки, ни малейшей выбоины, которые можно было бы использовать в предстоящем восхождении, он не нашел. Впрочем, тут и две руки мало чем смогли бы ему помочь!

Положение становилось угрожающим. Если он хочет спастись, нужно немедленно что-то делать. Огляделвшись, Конан зябко поежился и пошел дальше, внимательно вглядываясь в тянущуюся слева стену, но ноги его отмеряли шаги, а в гранитной поверхности ничего не менялось.

И тут он обнаружил еще одну неприятную вещь — он находился на небольшой возвышенности, а остальное пространство было заполнено тьмой. Из нее исходил холод, который не чувствовался прежде, когда тьмы было мало, а сам он был далеко, но от которого не стало спасения теперь — от него ныли кости, а мышцы деревенели.

Конан отбежал на середину оставшегося в его распоряжении островка и в отчаянии посмотрел вверх, но теперь небо было затянуто мертвящей мглой, словно испарения озера тьмы, плескавшегося у самых его ног, закрыли собой небо, делая звезды тусклыми и мертвыми.

Факел догорал. Конан поджег от него следующий и, отойдя на несколько шагов назад, сам не зная, на что надеясь, бросил догорающий вверх. Почти угаснув на лету, он ударился о стену в трех десятках локтей над головой Конана, рассыпавшись от удара снопом красных искр, однако Конану показалось, что не все они упали к его ногам.

Впрочем, раздумывать было некогда. Оторвав полосу ткани от ворота рубахи, он примотал факел к левой руке и полез вверх в единственном месте, где сумел уцепиться за крошечный выступ. Он привычно ощупывал шершавую поверхность камня, выискивая в нем малейшие щели и неровности, позволявшие подниматься все выше. Руки его намертво впивались в крошечные выбоины, за которые, казалось, и удержаться-то невозможно. Несколько раз он едва не сорвался, почти сразу обломал ногти и изодрал в кровь руки, но неуклонно поднимался, дивясь этому про себя. Иногда ему начинало казаться, что пальцы его вовсе не ищут опору, а впиваются в каменную плоть скалы, оставляя на ней незаживающие раны!

Конан успел подняться на два своих роста, когда тьма сомкнулась у него под ногами, заполнив собой все пространство от края до края, и подумал, что если теперь сорвется, то надеяться будет уже не на что. Однако именно здесь он впервые наткнулся на узкую, с острыми краями трещину, под углом уходящую вверх, в которую поспешил вцепиться мертвой хваткой настигшего добычу мастера.

Потом попалась пара крошечных уступов, не больше ногтя шириной, но позволивших ему зацепиться и дать отдых рукам, одеревеневшим от непрерывных усилий. Однако, памятуя о том, что времени расхолаживаться нет, и, позволив себе лишь несколько мгновений расслабления, продолжил восхождение.

Полку шириной в ступню он наступал прежде, чем рассчитывал. Она уходила в обе стороны, но Конану показалось, что справа она едва заметно забирает вверх. Он пошел, старательно прижимаясь грудью к камню, распластавшись по нему, точно хорошо выделанная шкура медведя, растянутая на стене пиршеского зала. Вскоре уклон сделался более ощутимым, и через несколько сотен шагов Конан увидел прямо под ногами начало «тропы». Локтя на три ниже ее

плескалось непроницаемо-черное озеро тьмы.

Это было плохо. Это было гораздо хуже, чем он рассчитывал! У Конана появилось ощущение, что тьма набирает силу, что ее становится все больше, и если так пойдет дальше, то вскоре она начнет прибывать быстрее, чем он сможет уходить от нее, и хотя это было рискованно, Конан пошел быстрее — у него просто не оставалось иного выхода.

Теперь он лишь изредка посматривал на звезды, пытаясь определить, как высоко поднялся и далеко ли до верхней кромки колодца, но ничто не менялось. Ощущение было таким, словно он, круг за кругом поднимаясь вверх топтался на месте.

Еще один факел догорел. Он зажег следующий и бросил дымящийся огарок вниз. Он летел, как показалось Конану, слишком долго, но внезапно рассыпался снопом искр, снизу донесся тяжкий стон, в котором слышались боль и угроза.

Карниз, по которому он шел, понемногу расширялся, и киммериец шел все быстрее. Вскоре он заметил, что звезды вновь стали светить ярче, и вместе с этим пропало ощущение мертвящего холода, исходившего со дна колодца, а ночная прохлада, пришедшая ему на смену, показалась теплым южным ветром. Это было хорошим признаком.

Тропа кончилась, но это было уже не важно. Здесь стены стали более пологими, с многочисленными кавернами — дожди и ветры знали свое дело. Конан усмехнулся и полез вверх. Теперь он не сомневался, что спасение близко. Чтобы ни ждало его в конце подъема, но тьме туда не добраться: уже отсюда были видны низкие расщелины, ведущие наружу, а лежали они ниже вершины скалы, на которую он сейчас взбирался.

Притаившихся в тени он тоже не боялся. Киммериец прекрасно знал эти горы — вершины их были плоскими, как стол. Там нечему отбрасывать тень. Другое дело, если его угораздит провалиться в трещину, которую легко не заметить ночью, или небо затянут тучи...

Только поэтому Конан не стал гасить факел.

Выбравшись наверх, он осмотрелся. Как ни странно, это место показалось ему незнакомым. Он готов был поклясться, что ничего прежде не слышал о нем ни от горцев, спокон веку живущих в этих горах, ни от кочевников, пасущих свои стада в предгорьях. Но факт оставался фактом: прямо перед его глазами прилепилась к скале убогая харчевня, а чуть дальше он увидел с десяток покосившихся от времени ветхих лачуг.

Одному Кому известно, чем живут здесь люди! Во всяком случае, Конан представить себе этого не мог, но мысля эти недолго занимали молодого варвара. Как бы там ни было, а найти деревню, затерявшуюся в горах, было удачей, на которую он не смел и надеяться. Где дома, там и люди, а где люди, там всегда можно раздобыть себе кров и пищу, и женщину на ночь, и все это ему сейчас требовалось в большом количестве и как можно скорее!

Ободренный этой мыслью и близостью ее воплощения, Конан бросился вперед, но когда дверь, повинувшись его могучей руке, скрипнув, отворилась, и он оказался внутри, то мгновенно почувствовал неладное, хотя и не сразу понял, что его встревожило.

Он быстро осмотрелся. Комната имела явно нежилой вид, и Конан понял, что не суждено сбыться его мечтам насчет еды и вина, не говоря уж о женщине. Впрочем, он не особенно и расстроился. Что-то еще там, на краю каменного мешка, подсказывало ему, что не найдет он здесь ни пищи, ни тепла. Ну и Нергал с ними! По крайней мере он согреется и выспится! Уж этих двух радостей его никто лишить не сможет!

Конан подошел к камину и ткнул факелом в кучу хвороста, сложенную внутри, затем схватил охапку дров из кучи, сваленной в углу, и навалил ее сверху. Ему даже не пришло в голову обойти деревню в поисках жителей. Отчего-то, едва попав сюда, он моментально уверился в бессмыслицности поисков — наверняка никто не жил здесь уже десятки лет.

И тогда в голову ему пришла странная мысль — похоже было на то, что жители этого

селения перед тем, как покинуть его, старательно запаслись дровами. Впрочем — он пожал плечами — разрешить его сомнения все равно некому, так что и голову ломать ни к чему.

— Хвала Сету! Наконец кто-то додумался развести огонь!

Конан резко обернулся. Он прекрасно помнил, что, когда вошел, комната была пуста. Теперь это было не так. Неизвестно откуда взявшийся незнакомец в черной накидке с капюшоном, надвинутым на лицо, сидел за столом. В глубоком провале капюшона не видно было лица, но говорил он явно с Конаном, потому что никого больше здесь не было.

— Кром! Кто ты и откуда взялся? — спросил Конан не из любопытства, а скорее, чтобы просто сказать что-то, и рука его привычно легла на кожаную обивку рукояти меча. Хотя речь незнакомца и звучала дружелюбно, он не понравился киммерийцу — прятал лицо да помянул Сета, что не было принято нигде, кроме Стигии.

— У тебя короткая память, варвар, — впервые что-то знакомое промелькнуло в голосе незнакомца, и он продолжил, — мы ведь договаривались о встрече. Ты принес талисман, о котором мы говорили?

Эти слова поставили на место все, кроме одного — как он оказался здесь? Здесь, а не в кабачке Абулетеса, где они должны были встретиться?

— Твой талисман едва не стоил мне жизни. Стигиец ухмыльнулся.

— Разве я говорил, что тебя ждет легкая прогулка? Наоборот, я предупреждал, что дело опасное, и деньги предложил немалые, а я не привык платить зря. Или ты считаешь, что тебе недоплатили?

Явная насмешка в его голосе выводила Конана из себя, но возразить он ничего не мог — все было верно.

— Нет! Клянусь копытами Нергала! Все было честно.

— Ну так давай талисман! — сказал тот уже совершен но спокойным голосом.

И хотя Конан был взбешен и ждал лишь повода, чтобы снести скрытую тканью башку мерзавца, ему пришлось подавить гнев — теперь в голосе стигийца не было и тени насмешки. Киммериец нехотя полез рукой за отворот рубахи и, вытащив золотой кругляш, снял его с себя. В конце концов, уговор есть уговор, и свою часть стигиец, кем бы он ни был, выполнил честно.

— На, забирай!

Он протянул руку и опустил талисман в костлявую ладонь стигийца. Тот порывисто вскочил и восторженно всмотрелся в свое, неверное в колеблющемся пламени очага, отражение.

— Наконец-то он мой! — В голосе прозвучало злобное торжество, но он тут же замолчал, полностью поглощенный появившимся в зеркале образом.

Конан осторожно подошел сбоку и заглянул в серебряную поверхность.

Стигиец словно и не замечал этого. Он смотрел не отрываясь, но теперь уже не проявлял радости. Вместо себя, вместо своего лица он увидел голый, ухмыляющийся череп. Он попытался отвести взгляд и не смог, с ужасом чувствуя, как кожа на голове стягивается, ссыхаясь, превращаясь в ветхий пергамент, который тут же лопается, рассыпаясь ядовитой пылью. То же самое происходило и с телом. Мышцы судорожно напряглись, съеживаясь и укорачиваясь, грозя переломать кости.

Он готов был закричать от ужаса и боли, но смог лишь судорожно вздохнуть. Пыль мгновенно заполнила пустой череп и ушла вглубь ссохшегося тела мумии, в легкие. Ему непреодолимо захотелось чихнуть, чтобы избавиться от пыли, но откуда-то он знал, что делать этого нельзя. Воздуха не хватало, и когда он почувствовал, что уже не сможет сдержать крика боли и безысходности, тело его взорвалось, исторгнув из своих недр смрадное облако пыли.

Как только Конан увидел, что творится с лицом стигийца, он отскочил к двери. Ремесло вора приучило его первым делом заботиться о пути к отступлению, не считая бегство

безоговорочным признаком трусости. Часто оно оказывалось единственным способом сохранить жизнь, хотя бы для того, чтобы иметь впоследствии возможность доказать обратное, и его опыт воина не раз подтверждал правоту этого правила.

Он вновь посмотрел на стигийца. Тот замер, словно одеревенев, с протянутой вперед рукой и свешивающимся с нее зеркальцем. В следующий миг отрывистый полурык-полулай, в котором слышалась смесь чудовищного кашля и неудержимого чиха, сотряс его тело. От неожиданности Конан чуть не расхохотался, но тут увидел, как из одежды незнакомца посыпалась на пол необъяснимо отвратительная, тончайшая серая пыль тысячелетия назад истлевшей плоти, источающая густую трупную вонь.

Пыль мгновенно забилась в рот и в нос, заставив его закашляться и поспешно прикрыть лицо куском материи, но когда он поднял глаза, то увидел, что стигийца уже нет, а перед ним стоит, покачиваясь, скелет, а прикрывавшая прежде его тело хламида валяется в куче пыли на полу. Поймав на себе взгляд Конана, скелет злобно оскалబился и, быстро шагнув к нему, протянул руки, словно желая обнять киммерийца, и тот услышал странный голос, идущий ниоткуда:

— Ты освободил меня от плена плоти, варвар. Теперь я вновь свободен и готов забрать тебя с собой.

Неестественно быстро он оказался рядом с Конаном, но киммериец отскочил в сторону, и его могучий кулак ударил скелет точно в висок. Позвоночник хрустнул, не выдержав удара, и череп, сорвавшись со своего насеста, кувыркаясь пролетел через пустой зал и упал в пламя очага. Чудовищный рев, застывший на одной нескончаемо хрипящей ноте, ударил варвара по ушам, заставив болезненно сморщиться.

— Вытащи! Вытащи меня! — надрывался череп. — Вытащи, иначе умрешь!

Конан стоял не шевелясь, ожидая, что произойдет дальше, когда ему почудилось шевеление за спиной. Он стремительно отпрыгнул, и вовремя — безголовое собрище костей, полууприсев и раздвинув руки, слепо крутилось по комнате, стремясь достать человека.

— Оставь его! — взвыл череп. Пламя уже занялось на нем, предвещая скорый конец. — Он никуда не денется! Вы тащи меня!

Скелет тут же развернулся и пошел на зов. Теперь он шел гораздо быстрее, ориентируясь по жару, идущему от огня.

Вот как! Никуда не денется. Кром! Да он сам развалит этот поганый костяк!

Конан оглянулся — двери и окна были нагло заперты, а он прекрасно помнил, что, когда пришел сюда, они были распахнуты настежь. Впрочем — какая разница? То, что закрыто, всегда можно открыть. Он схватил массивный стол, за которым совсем недавно они мирно беседовали с незнакомцем, голова которого горела сейчас в огне, а все остальное было занято ее поисками, и швырнул его в окно. Давно прогнивший ставень разлетелся в мелкие щепы. Конан увидел невыносимо яркий свет солнца, льющийся за окном, и понял, почему оказался закрыт ставень в этом месте, где все происходившее услужливо пыталось помочь ему без проблем сойти в царство Нергала.

— Скорее! — хрипло забасила голова, словно случилось нечто ужасное.

Обернувшись, Конан увидел, что так оно и есть, только не знал, кому из них грозит большая беда. Скелет уже разогнулся, держа в руках пылающий шар черепа. Через миг он потушит ее, и тогда неизвестно, чего ждать. Впрочем, ждать он и не собирался.

— Клянусь кишками Нергала — ты первым попадешь на Серые Равнины!

Конан схватил со стены моток веревки с привязанным на конце крюком и, пару раз энергично крутнув его над головой, бросил в своего противника. Крюк мгновенно обмотался вокруг позвоночника, и Конан резко рванул на себя. Движение оказалось слишком резким —

прогнившая веревка лопнула, но он вложил столько силы, что это уже не имело значения: скелет сложился пополам и, словно выпущенный из катапульты снаряд, полетел наружу, все еще держа костлявыми пальцами исходящий неистовым воплем, объятый огнем шар черепа.

Киммериец пригнулся, когда груда костей с ревом пронеслась у него над головой, но тут же вскочил, мгновенно развернувшись к окну. Скелет бился в конвульсиях посреди пыльной, залитой солнцем улицы. В следующий миг груда костей занялась пламенем, и Конан понял, что это конец.

Глава восьмая

Киммериец открыл глаза и поудобнее уселся на диване, только что служившем ему ложем, удовлетворенно осматриваясь, словно вернулся не в постылую темницу, за стенами которой притаилась беда, а в родной дом, к любящим друзьям. Впрочем, последнее было не так уж и далеко от истины. Зита с Мелией настороженно, с надеждой смотрели на него.

— Ну? Что скажешь?

— С огнем шутки плохи! — только и ответил Конан, ухмыльнувшись каким-то своим мыслям.

О чём это он?

Девушки недоуменно переглянулись.

— Устал я. — Конан устроился поудобнее и прикрыл глаза.

Только тут до них дошло, откуда он вернулся и чем занимался на самом деле, пока тело его спокойно лежало в одной с ними комнате, погруженное в сон. Очарованный Сон, для них с сестрой продлившийся совсем недолго, но сколько времени — а главное сил! — потратил Конан, чтобы пройти свой путь, они могли только догадываться. Кляня себя за непростительную глупость, девушки бросились за вином и едой.

Киммериец ел, словно дня три не видел съестного, с иронией вспоминая аппетитную увесистую баранью ногу, съеденную в пещере. Все-таки это было несправедливо — убить-то его грозили по-настоящему, а кормежка оказалась фальшивой! Зита с Мелией терпеливо ждали, не понимая менявшей его лицо мимики, но лишь когда он насытился и с кубком вина в руке откинулся на спинку дивана, Зита решилась, наконец, вновь задать свой вопрос:

— Ну, что скажешь?

Она так напряженно ждала ответа, нетерпение столь явно отражалось на ее лице, что Конан не смог удержаться и, усмехнувшись, повторил:

— С огнем шутки плохи.

— Ты!.. — Девушка задохнулась от гнева, и щеки ее вспыхнули румянцем.

Конан беззвучно рассмеялся, обнажив белые крепкие зубы, и вдруг посерезнев развел руками.

— Мне нечего сказать. Я ничего не узнал.

Ответ был столь бесхитростен и категоричен, что обе девушки надолго замолчали. Они надеялись узнать нечто для себя важное, но так и остались с тем, с чего начали — с паутиной Затха, неизвестно, сколько еще способной защищать их, и необходимостью обезвредить Незримого неведомым пока способом. Теперь все их надежды оставались на Конана.

На его силу.

На его бесстрашие.

На его ум.

Огорченная неудачей, Зита погрузилась в свои мысли, а Мелия подсела к киммерийцу — она еще не переставала надеяться — ласково тронула его за руку и заглянула в лицо.

— Расскажи, дорогой, как это было, — попросила она, — быть может, ты забыл что-то важное или не обратил внимания на какую-нибудь мелочь?

Киммериец удивленно посмотрел на нее.

— Как ты меня назвала?

Она смущенно потупилась и лицо ее залилось румянцем. «Совсем как Зита! — подумал Конан, восхищенно глядя на девушку. — Поразительное умение краснеть по любому поводу, и

похоже, обладает им не только младшая из сестер!» Прежде ему доводилось слышать истории, о восточных владыках, выбиравших себе в наложницы исключительно легко краснеющих женщин, уверяя, что они необыкновенно горячи на брачном ложе.

Он посмотрел на Зиту, занятую своими мыслями, и ему стало неловко, а в душе против воли родился протест. Обе сестры оказывали ему явные знаки внимания, тайком друг от друга одаривая взглядами, недвусмысленно намекавшими, что если все закончится хорошо, он без труда сможет убедиться в правдивости слышанных рассказов!

Несмотря на то что киммериец давно уже привык к повышенному вниманию к себе прекрасной половины человечества, сейчас он чувствовал себя польщенным — до сих пор ему не приходилось иметь дело с женщинами, принадлежавшими к знати. Однако ему вовсе не нравилось желание каждой из них склонить его на свою сторону, негласное состязание за знаки внимания с его стороны! Он вовсе не намеревался быть игрушкой в чьих-то руках, будь то хорошенькая Зита или божественная Мелия! Не говоря уже о том, что сейчас он просто не намерен забивать себе голову подобными глупостями — слишком уж они расслабляют!

Конан так и не дождался ее ответа и коротко бросил:

— Нечего рассказывать.

— А все-таки?

К Мелии вернулась ее непринужденность. Она молитвенно сложила ладони и просительно заглянула Конану в глаза, а Зита, очнувшись от размышлений, с улыбкой смотрела на нее и думала о том, сколько, оказывается, еще скрывается в ее старшей сестре детской непосредственности, о которой никто, даже она сама, и не подозревает!

Киммериец кивнул. В общем-то он и сам понимал, что их не может удовлетворить его односложный ответ.

— Я проснулся в пещере, в сердце горы, у догорающего костра, почувствовав, что кто-то тронул меня за плечо, предупреждая об опасности, но все было спокойно и никого рядом не оказалось. Однако я точно помню, что у меня осталось ощущение отступившей беды.

При этих словах Зита насторожилась.

— Что ты имеешь в виду?

Конан поморщился, не зная, как точнее выразить свое ощущение.

— Еще снаружи пещеры меня начали преследовать какие-то твари, прятавшиеся в тени, но они не осмеливались нападать, лишь угрожали да тащились следом. Когда я очнулся, все оставалось по-прежнему, но я уверен — если бы не этот толчок, я бы уже не проснулся. Ни здесь, ни там!

Мелия кивнула.

— Нечего сказать — хорошее начало. Конан согласился:

— Мне тоже понравилось.

Но Зита не была склонна к пустопорожним разговорам.

— Ты же говорил, что проснулся в пещере, а теперь оказывается, что все началось значительно раньше! — Она ехидно прищурилась. — Как тебя понимать?

— А ведь и верно. Как это я сама не заметила? — Мелия удивленно посмотрела на киммерийца.

Кром! А он-то надеялся обойтись самой сутью! Конан задумался ненадолго, прикидывая, как покороче рассказать обо всем, раз уж рассказа не избежать.

— Я действительно проснулся в пещере. Все происшедшее до того лишь всплыло в памяти. Солнце клонилось к закату. Я решил заночевать прямо у подножия горы и отправился в рощу набрать веток для костра — не хотелось, чтобы шакалы тревожили ночью, — он усмехнулся, — вот только спспать мне так и не пришло. Пока я собирал хворост, меня не покидало странное

ощущение, что за мной кто-то следит, ходит следом и пялится в спину голодным, злым взглядом.

Он посмотрел на Зиту, словно хотел взглядом передать то ощущение, что так неумело описал словами, и девушку передернуло, а руки покрылись гусиной кожей, словно от холода, когда она представила, как это могло быть: солнце садится, тени густеют. Ты ходишь, а следом крадется кто-то страшный и сильный, с острыми как кинжалы зубами, когтистыми лапами и буравит злым, голодным взглядом спину, в ожидании, когда ты уснешь или солнце зайдет, и до мига этого осталось совсем немного, а ты знаешь обо всем, но сделать ничего не в силах!

Конан тем временем продолжал:

— Я набрал дров, и ничего со мной не случилось. Но такое чувство, что я был не один. Что-то мне во всем этом не нравилось, хотя что, я и сам не знал. На всякий случай я срубил пару десятков молодых сосенок, понаделал из них факелов. Оказалось, не зря. Стало темнеть — и какие-то твари стали подкрадываться ближе.

Нечаянным жестом Мелия в волнении положила свою маленькую ладошку на его большую ладонь, и по ее дрожанию, по судорожно сжимавшимся пальчикам киммериец чувствовал, какое впечатление оказывает на девушку рассказ.

— Как только солнце село, начался кошмар, которого я никогда не забуду. Я уже чувствовал на себе их грязные когтистые лапы, чуял смрадное дыхание, хотя стоило обернуться, и все пропадало. Но я же не мог обернуться во все стороны разом! Всегда кто-то оставался за спиной! И я не видел врага! Я не мог убить его и когда понял, что едва догорит костер — мне конец, запалил с десяток факелов, раскидал их как мог дальше и, когда от валежника пламя перекинулось на деревья, ушел в пещеру.

Мелия скжала его ладонь.

— Скажи, тебе было страшно? Он рассмеялся.

— Нет! Конечно, нет! Не хотелось расставаться с жизнью? Да. Страшно? Нет! Хотя страх — полезное чувство. — И, видя удивление в глазах девушек, пояснил: — Страх помогает выжить! Выжить там, где победить нельзя, а можно лишь напрасно потерять жизнь. Выжить, чтобы прийти и отомстить, доказав, что ты не трус.

Конан замолчал, поймав себя на том, что только что высказал вслух мысль, впервые пришедшую ему именно там, во сне. Девушки некоторое время ждали продолжения, пока Зита не спросила:

— Что же было дальше?

— Дальше? — Он пожал могучими плечами. — Дальше не было ничего. Только бегство без конца, неизвестно от кого. Я ведь думал, что, пока горит огонь, успею уйти далеко, а оказалось, что лишь понапрасну извел факелы. За мной гнались всю ночь. Сперва по пещере, которой я прошел сквозь гору и оказался в каменном мешке, откуда не было выхода. И тогда я полез по отвесной стене. Мне пришлось взобраться на самый верх. Я надеялся, что там, наверху, нечemu будет отбрасывать тень, но тучи начали сгущаться, и я понял, что не все так просто. Хотя прихода дня они задержать и не могли, но грозились погасить луну и звезды!

Но это уже не имело значения, — заговорил он вновь после небольшой паузы, — невдалеке я заметил несколько убогих лачуг и обрадовался возможности провести остаток ночи в тепле и на свету, но, подойдя ближе, увидел, что там давно никто не живет. Дома так обветшали, что того и гляди грозили рухнуть. Представьте, как я был удивлен, когда встретил там незнакомца, который мне заплатил, чтобы я принес талисман. Он потребовал его, и я отдал.

— Ты отдал талисман? — всплеснула руками Зита, и на лице ее на мгновение промелькнуло выражение обреченности.

Конан усмехнулся.

— Отдал, но не тот. Это ведь был сон! — Конан улыбнулся девушке, и она закусила пухлую

губку, досадуя на себя за несообразительность. — На шее у меня висело маленькое зеркальце, и я отдал его. Чужак впился взглядом в свое отражение, обернулся скелетом и бросился на меня. Не стану описывать, что было дальше — это мало интересно, но кончилось тем, что он сгорел. — Конан помолчал. — Это спасло мне жизнь. — Он еще немного помолчал и добавил: — в тот раз. Но я все равно не вижу, чем все это может помочь нам сейчас.

Конан замолчал — больше ему говорить было нечего — и принялся ждать, что скажет Зита, но девушка сосредоточенно размышляла. Похоже было, что и ей, несмотря на ее познания, не за что уцепиться в рассказе Конана. Он долил в кубок вина и, сделав внушительный глоток, — в горле у него настолько пересохло, что жажда продолжала мучить даже теперь, после четырех внушительной вместимости кубков — заметил:

— Ты оказалась абсолютно права, девочка: я и в самом деле едва не распостился с жизнью. Но ничего полезного так и не узнал.

Однако Зита по-прежнему молчала, пытаясь найти рациональное зерно в его рассказе.

— Быть может, тебе следует показать его Незримому? — Мелия вопросительно посмотрела на киммерийца. — Ведь незнакомец погиб именно после того, как увидел в нем свое отражение.

Конан покачал головой.

— Вряд ли. Он будет ждать меня завтра вечером, но для этого мне еще нужно выбраться отсюда, а вот сумел бы талисман защитить меня от тварей, прятавшихся в тени, а потом в темноте пещеры, я не знаю — говоря по правде, тогда я так ни разу и не вспомнил о нем. Не забывай, что для меня все происходило наяву. Это сейчас я знаю, что то был сон, а тогда мной владело единственное желание — спасти. — Конан задумался ненадолго, — Могу сказать только одно: если и похож Незримый на что-то, виденное мною, то только на тьму, выплеснувшуюся из пещеры и заполнившую собой каменный мешок, едва не ставший моей могилой. А что касается талисмана, — Конан сделал паузу, — Незримый знает, что он у меня.

Он сказал это спокойно, как говорят о чем-то обыденном, не стоящем внимания, Зита озабоченно покачала головой.

— Ты ничего не рассказывал об этом. Конан усмехнулся.

— Я много о чем не рассказывал. — И тут же посерезнел. — Это случилось в зале, в котором мы впервые встретились. Сперва я почувствовал беспричинную тревогу и вдруг поймал себя на том, что не могу пошевелиться. Я не ожидал ничего подобного, и он начал овладевать мной. Я боролся, но едва мог пошевелиться. В какой-то момент мне подумалось, что еще немного — и конец. Из последних сил я сжал талисман, и тогда Незримый отпустил меня. Медленно и неохотно, но ему пришло сделать это. Он убрался, а вскоре я услышал нечеловеческий крик и бросился сюда, но нашел только кровь на полу.

Фабиан в кресле нервно сглотнул слюну, пытаясь бороться с тошнотой, но никто этого не замечал.

— Так ты думаешь, что и там столкнулся с Незримым? По твоему рассказу, это такое же непроницаемое для взгляда облако тьмы, перед которой абсолютная тьма ночи — солнечный полдень.

— Возможно, — Конан задумчиво кивнул, — но там, по верь, у меня был единственный способ спасти — отступать, не позволяя ей приближаться, и как можно быстрее. Это как горная лавина, которую не остановишь ничем! Можно лишь убраться с дороги, а если некуда, то остается бежать без оглядки в поисках недоступного ей места. — Он значительно посмотрел в глаза молодой колдуньи. — Там было зло, необъятное и необоримое. Тьма сглотнула брошенный в нее факел, лишь проворчав о своем недовольстве. Здесь же лишь маленький клочок того необъятного облака, злобный и смертельно опасный, но не настолько. Не знаю, — Конан пожал плечами, — может быть, в моем сне Незримый предстал во всей своей красе? — Он

почувствовал, как невольно дрогнула на его ладони рука Мелии. — Тогда я не хочу даже думать о том, что случится, если он вырвется наружу!

— Ты действительно считаешь, что мы можем что-то сделать? Даже после того, как едва не погиб и вернулся ни с чем? — Зита заговорила, и в голосе ее угадывалась обреченность. — Быть может, ты просто не понимаешь, в каком положении мы оказались? — Она с тоской посмотрела на Конана, и у Мелии сердце сжалось от жалости и боли, хотя сама она находилась точно в таком же положении. — Я очень надеялась, что твой сон прояснит что-то, но теперь меня не покидает предчувствие скорой смерти.

Она говорила спокойно, но от спокойствия этого Мелии сделалось страшно.

— Все может быть, милая, — Конан оставался невозмутим, как вендиjsкий мудрец, заранее знающий ответы на все вопросы, но не стал успокаивать девушку. Все, что он мог сказать ей, прозвучало бы пошло и фальшиво, — но поменьше думай о смерти, если хочешь избежать ее. Лучше расскажи нам, что нас ждет теперь. Зита кивнула.

— Я думаю, ты действительно видел Незримого. Не того, что притаился снаружи кокона, а прежнего, такого, каким он явился в наш мир — лишенный плоти, но не лишившийся всей мозги. Однако не это важно. Мы не можем выпустить его отсюда, чтобы спастись. Это лишь ненадолго отсрочит нашу смерть, но не спасет от нее, зато погибнет неисчислимое количество людей, пока кто-то, кому по силам будет справиться с ним, не решит, что настал момент избавить мир от зла, либо что конкурент за власть стал слишком силен — все равно. Сейчас это сделать значительно проще, но на беду нашу мы по-прежнему не знаем — как!

— Я не вижу в этом большой беды, — спокойно возразил Конан. — Главное — не сидеть сложа руки.

— Но что мы можем сделать? — Зита недоуменно смотрела на него, пытаясь понять ход мыслей варвара. — Мы можем покинуть дом, но для этого должны прежде уничтожить Незримого, но как сделать это, не знаем, а узнать сможем, лишь выйдя отсюда! Получается заколдованный круг! Что нам делать, Конан?

Она стиснула руки на груди и с тоской посмотрела на огромного киммерийца.

— Чтобы победить, нужно драться! Мы ведь еще не погибли! Ты говоришь, что это ненадолго и смерти не избежать? Прекрасно! Значит, бояться уже нечего! Но нам дали шанс, ставка в котором — жизнь! Так почему не побороться? Мы ничего не теряем, но многое можем обрести!

Конан не беспокоился за Мелию. Он видел в ее взгляде готовность идти за ним куда угодно. Пусть в конце пути их ждет смерть — неважно. Лишь бы быть вместе. Он боролся за Зиту, смотревшую на него взглядом, в котором обреченность боролась с надеждой, и он обязан был помочь надежде победить!

— Но что делать? Что делать?!

— Мы можем уничтожить Незримого?

— Нет!

Конан кивнул, соглашаясь.

— Если не знаешь, как убить льва, поохотиться на шакала, что крутится рядом, — Конан посмотрел на Зиту, пере вел взгляд на Мелию и во взгляде его сверкнула холодная синева северных гор. — Займемся его выродком.

— Но что это даст нам? — не унималась Зита. — Незримый, а вовсе не тварь, созданная им, преграждает нам путь к свободе!

— Лев — очень опасный зверь, и если уж решил поохотиться на него, полезно знать, что шакал не прыгнет тебе на спину! — возразил киммериец и добавил: — Если из двух врагов ты убил одного, опасность уменьшится вдвое.

— Но что потом? — Зита по-прежнему хотела сразу по лучить ответы на все вопросы.

— Что делать потом, будем решать потом, — отрезал Конан. — Не к чему торопить события. Возможно, когда Незримый лишится твари, он сам подскажет нам, как быть дальше.

— Эмерика оставьте мне! — Решив, что момент настал и пора проснуться, Фабиан сел в кресле и решительным взглядом окинул присутствующих.

«Ага, наш спаситель проснулся! — Конан усмехнулся про себя, но виду не показал. — Только что от страха валялся без памяти, но пришел в себя и снова рвется в герой!»

— Эмерик мой! — Для убедительности Фабиан повторил свою фразу и требовательно посмотрел на Конана. Тот неопределенно кивнул, то ли соглашаясь, то ли просто принимая к сведению желание Фабиана.

— Какой Эмерик? — побелевшими губами прошептала Зита.

— Ты что, не поняла? — после продолжительного «беспамятства» Фабиан почувствовал подъем и, отчаянно жестикулируя, продолжал объяснять: — Это же Эмерик напал на меня в зале! Неужели ты не узнала его?!

Мелия смотрела на него округлившимися глазами. Она думала, что сон исцелил его, помог забыть перенесенный ужас, поверить в себя, стать прежним веселым балагуром, сильным мужчиной, умелым воином, на которого можно положиться, достойным встать рядом с Конаном, чтобы защитить их с сестрой. Теперь же ей казалось, что он сошел с ума.

— Фабиан, ты не знаешь... — прошептала она. — Эту тварь создал Незримый из костей и чучел животных, хранившихся в подвале...

— Он просто возродил Эмерика! — обрадовался Фабиан, словно речь шла о чем-то необыкновенно веселом. — Незримый воссоздал его таким, каков он и был на самом деле — помесь крысы и крокодила! Тебе не приходило в голову, что одноглазым он получился потому, что второй глаз остался валяться здесь! В этой комнате под диваном, в пыли! — Он перевел взгляд на Зиту, и у нее холодок пробежал по телу. В рассуждениях Фабиана сквозило явное безумие, и в то же время она вдруг сразу и безоговорочно поверила в его слова, а он продолжал: — Эмерик всегда был таким. Просто теперь он остался без маски. Ты веришь мне? — неожиданно спросил он у Конана.

Тот сдержанно кивнул, соглашаясь. Он помнил, как выглядела тварь поначалу, с узлами не покрытых шкурой мышц, с сочащейся из глубины тела кровью — всего этого быть не могло в иссохшихся мумиях, не говоря уже о чучелах, набитых соломой.

— Он был вашим другом, — напомнил киммериец. — Вам виднее.

— Он не был ничьим другом! — прервал его Фабиан.

— Но он был человеком вашего круга, я же лишь понаслышке знаю о нем. — Конан поморщился. Он не терпел подобного обращения, но сдержался, памятуя о том, что теперь не время ссориться. — Правду сказать, Фабиан дело говорит — вашего приятеля всегда тянуло туда, где потемнее да погрязнее, но дело в конце концов не в этом. — Он посмотрел на Фабиана в упор. — Уверен ли ты, что справишься с этой тварью, неважно Эмерик это или что-то иное?

Тот судорожно кивнул и собрался что-то сказать, но киммериец жестом остановил его. — Учи — он очень опасен.

— Я не боюсь! — Он с вызовом посмотрел на Конана, который покачал головой, показывая, что далек от такой мысли.

— Я и не сомневаюсь, но не в этом дело. Он гораздо опаснее, чем просто очень сильный человек, прекрасно владеющий оружием. Как раз с мечом-то он обращается довольно-таки скверно, но зато он нечеловечески силен и неимоверно быстр, передвигается рывками. Нужно время, чтобы привыкнуть к этому. Даже я справился с ним с трудом.

Возможно, если бы не это «даже я», без всякой задней мысли произнесенное Конаном,

Фабиан и уступил бы, но он отнюдь не собирался соглашаться на предложенную ему вторую роль и упрямо поджал губы.

— Поверь — я неплохо владею мечом и силой не обделен, а ненависть поможет мне. — И, увидев удивление, про мелькнувшее во взгляде Конана, поспешил объяснить: — Эта тварь пыталась убить меня, а значит, должна сдохнуть от моей руки!

— Хорошо, — Конан пожал плечами, считая бессмысленным продолжать спор. — Но помни: убьешь ты его или нет, но себя дать убить ты не имеешь права. Если почувствуешь, что приходится туда — плюнь на гордость и отступи. И помни об одной простой истине — живой трус лучше мертвого храбреца.

Тот кивнул, но по упрямому блеску глаз Конан понял, что согласился он лишь для того, чтобы его оставили в покое. Ну что же, жить или умереть — этот выбор человек может сделать только сам. Во всяком случае безрассудная храбрость в их положении была предпочтительней панической трусости. Им предстоит выйти, и то, что они сумеют сделать, должно в корне изменить создавшееся положение — либо Незримый останется в одиночестве, и шансы их возрастут, либо демону удастся завладеть кем-то из них и тогда...

Жаль, что это понимает только он.

Занятый своими мыслями, Конан только теперь с удивлением заметил, что Фабиан с деловым видом облачается в доспехи, подбирает себе оружие, явно намереваясь немедленно покончить с тварью, а заодно и с самим Незримым.

— Ты, похоже, собрался идти прямо сейчас? — Вопрос Конана заставил его вздрогнуть и обернуться.

— Ну да. А чего ждать-то? Я уже устал от этой говорильни!

«Кром! — Конан едва не выругался вслух. — Настоящий герой! Вот сейчас пойдет и спасет всех от смерти! Просто так, мимоходом, чтобы размяться!»

— Подожди немного — драка от тебя не уйдет. Давай послушаем сперва Зиту. Может, ей удалось выудить что-нибудь из моего сна?

Он посмотрел на девушку, но та сокрушенно покачала головой. Однако Конана ее ответ не обескуражил — он и не надеялся особенно услышать что-то полезное.

— Тогда остается решить, как действовать дальше.

— Да что там решать-то? — Фабиан, все это время возбужденно ходивший взад и вперед, остановился и в упор посмотрел на Конана. — Выйдем да прибьем эту тварь! Нам бы только найти ее.

— Успокойся, Фабиан! — Мелия пришла на помощь Конану, когда он уже начал терять терпение. — Если помнишь, один раз мы уже поступили подобным образом и это едва не закончилось для нас катастрофой. Зачем повторять ошибки?

Фабиан, видя, что его явно не поддерживают, демонстративно уселся в кресло и замолчал, не желая принимать участия в общем разговоре.

— Что ты предлагаешь, Конан? — Мелия вопросительно посмотрела на него.

— В прошлый раз мы угодили в ловушку. Тварь поманила нас за собой, а Незримый подкрался сзади, и мы по пались!

— Если бы не ты, Конан... — Мелия тронула его за руку.

— Брось! Нам просто повезло! — отмахнулся Конан, но девушка с удовольствием увидела, как потеплели его глаза.

Впрочем, если она подумала, что подобная реакция была вызвана ее невольной лестью, то она ошибалась — ему нравилось видеть ее и не менее приятно было бы просто услышать звук ее голоса, независимо от того, что она говорила. От девушки веяло теплом и давно позабытым уютом, чем-то близким и трепетным, чего он, казалось, безвозвратно лишился со смертью

матери.

Конан с сожалением заставил себя вернуться к разговору.

— Ему достаточно повторить то, что однажды уже по лучилось, а ведь он вполне может придумать и что-то другое.

— Так что же делать? — Зита требовательно смотрела на него. — Ты говорил, что для тебя в этом нет вопроса, так ответь — как помешать ему?

Киммериец кивнул. Он все помнил и не отказывался от сказанного.

— Нас ждут. Как только мы выйдем, начнется охота, и наша задача стать охотниками, а не оставаться дичью, как сейчас.

— Ну, это-то и так понятно, — буркнул Фабиан себе под нос, но так, чтобы всем было это слышно. Этот киммериец мнит себя большим хитрецом, а говорит о вещах, понятных даже детям! — Расскажи, если не секрет, как сделать это! — добавил он уже в полный голос.

— Ты прав. — Конан с усмешкой посмотрел на него. — Я действительно не сказал ничего нового, а упомянул об этом лишь потому, что с нами девушки, которые должны понимать, что мы делаем и зачем. Кстати, и в том, что я скажу дальше, ты не услышишь ничего для себя нового. — Он посмотрел на Мелию и тут же перевел взгляд на Зиту. — Главное для нас — разделить их. Заставить действовать порознь. Загнать Незримого в темную дыру, запереть там и начать охоту на тварь. Только так можно Убить ее.

— И как ты собираешься это сделать? — Фабиан не смог удержаться от саркастического вопроса. — Попросишь его не мешать?

— Ну зачем же? — Конан оставался на удивление спокоен. — Все гораздо проще — Незримый боится огня. Достаточно оставить пару факелов у двери, и он не сможет пробраться дальше.

— Ты уверен в этом? — Зита ждала ответа, но по взгляду ее киммериец понял, что в душе она уже поверила, и постарался убедить ее до конца.

— Во всяком случае, прежде было так, и если мой сон хоть что-то значит, то свет — единственное наше оружие в борьбе с Незримым. Скажу больше. Когда мы выйдем, и свет ослепит его, он на какое-то время потеряет ориентацию и не сразу поймет, что наши роли переменились. Это время нельзя потерять!

Фабиан скептически ухмыльнулся, но ничего не сказал. Свет так свет. Уверенность в себе Конана невольно подействовала и на него, хоть он и не признавался себе в этом. Он думал о своем, представляя, как загонит Эмерика в угол и, проткнув его мечом, станет их спасителем, и, быть может, тогда напомнит им, кто такой Конан на самом деле и как попал в дом!

В отличие от честолюбивых мечтаний Фабиана мысли Конана носили чисто практический характер. Его совершенно не интересовало, кто из них нанесет решающий удар. Главное, чтобы это было сделано.

— Ты уверена, что сможешь отличить, где Незримый, а где тварь? — Поборов наконец недоверие Зиты, он задал вопрос, от которого зависело, насколько сложным окажется сделать то, что он задумал.

— Думаю, да.

— Так, это хорошо. — Конан удовлетворенно кивнул. — Они уже поджидают нас неподалеку. Как только выйдем, я подожгу факелы, укрепленные у двери, а ты тем временем узнаешь, где они. Если у тебя получится, все будет хорошо. Я думаю, что лучше всего загнать Незримого в подвал — там его легче будет удержать. После этого мы сможем заняться тварью. Надеюсь, что, лишенная поддержки своего хозяина, она станет не столь опасна. Во всяком случае, уверен, что разделаться с ней нам по силам.

— А потом?

Конан уже начал привыкать к тому, что Зита все и всегда хочет знать наперед. От начала и до самого конца, причем даже в ситуациях, когда сказать что-то наверняка значит показать себя безответственным болтуном, а он вовсе не собирался играть эту роль.

— А потом видно будет, но запомните главное, — он посмотрел в глаза каждому, и на этот раз даже Фабиан не стал противопоставлять себя киммерийцу, а лишь кивнул, соглашаясь, — ни в коем случае не смотреть в темноту, ходить только по двое и обязательно иметь при себе кусок материи.

— Зачем? — спросила Мелия и сразу поняла, что он имеет в виду, вспомнив себя, рыдающую, силящуюся выбраться из груды тряпья, которая спасла ей жизнь, позволив освободиться от взгляда Незримого.

Так это был он — Конан! До сих пор она не задумывалась о том, кто спас ее, сестра или Фабиан, и лишь теперь поняла. Она посмотрела на киммерийца взглядом, полным восторга и обожания. Они все, даже чванливый Фабиан, задолжали ему, а ее долг оказался вдруг больше, чем у остальных!

Незримый привык ждать, а тварь, сотворенная им, хоть и была прежде человеком, но утратила присущие ему эмоции. Она не знала тревог и сомнений или думала, что не знала, по крайней мере до сих пор она испытывала лишь желания, и самым сильным из них, а может быть единственным, было желание убивать! И ради его исполнения она готова была ждать сколько угодно!

Наконец дверь открылась, и двое мужчин вышли на середину коридора. Потоки обжигающего света ударили в густую черноту плоти Незримого, заставив поспешно отпрянуть в спасительную темноту за поворотом и замереть, выжиная. Он знал, что сейчас они начнут осматриваться, ища его — элементарная мера предосторожности. Потом пойдут в сторону зала — почему-то их неудержимо тянет именно туда! — а он будет красться следом, и когда тварь нападет, повторит свой маневр.

Занятый своими мыслями, он не сразу заметил, что все пошло несколько иначе, а когда понял, отчего свет впереди горит слишком долго, прошло уже изрядное время.

Проклятые люди быстро усваивали уроки! Гораздо быстрее, чем ему бы хотелось! Что ж, их план ясен — разделаться с врагами поодиночке! А раз против него они бессильны, то, отделив его от меньшей половины, враги начали ее поиски! Что ж, в здравом смысле им не откажешь, но и он не так прост!

Незримый не стал мешкать и поспешил навстречу твари. Он мог бы и не торопиться. Став единственным целым, он, одновременно оставаясь самим собой, видел мир ее глазами и слышал ее ушами, но для того, чтобы влить свою мощь в ее тело, нужно было соединиться физически, и он поспешил вперед.

Конан с Фабианом зажгли оба факела, висевшие слева от двери, и, по мере того, как они разгорались, потоки набиравшего силу света заливали пустое пространство коридора на все большую глубину.

Едва выйдя из комнаты, Зита остановилась и напряженно прислушалась к чему-то внутри себя.

— Незримый справа, тварь затаилась где-то в зале.

— Точно?

— Точно.

— Следите друг за другом. Старайтесь не смотреть в темноту.

— Да знаем, знаем, — проворчал Фабиан. Он волновался, и ему действовали на нервы наставления Конана, который и на самом деле, похоже, не боялся ничего.

Они медленно продвигались вперед, и трепещущее пламя порождало странные, постоянно

меняющиеся тени, которые тревожили, будоражили сознание. Боковым зрением Фабиан следил за Конаном. «Почему он не боится? — крутилась у него в голове банальная в своей простоте мысль. — Ведь он такой же как я! Почему тогда я боюсь?»

Зал с затаившейся тварью становился все ближе, а вокруг стояла одуряющая тишина, тревожимая лишь их осторожными шагами.

— Зита, ты чувствуешь, где они?

— Да, Конан. Тварь впереди, на прежнем месте, мы идем к ней. Незримый пропал.

— Побежал вокруг, — пробормотал про себя Конан, а вслух сказал: — Я пойду немного быстрее, постараюсь ус петь раньше Незримого. Следите за мной.

— Нет, Конан, дорогой, не надо, — умоляюще прошептала Зита, но он предпочел не услышать ее и пошел вперед.

«Ишь ты — дорогой! — зло подумал Фабиан. — Сперва одна, потом вторая». Некоторое время он шел, тупо глядя перед собой. «А ведь это ты привела меня сюда! — вдруг вспомнил он, — Погоди, сучка, от меня не уйдешь!»

Конан оторвался почти на десяток шагов вперед, когда внезапно почувствовал неприятный холодок в области темени. Он мгновенно опустил глаза и швырнул факел вперед.

— Он здесь! Фабиан, приготовься!

Великан, шедший сзади, вздрогнул и словно очнулся от сна, вновь став самим собой. Он быстро обогнал девушек и вышел в зал, посреди которого, настороженно озираясь по сторонам, уже стоял Конан. Внезапно Фабиан почувствовал непреодолимую силу, притянувшую его к себе, и шагнул в сторону, но Конан среагировал мгновенно, словно ждал этого.

Он швырнул факел в зияющую чернотой хищную пасть коридора, ругая себя за то, что не сделал этого сразу. В два прыжка он оказался в проеме, на ходу зажигая новый факел, который в следующий миг горящей кометой метнулся вперед, упав у поворота. Конан зажег еще один и бросил туда же и лишь после этого, успокоившись, вернулся назад.

Все трое стояли посреди зала и настороженно осматривались.

— Где он?

Зита осторожно подняла руку и указала куда-то в сторону.

— Он там, но мы не видим его.

Неуловимым движением выхватив из-за спины меч, Конан пошел вперед, внимательно глядя по сторонам: картины, gobелены на стенах, коллекции оружия — все было на месте, ничто не вызывало тревоги. Он искал что-то странное, необычное, но не находил ничего.

Все было в порядке.

Киммериец шел к занавешенному окну, чувствуя, как нарастает в воздухе напряжение. Еще шаг, другой и... Что-то шевельнулось сбоку — он мгновенно обернулся, но все равно опоздал, однако и тварь совершила ошибку. Ей бы напасть на беззащитных девушек, а она, не пожелав оставлять за спиной сильного, вооруженного мечом мужчину, словно ниоткуда возникла прямо перед ним, изготавливаясь к бою.

От неожиданности Фабиан замер, мгновенно позабыв о своих намерениях, а когда тварь бросилась вперед, подоспел Конан. От его могучего пинка она отлетела к стене, но тут же вскочила и, схватив со стены кривой меч, пригнулась к полу и зашипела.

Фабиан словно очнулся и пошел на нее, остановившись лишь в паре шагов перед монстром.

Тварь стояла в расслабленной позе, странно, рывками, раскачиваясь из стороны в сторону, вперед-назад. Конан подумал, что если это существо и вправду было прежде Эмериком, сохранило его память, то можно было представить, как оно наслаждается сейчас беспомощностью погубившего его приятеля, как предвкушает его скорую смерть. Оставаясь неподвижной, тварь словно постоянно возникала в другом месте, мешая сориентироваться.

Перемещения ее завораживали, дробя внимание, мешая сосредоточиться. Она явно растягивала удовольствие.

Глядя на двух оцепеневших у входа в зал девушек, на застывшую посреди пару, Конан понял, что еще немного, и Фабиан будет ни на что не годен, и если тварь не совсем тупа, ей хватит одного удара, чтобы прорваться к Зите с Мелией, которыми она должна была заняться сразу, а он просто не успеет помочь им. И хоть киммериец обещал не вмешиваться, сейчас было не до этого. Он подхватил с пола мраморную вазу и швырнул ее в монстра. Тот как раз сменил положение тела и ваза пролетела мимо, лишь слегка задев его голову. Тварь выгнулась и заверещала.

Фабиан словно очнулся от сна и бросился вперед. Он и впрямь оказался хорошим фехтовальщиком, и Конан с удовлетворением отметил, что твари приходится жарко. Темп, заданный человеком, оказался столь высок, что монстр думал лишь о защите, а меч человека сверкал без устали, выбирая самые незащищенные части тела и мгновенно разя, но пока тварь непостижимым образом умудрялась избегать укусов смертоносной стали.

Лица девушек выражали восторг, но Конан озабоченно покачал головой: ему, опытному бойцу, ясно было, что выбранный темп из союзника вскоре станет противником Фабиана. Пока его еще поддерживали ярость и ненависть, желание доказать всем, что недавняя слабость была случайной, но тем сильнее будет реакция, когда усталость ляжет неподъемной тяжестью на руки, прикует ноги к полу, заставит дыхание вырываться с хрипом.

Надо было что-то делать.

Конан начал заходить сбоку.

— Стой! Он мой! — Фабиан говорил, резко выплевывая слова, дыхание его вырывалось со свистом.

Конан покачал головой — все произошло гораздо быстрее, чем он предполагал. Тем не менее варвар не стал спорить и остановился рядом. Он был готов, ожидая перелома в любой момент, сознавая, что ему придется с ходу заменить Фабиана, причем так, чтобы тот остался жив и клинок твари не добрался до него.

Незримый знал, что происходит в зале, и это не нравилось ему. Человек теснил его меньшую часть, и малейшая ошибка могла привести к гибели. С другой стороны, он понимал, что силы человека на исходе, и как только наступит спад и усталость камнем ляжет на плечи, человеку придет конец.

Однако оба возможных итога исхода поединка не устраивали Незримого. Он терял либо свою меньшую часть, либо будущего союзника, часть самого себя, еще находящуюся в стадии переделки. Нужно было что-то предпринимать, и немедленно.

Тварь видела, как стремительна накатывается на человека усталость, и в тот момент, когда руки его безвольными плетьями повисли вдоль тела, резко прыгнула, нанося смертельный удар.

Мелия завороженно смотрела на мелькавшую сталь клинов, и вдруг поняла, что Фабиан начал уставать. Движения его стали замедленными, он уже не шел вперед, а лишь защищался. Еще немного и... И что-то словно кольнуло ее в грудь, ледяным предчувствием непоправимой беды сжал сердце.

— Конан!

Конан не ожидал, что все произойдет столь стремительно, но в этот момент словно рука друга тронула его за плечо, предупреждая о беде, и тренированная психика среагировала мгновенно, выручив и на этот раз. Мощное тело варвара с быстротой, не уступающей быстроте твари, метнулось в сторону как раз вовремя. Клинок монстра рассек место, где он находился мгновение назад, и в тот же миг он услышал отчаянный крик Мелии, предупреждавший об опасности.

Он успел увидеть, как безвольно повалилось на пол тело Фабиана, но не ранение было тому

виной, а накатившийся вслед за усталостью страх. Страх осознания близости смерти, не позволявший теперь не только драться или помогать Конану, напрочь изгнавший из головы прежние честолюбивые намерения самому разделаться с врагом.

Однако киммерийцу было не до размышления о странных перепадах в настроении Фабиана. Перед ним стоял смертельно опасный противник, и он не стал ждать, а пошел вперед, нанося удар за ударом, поддерживая темп, выбранный Фабианом, но, в отличие от последнего, трезво оценивая свои силы и силы монстра.

Он видел, что Фабиан, не допустивший ни одной ошибки и действовавший в недопустимом темпе, тем не менее не смог ничего поделать с тварью, не имевшей ни малейшего представления о том, как надлежит обращаться с оружием — непостижимая быстрота передвижений полностью скомпенсировала этот, казалось бы, решающий недостаток.

Конан, что показалось бы невероятным, мог действовать еще быстрее, но гарантии того, что этого хватит для победы, у него не было, и он решил поступить так, как подсказывала ему интуиция.

Не оборачиваясь и не обращая внимания на распластавшегося на полу, тяжело дышавшего Фабиана, он крикнул:

— Осветите коридор до второго поворота! Живо!

Левой рукой он оторвал привязанные к поясу факелы, и не дожидалась и даже не следя, как выполняется его приказ, начал теснить монстра. Он готов был в любой момент метнуть зажатый в левой руке массивный метательный кинжал, способный пробить аквилонский панцирь, если тварь вдруг решит напасть на девушки.

Тварь, дернувшись однажды, сразу поняла, что как только повернется к варвару спиной, острые сталь без промаха вонзится в спину, и единственный, пылающий ненавистью, глаз ее налился кровью. Она попыталась перейти в контратаку, но Конан был готов и к этому.

На краткий миг он удвоил темп, но тут же сбавил его до прежнего уровня. Маневр этот возымел успех, но дорого обошелся Конану — он почувствовал, что и его тренированное тело закаленного бойца начинает уставать...

Незримый не ожидал такого поворота. Он знал, что силы любого человека, как бы могуч тот ни был, не беспребедельны, и когда счел, что момент настал и пошел вперед, был удивлен безмерно, ибо варвар легко увеличил темп, казавшийся невероятным, и тут же сбавил его, показав, что готов и к такому повороту.

Некоторое время Незримый пребывал в растерянности. Он не понимал, чего добивается противник, теснивший его меньшую половину в неосвещенную часть коридора, где находился он сам. Казалось, что это ему только на руку. Как только он окажется достаточно близко от твари, человеку придет конец! Но именно это его и навораживало. Люди вовсе не глупы, а значит, они что-то задумали!

Что же, у него есть чем ответить.

Он оставил свою меньшую часть и обратился к третьему, которому еще предстояло стать таковым.

Девушки убежали вперед. Сердечки их трепетали от страха, но они не осмеливались ослушаться своего повелителя и вскоре скрылись, а потому не могли видеть, что происходило там, откуда они только что ушли.

Фабиан стоял на четвереньках, постепенно приходя в себя.

Он помнил все: и свой подъем, и бой, и внезапно навалившуюся усталость, и панический страх того, что в следующий миг будет убит, и пронзившую стрелой радость, когда тварь непонятно почему оставила его и бросилась на Конана, и сменившую радость жгучий стыд, — вновь Конан спас его! — и злость, пришедшую вслед за стыдом, шепнувшую на ухо, что

киммериец опять перешел ему дорогу.

Злость все росла в нем. Вернулась мысль о том, что им вдвоем не ужиться в этом мире, и решимость, мелькнувшая в его глазах, тут же уступила место страху. Страху за свою жизнь. Нет, он не собирается рисковать жизнью, не будучи уверенным в успехе. Он прикончит варвара, но действовать будет наверняка, а сейчас, когда он имел возможность посмотреть, как варвар расправляетя с его противником, ему вовсе не улыбалась мысль напасть на киммерийца, пусть даже сзади. И более всего Фабиана страшило то, что сестры непременно увидят происходящее, а этого допустить было никак нельзя.

Фабиан стиснул зубы и шумно выдохнул. Жажда убийства мгновенно пропала, оставив в душе отвратительный привкус предательства. Он снова стал прежним и обрадовался этому. Он не знал, что очередной раунд борьбы за его душу Незримый проиграл, но главное, чего он не знал — это того, что в следующем бою ему уже не выстоять.

Зато это знал Незримый.

Конан теснил тварь. Он мог попытаться стремительным броском покончить с ней, но не делал этого, понимая, что скорее всего дело закончится бегством противника и все придется начинать сначала, но уже в худших условиях. Необходимо довести бой до конца. Значит, нужно теснить тварь, не давая передышки, загнать в угол, где можно будет расправиться с ней, а делать это становилось все труднее. Конан видел для себя лишь один путь и теперь шел по нему, не щадя сил.

Шаг за шагом отвоевывая пространство, он загнал противника к лестнице и, предвидя, что тот постараится уйти на верхние этажи, усилил натиск, лишив его такой возможности.

Тварь шагнула назад, и нога ее опустилась на ступень, потом еще и еще... Тогда она бросилась вниз, но Конан, выхватив факел у Мелии, устремился следом.

Когда он ворвался в коридор, твари там не было. Ясно как день, что она спряталась в одной из боковых комнат и притаилась, готовая в любой момент напасть.

Конан вытер ладонью пот, струившийся по лицу, и осторожно пошел вперед, пробуя каждую дверь, но все они были заперты. Значит, тварь проскочила за стальную плиту, преграждавшую путь в дальнюю часть подвала, где находится тайник.

Услышав быстрые, легкие шаги за спиной, он отскочил к стене, чтобы не терять из виду оба входа, хотя и знал, что это девушки бегут к нему. Реакция варвара заставляла его действовать не думая, и это не раз уже спасало ему жизнь.

Мелия первой показалась в конце подвала, следом на ступенях лестницы мелькнули ножки Зиты.

— Следи за лестницей!

Почти одновременно Конан воткнул факел в держатель на стене, и меч с легким шипением скользнул в ножны. Обеими руками он схватился за скобу двери и, упервшись ногой в стену, потянул ее на себя. Уступая усилиям человека, дверь закрывалась неохотно — пружина потайной стены работала на растяжение. Мышцы Конана напряглись невообразимыми буграми, так что глаза девушек округлились от ужаса — такого им видеть еще не приходилось.

На миг им показалось, что это не человек, а монстр поднялся из подземных глубин, или кто-то из светлых богов спустился на землю. Казалось, еще немного и плоть не выдержит нечеловеческого напряжения, однако сталь поддалась быстрее. Дверной просвет становился все уже. Что-то мелькнуло вдали, видимо тварь, почувствовав, что вместо спасения попалась в ловушку, равносильную смерти, осознала ошибку и теперь стремилась исправить ее.

Конан почувствовал, что сил у него не хватает, и понял, что борется теперь не только с мощью, запасенной равнодушной сталью, но враг его присоединил свои усилия, и они — сталь и тварь — действуют теперь заодно.

Он устал, очень устал. Дверь, только что готовая захлопнуться, не желала этого делать, а он уже готов был упасть в изнеможении. Если он позволит одержать над собой верх, им конец! Он даже руки не сможет поднять, а Фабиан где-то наверху валяется как баба, пуская слюни! Эта мысль привела Конана в бешенство.

— Кр-р-ром! — прорычал он сквозь стиснутые зубы и удвоил усилия, хотя это уже казалось невозможным.

Легкий вздох невольно вырвался у Зиты, когда рубаха Конана лопнула на спине, не выдержав чудовищного напряжения. Дверной просвет вновь начал понемногу сокращаться, пока не послышался щелчок, возвестивший о том, что пружина взведена.

— Факел! Скорее! — Конан продолжал тянуть за скобу уже закрытой двери. Зита застыла в недоумении, но Мелия сообразила, что ему нужно, и быстро сунула в скобу рукоять массивного бронзового факела, так что дверь оказалась словно бы запертой на щеколду.

Когда Конан поднялся, руки его дрожали, в висках стучало, но он не мог позволить себе расслабиться даже теперь. Сперва нужно надежно заклинить дверь, и тогда время для отдыха будет, а он прекрасно помнил, что сделала тварь с мечом, вставленным так, как теперь торчал в дверной скобе факел.

Обломки его до сих пор валялись на полу. Правда, тогда пружина двери не была взведена, а сталь клинка оказалась хрупка и не выполнила своего назначения. Теперь такого произойти не должно.

Он вставил еще пару прогоревших факелов, забив их, словно гвозди — пусть-ка теперь, коли есть желание, попробует вырваться! — и устало оперся спиной о стену.

За стеной слышалась возня. Тварь скребла стену когтями, словно пытаясь проковырять в ней лаз, и злобно шипела от бессилия. Мелия подбежала к Конану и, с опаской косясь на дверь, из-за которой доносились вселяющие дрожь звуки, попыталась помочь ему подняться. Зита уже оказалась с другой стороны, но Конан решительно отверг их помощь — не в привычках его было опираться на хрупкие девичьи плечи.

— Где Фабиан?

Девушки переглянулись — они и думать забыли о своем втором спутнике.

— Вы что, забыли, о чем я говорил — ходить только по двое!

Он бросился наверх, но внезапно обернулся и улыбнулся им спокойно и уверенно, словно ничего не произошло.

— Идемте, у нас есть чем заняться!

Незримый был не на шутку встревожен — все пошло совсем не так, как ему хотелось. Начать с того, что не удалось овладеть третьим — слишком силен оказался его страх — и придется еще немного подождать, пока сестры — Злоба, Похоть и Ненависть — не пересилят своего брата, а для этого нужно время.

Хуже другое — пока он возился с будущим третьим, его вторая часть терпела поражение, и он был не в силах помочь — вмешиваться в ход такого боя, когда каждый удар мог оказаться решающим, было бы равносильно самоубийству. Он ждал передышки, и она наступила, но к тому времени было уже поздно что-либо менять, дверь оказалась почти закрытой. Дело оказалось гораздо хуже, чем он мог предположить. Его меньшую часть стремились замуровать в подвале, и Незримый чувствовал, что допускать этого нельзя.

Тварь бросилась вперед и навалилась на дверь с нечеловеческой силой. Ее когти впились в каменные плиты пола, кроша их, словно то была не гранитная твердь, а дешевая гипсовая подделка. На какое-то время ей удалось сдержать натиск человека, но потом сил не хватило, и дверь вновь начала закрываться, перекрывая путь к свободе.

В бессильной ярости монстр скреб когтями по камню, злобно шипя, потом затих,

прислушиваясь, как тяжелые удары сотрясают дверь. Ясно было — его заперли. Он замер, прислушиваясь.

— Где Фабиан? Вы что, забыли, о чем я говорил — ходить только по двое!

Как странно, что в этот момент он подумал о том же, но что-то заставило его насторожиться.

— Идемте, у нас есть чем заняться! Сейчас мы поймаем это дерьямовое облако, или пусть меня заботает Нергал!

Незримый взъярился, позабыв о всякой осторожности. И хотя сознавал, как опасно принимать решения в пылу эмоций, поспешил влить в меньшую половину части своей магии, рискуя сжечь ее раньше времени, — так велика была жажда мгновенной расплаты.

Конан шагнул к лестнице, когда на дверь обрушился первый удар. Стены содрогнулись от тяжкого потрясения. Пыль и мелкие камни падали откуда-то сверху.

— Он пытается вырваться, — прошептала Зита. Мелия молчала.

— Вижу.

Конан выхватил меч и развернулся лицом к противнику, но никого не было, и дверь оставалась на прежнем месте.

— Похоже, сил на этот раз не хватает.

— Не спеши, Конан. — Зита положила ему на плечо руку, которая заметно дрожала.

Словно следуя ее предупреждению, послышались отвратительные, скребущие звуки. Что-то осыпалось на пол у самой двери, а скрежет становился все громче и нестерпимей, словно огромная крыса выедала череп изнутри.

Рука Зиты дрожала все сильнее. Конан отстранил ее.

— Отойдите-ка подальше. Сдается мне — та драка не была последней.

Девушки замерли у нижней ступени и, обнявшись, с угасающей надеждой глядели на мощную фигуру варвара, который один только мог теперь защитить их, все меньше веря, что это ему по силам — он был всего лишь человеком, а то, что рвалось наружу, являлось порождением мрака и питано его злой силой.

Когда стена начала рушиться, осыпаясь каменной крошкой, а в образовавшемся отверстии показалась когтистая лапа и принялась рвать каменную плоть здания, исполненный ужаса крик Зиты заставил Конана вздрогнуть, но он не обернулся и потому не видел, как обмякло ее тело, как Мелия осторожно опустила ее на пол, достала из ножен меч и встала рядом с киммерийцем, готовая если не помочь ему, то, по крайней мере, умереть вместе с ним. Он слегка покосился на девушку, но ничего не сказал.

Отверстие увеличилось настолько, что тварь сочла дальнейшую работу ненужной и полезла вперед. Ей пришлось сложиться почти вдвое, чтобы протиснуться в дыру, но когда стала клинка свистнула в волосе от ее тела, она мгновенно отпрянула и принялась крошить стену, обеспечивая себе большую свободу действий. Чудовищные удары обрушивались один за другим, массивные каменные блоки начали расшатываться.

Онемевшей от ужаса Мелии начало казаться, что достаточно малейшего толчка, чтобы все здание рухнуло им на голову, но тут что-то мелькнуло перед ее лицом, и удары прекратились. Конан решительно бросился в пролом.

Сердце Мелии отчаянно колотилось, готовое в любой момент выскочить из груди, но она взяла факел и пошла вслед за Конаном, хоть и понимала, что помощи от нее немного. Она осторожно заглянула в проем и в первый момент почти ничего не смогла рассмотреть, лишь мятущиеся тени в густом облаке пыли, — но непрекращающийся звон стали говорил о том, что бой продолжается. Через мгновение, когда то ли пыль осела, то ли глаза девушки приспособились, она увидела фантастическую картину боя.

Теперь она ясно различала огромную фигуру Конана, державшего факел в левой руке. Пыль, заполнившая все пространство коридора, попадая в огонь, ярко вспыхивала мириадами разноцветных искр, придавая происходящему мрачному действу странный, призрачный, какой-то нереальный вид. Словно все виделось в дурном сне, созданном фантазией неумелого колдуна-недоучки, задумавшего окрасить трагедию в праздничные тона, тут же отказавшегося от своего намерения, решив создать взамен ощущение мрачной безысходности, да так и остановившегося на полпути.

Мелия вошла внутрь, и тут же вездесущая пыль, настолько мелкая, что больше походила на клубы дыма, забилась в рот и нос, заставив ее чихать и кашлять. Она прокляла все на свете, а себя в первую очередь, когда увидала, что Конан, обернувшись, пропустил удар твари, и алые капли, брызнувшие из раны, показались черными в заполнившей пространство густой пелене.

Тварь, окрыленная успехом, бросилась вперед, но напоровшись на ответный удар, отскочила, и бой продолжался в прежнем ключе: Конан защищался, готовя атаку, наносил удар и делал шаг вперед. Тварь была необыкновенно быстра, и удары киммерийца в основном не достигали цели, но он теснил противника, и хотя Мелия не понимала, чего он добивается, но сознавала, что какой-то план у него есть. Быть может, он хочет загнать противника в угол и там, лишив его подвижности, постараться прикончить?

Это казалось сомнительным. Тварь была необыкновенно быстра, но пока не понимала намерений человека. Однако, осознав их, наверняка сумеет вывернуться. Неужели киммериец не понимает этого? Неужели он всерьез надеется измотать противника, сохранив свежесть и подвижность в такой степени, чтобы получить реальное преимущество? В это было еще труднее поверить. Человек, даже такой, как Конан, был все-таки человеком, а тварь, напитанная мощью Незримого, сделалась почти непобедимой.

Мелия постепенно приближалась к сражающимся. Она закрыла лицо куском воздушной материи, оторванным от рукава, и теперь могла свободно дышать. Пыль, поднятая рушившимися камнями, понемногу оседала, и видно стало получше.

Тварь отступала шаг за шагом, и, оказавшись напротив комнаты, где когда-то — Мелии казалось, что с того момента прошло не менее сотни лет — ее создал Незримый, нырнула в дверной проем. Конан бросился следом. Девушка поспешила за ними, и вбежав в комнату, едва не налетела на спину киммерийца. Пыли здесь не было, и она увидела странную картину: Конан замер, держа факел в левой руке, меч в правой, а тварь, вцепившись стальными когтями в каменные плиты, словно то было мягкое дерево, висела вниз головой, злобно шипя на человека.

Увидев вошедшую девушку, она рванулась к ней. Мелия вскрикнула, но Конан взмахнул мечом, и алые брызги, сверкнув в свете факела, пали ей на платье. Девушка судорожно рванула вымазанный кровью рукав и бросила его на пол.

Только теперь она увидела многочисленные раны и на теле Конана. Были они неглубоки, но красноречиво говорили о том, как дорого обошелся киммерийцу этот еще не закончившийся бой.

Впрочем, сверху тоже капали редкие, густые капли. Бойцы остановились, словно в нерешительности. Тварь застыла на потолке, а Конан стоял на полу, пресекая малейшие попытки к бегству. Видимо, наступил момент, когда оба противника негласно решили передохнуть, а может быть, просто осмысливали создавшееся положение, не в состоянии решить, что делать дальше.

Мелия огляделась. Стены комнаты тонули во мраке. Света пары факелов явно не хватало, чтобы осветить все пространство. Конан поднял огонь выше, и тварь тут же отскочила и зашипела на него, оскалив редкие, но длинные и острые, словно клинки кинжалов, зубы.

Видимо, тварь сочла передышку достаточной. Она отскочила в темноту и тут же попыталась проскочить мимо Конана и девушки в открытую дверь, но киммериец не для того загнал ее сюда,

чтобы так просто выпустить, однако и достать тварь, вдруг продемонстрировавшую способность передвигаться по потолку так же свободно, как и по полу, он теперь не мог.

Все труднее удавалось ему пресекать ее попытки вырваться, и после того, как тварь внезапно бросилась на пол и тут же по стене попыталась проскочить мимо, Конан едва успел отпрыгнуть в сторону, заслонив собой девушку и перегородив выход. Он понял, что если ничего не придумает, не избежать бегства твари.

— Уходи!

Киммериец махнул рукой в сторону выхода и тут же отступил сам, в ярости пнув по дороге пару чучел, от его могучего пинка отлетевших к двери. Тварь нырнула в тень и затаилась, готовясь к новому прорыву, но Конан не стал ждать, что она еще придумает.

Мгновенно обернувшись и удостоверившись, что девушки нет в комнате, он схватил валявшуюся под ногами имитацию волка и, подпалив ее в огне, бросил в кучу таких же псевдозверей, в углу. Следующую набитую соломой шкуру, едва она занялась пламенем, он бросил в приоткрытый шкаф, слева от двери.

Всюду было сухое дерево, сухие травы, кости, высохшие животные, набитые опилками шкуры, и Мелия понять не успела, что он делает, как Конан выскочил в коридор и насторожился, готовый ко всему.

Словно ошпаренная, тварь выскочила следом и злобно зашипела, но явно опасалась нападать на человека. Мелия не могла отделаться от ощущения, что тварь смертельно напугана и в растерянности не знает, что делать дальше, хотя все так же опасна. «Как крыса, загнанная в угол, готова на все, что дает хоть какой-то шанс», — подумала она.

Теперь Мелия и вовсе не понимала, что задумал Конан. Ясно было, что он выкурил тварь из комнаты, потому что в стесненном пространстве коридора проще было воплотить в жизнь какой-то план, но понять его замысел пока не могла. Однако, когда киммериец погнал тварь в черную пасть коридора, пошла следом.

Конан тыкал в тварь факелом, имитировал атаку, нанося в оскаленную пасть удары мечом, и тварь отступала. Она совершила ошибку, когда, бросив оружие, взобралась на потолок в попытке вывернуться. Теперь она не могла драться, она могла только отступать, дергаясь из стороны в сторону. Конан то подрубал ей ногу, то наносил колющий удар в морду, а она не могла даже обороняться. Она могла лишь спасаться бегством, но бежать-то как раз было некуда, а Конан все шел вперед, продолжая теснить ее, загонять в тупик.

Стало светлее. Оглянувшись, Мелия увидела, что проем двери ярко освещен — пламя с ревом вырывалось наружу. Оно моментально выжгло всю паутину и пыль на пять локтей вокруг. Мелия испугалась, что они сами сгорят вместе с тварью, но тут же сообразила, что гореть в коридоре нечему, а значит, со временем огонь утихнет сам собой.

Через пару шагов Мелия увидела отблески пламени на дальней стене и поняла, что развязка приближается. Стена имела непривычный вид огромной, непонятно зачем сооруженной ступени. Левая половина ее выдавалась внутрь коридора на добрых пять локтей. Когда они продвинулись еще на несколько шагов, она увидела, что выступающий кусок открывает проход в потайную комнату, о существовании которой Мелия до сих пор не имела ни малейшего представления. Так вот где киммериец раздобыл талисман!

Зато Конан прекрасно знал о ее существовании. Она поняла это по тому, что он удвоил усилия, и как ни изворачивалась тварь, ей пришлось скользнуть внутрь.

— Рычаг! Толкни рычаг!

Из-за широкой спины варвара Мелия не могла увидеть что она должна сделать, но тварь, видимо, лучше ее поняла, что означают слова Конана, и с отчаянием обреченности бросилась на киммерийца. Конан с трудом сдерживал ее попытки, а Мелия, словно оцепенев, наблюдала за

ними, не в силах пошевелиться.

— Рычаг! Мелия! — прорычал Конан.

Когтистая лапа твари полоснула человека по плечу, оставив глубокие шрамы, тут же обильно обагрившиеся кровью, и это вывело Мелию из оцепенения. Проклиная все на свете, она бросилась вперед, и ей уже неважно было, что она должна сделать. Достаточно было и того, что Конан — ее Конан — истекал кровью по ее вине, потому что она не сделала того, что он ей приказал!

Ее гибкое тело мягко скользнуло под руку киммерийца, наносявшую удар, и, завидев в углублении стены стальной стержень, о котором, видимо, говорил Конан, она с разбегу всем телом навалилась на него.

Что-то глухо щелкнуло под ногами, и массивная каменная ступень медленно и бесшумно заскользила вперед, неумолимо сужая остававшийся еще проход. Еще немного, и он уменьшился настолько, что через него нельзя будет проскользнуть, и тварь понимала это не хуже людей! Она рванулась наружу, но клинок Конана отбросил ее назад.

Щель сужалась. Через нее уже невозможно было вырваться, но тварь продолжала биться внутри, непонятно на что надеясь. Неожиданно она высунула когтистую лапу и попыталась схватить Мелию, и это ей почти удалось. Пронзительно закричав, девушка отскочила в сторону. Тварь повторила попытку, но с тем же результатом. В следующий миг лапа дернулась назад, но было уже поздно — кисть оказалась намертво зажатой между двумя неумолимо сближающимися каменными глыбами.

Неописуемый, невыразимый словами визг ударили Мелию по ушам, заставив поморщиться даже привычного ко всему варвара. Кровь брызнула и потекла по каменным плитам, мгновенно впитываясь в пыль на полу. Когтистая кисть упала на пол. Плита продолжала двигаться, пока не перекрыла полностью просвет. Задавленный камнем визг становился все глуше, пока шум пламени за спиной не перекрыл вопли, доносившиеся из-за стены.

Мелия все еще учащенно дышала, но теперь уже с облегчением.

— Хвала Митре! Я думала, это никогда не кончится!

Она обессиленно упала Конану на грудь. Он обнял ее, гладя ее волосы, наслаждаясь ощущением покоя, казавшегося просто нереальным после недавнего кошмара.

Внезапно Мелия завизжала не своим голосом, и Конан, подхватив ее за талию, мгновенно отпрыгнул назад.

— Рука! Рука! Она хочет напасть на нас!

Она указала на пол и разразилась истерическим смехом. Конан опустил взгляд и увидел, как, быстро-быстро перебирая пальцами, похожая на огромное, неуклюжее насекомое, оставляя за собой быстро скудеющую кровавую дорожку, к ним бежит оторванная кисть твари.

— Дерьмо Нергала! — процедил сквозь зубы Конан, насаживая кисть на кончик клинка. Тут же из-за стены до несся скрежещущий визг. Кисть сучила пальцами, пытаясь сняться со своего настesta, и стальные когти с отвратительным скрипом скребли о сталь клинка.

Почувствовав дурноту, Мелия прислонилась к стене, а Конан шагнул к двери, в проеме которой уже затихало пламя и, остановившись у входа, воткнул меч в горящую стенку шкафа. Острые когти отчаянно заскребли по горящему дереву. На пол посыпалась искры. Через несколько мгновений чудовищная кисть занялась пламенем, вспыхнула и, неожиданно быстро прогорев, рассыпалась пеплом.

Глава девятая

Тишина казалась нереальной. Даже огонь утратил воинственность: пламя перестало гудеть, лишь изредка потрескивая, и если не открывать глаз, можно было представить это не звуком утихающего пожара, а мирным огнем разожженного камина, себя — сидящей в уютной комнате, за столом, накрытым на двоих. Свечи дают света не больше, чем нужно, чтобы видеть лицо любимого, сидящего напротив. И тогда можно вообразить, как он встает, обходит стол, склоняется над ней, а она поднимает лицо, открывает глаза, чтобы встретить его взгляд...

Киммериец рывком освободил меч и, не глядя, одним отработанным движением бросил его в ножны за спиной. Мелия все еще стояла, прислонившись спиной к стене, не в силах отогнать от себя пережитый кошмар. Он шагнул в коридор и ласково погладил девушку по щеке. — Идти можешь?

Услышав голос Конана, почувствовав ласковое прикосновение его сильной руки, она открыла глаза, и видение рассыпалось прахом, столкнувшись с мрачной реальностью подземелья. Свет свечей обернулся неверным огнем догорающих факелов, а камин разросся до размеров огромной комнаты, скрывающей за своими стенами пламя умирающего пожара.

Лишь он остался тем же — любимым и желанным. Мелия с трудом поборола желание броситься ему на шею, прижаться к могучей груди, покрыть лицо поцелуями, а вместо этого лишь кивнула и вновь закрыла глаза, чтобы по блеску глаз он не догадался ни о чем.

— Надо посмотреть, как там Зита.

Он удовлетворенно кивнул и пошел к выходу.

Мелия провожала его мощную, покрытую пылью и кровью фигуру взглядом, в котором застыли восторг и восхищение, и удивление и... любовь, которую она так и не решилась высказать. Для нее он стал почти богом. Непобедимым, сказочным героем, в присутствии которого она, привыкшая повелевать и принимать восторженное поклонение мужчин, робела как девчонка, впервые вышедшая в свет, но ничего не могла с этим поделать.

Когда киммериец скрылся в проломе, она вздохнула, оторвалась от стены и пошла следом.

Конан склонился над Зитой, и Мелия с досадой подумала, что совершенно забыла о сестре, лишившейся чувств, да так и пролежавшей все это время без памяти у входа в подвал. Сколько же времени прошло с тех пор, как они спустились сюда? Ей казалось, что этот бой длился вечно, но, судя по тому, что Зита до сих пор не пришла в себя, все произошло очень быстро.

«И где-то там, наверху, остался Фабиан! — вдруг подумала она. — Что, если Незримый сумеет добраться до него, пока они здесь? Тогда все придется начинать сначала!»

Она встревоженно посмотрела на Конана, и он понял ее без слов. Протянув руку очнувшейся Зите, он легко поднял ее.

— Идем. Нельзя отдать ему Фабиана.

Зита сразу пришла в себя, ей даже не пришлось объяснять что к чему. Она помнила, что Фабиан остался наверху, и понимала, что будет означать для них потеря еще одного человека, если до него доберется Незримый. Все трое бросились наверх и, едва очутились в зале, увидели Фабиана.

— Мы покончили с этой тварью! — Мелия радостно подбежала к нему, но он поспешил отстрился от девушки, словно она чем-то смертельно напугала его, и лицо сильно го мужчины исказила гримаса боли. Левой рукой он зажимал рану на груди, видимо полученную в поединке. Улыбка постепенно сползла с лица девушки, уступив место растерянному выражению. Она видела, что у Фабиана произошел очередной надлом, но еще не верила в это, надеясь, что, быть

может, все еще обойдется.

— Что с тобой?

Зита не на шутку встревожилась. Фабиан, который начал бочком пробираться мимо Мелии, вдруг повернулся и увидел Конана с Зитой, и лицо его неожиданно сделалось злым.

— Вы предали меня! Бросили одного!

— Фабиан! — Зита шагнула к нему, но он отстраняюще протянул руку.

— Нет! Будьте вы прокляты!

Неожиданно он побежал. Конан бросился следом, но почти сразу вернулся, вовремя вспомнив, что, пытаясь догнать этого обезумевшего недотепу, рискует потерять девушек.

— По-моему, ваш друг спятил. Он бросился наверх, словно сам Незримый гнался за ним по пятам, но если он останется там, ничего страшного не случится. Признаюсь, мне уже надоело слушать его нытье.

— Ты думаешь, Незримый добрался до него? — Зита обеспокоенно посмотрела на Конана.

— Я думаю, он спятил от страха! — Киммериец брезгливо скривился.

— Бедный Фабиан! Какая беда! — Зита сокрушенно по качала головой.

Конан пожал плечами.

— Меня беспокоит другое: как бы он не начал со страху метаться по дому да не угодил в лапы Незримому, вот тогда действительно будет беда!

— Что же делать, Конан? — Мелия тронула его за руку, и второй раз за вечер Конан почувствовал вдруг странное умиротворение и вновь поклялся себе, что сделает все, что бы эта девочка осталась жива, и тут же поймал себя на том, что желание его вовсе не бескорыстно... «Впрочем, — остановил он себя, — сперва нам нужно выбраться отсюда. Позже можно будет помечтать и об остальном! Но жизнь, однако, вовсе не плохая штука! И чтобы лишний раз убедиться в этом, стоит постараться!»

— Для начала нужно немного передохнуть и побеспокоиться о том, чтобы это дерьямовое облако не удрало от нас. Вы пока отдохните, а я позабочусь о нашем приятеле. Когда вернусь, скажу вам, что делать дальше. Да, чуть не забыл — если появится Фабиан, постарайтесь задержать его.

Он шел по коридору, слушая, как Мелия рассказывает сестре, что произошло внизу. Он подивился тому, что, хотя прошел уже приличное расстояние, все равно прекрасно слышал, о чем разговаривали девушки, и довольно хмыкнул, когда узнал, какой он, оказывается, великий и могучий воин.

Занятый этими мыслями, он не заметил, как подошел к повороту, у которого были укреплены факелы, и опомнился, лишь ощущив ледяные пальцы, мгновенно впившиеся в мозг, и услышав приказ:

— Стой и смотри на меня! Еще чего не хватало!

Превозмогая быстро нарастающее сопротивление, он опустил глаза и тотчас почувствовал, как ослабла хватка и затих голос, звучавший в сознании. Волна разочарования прокатилась, но это было чужое разочарование.

Конан усмехнулся и, сменив факелы, пошел назад. Нужно сменить вторую пару факелов с другой стороны, а потом они придумают, что делать с Незримым. Впрочем, для Конана в этом не было проблемы.

Одним махом Фабиан взлетел на третий этаж и теперь мчался по коридору, залитому лунным серебром. После освещенных лишь мрачным светом факелов коридоров первого этажа вид звездного неба показался ему ослепительным. Невольно он остановился, хотя в голове продолжали кружиться хороводом все те же злые мысли.

«Предатели! Бросили меня, раненного, на растерзание твари! Предатели!»

Он никак не мог вырваться из их плена. Мысли ходили по кругу, не оставляя в покое ни на минуту. Побелевшими пальцами он вцепился в подоконник и стоял, глядя на звездное небо, пока злость его не сменилась страхом.

Как легко проклятая тварь справилась с ним! С ним лучшим фехтовальщиком Шадизара! Он так гордился своим искусством, а оказалось, что Эмерик, который никогда и меча-то в руках не держал, способен одержать над ним верх! Вот у кого нужно было брать уроки!

Ему сделалось смешно. Он представил себе, как Эмерик, сурово уставившись единственным глазом на непонятливого новобранца, объясняет ему тонкости защиты в той или иной позиции!

Не в силах остановиться, он смеялся все громче и громче, пока пришедшая в голову простая мысль не заставила сердце сжаться от страха: только что он запросто мог умереть! Расстаться с жизнью!

Истерический смех прервался на всхлипе. Он остановился, тупо глядя в окно, и долго стоял так, без мыслей и без движения, пока не осознал того, что видит уже давно: деревья и кусты, цветы и аккуратно посыпанные песком дорожки.

Ничего особенного, но там, за окном живут люди...

И вдруг ему страстно захотелось жить! Просто жить! И не надо ни Зиты, ни Мелии! Пусть варвар забирает обеих! А он хочет просто жить! Выбраться отсюда и больше ничего!

Он схватил с высокой мраморной подставки массивную серебряную вазу и принялся осторожно бить по стеклу. Осколки сыпались на ковер, рама, не выдержав многочисленных яростных ударов, разлетелась в щепы. Он бросил вазу и начал протискиваться в окно. Впечатление было таким, словно он бился о каменную стену, но он не сдавался. Ему казалось, что еще немного, и он окажется снаружи! Не может быть такого, чтобы он не сумел выбраться в окно, не закрытое ни рамой, ни ставнем, ни решеткой — ничем! Лишь когда плечо его превратилось в сплошной синяк, он беспомощно опустился на пол и устало оперся на стену.

Плечи его дрогнули... раз, другой... Потом чаще, еще чаще, пока, наконец, молодой, сильный мужчина не зашелся в беззвучном неудержимом плаче, который не в силах был сдержать.

— Это очень опасно, Конан.

— Жизнь, вообще, опасная штука, — философски заметил киммериец.

— Сестра права, — поддержала Мелию Зита, — ты про сто не представляешь себе, что нам предстоит. Нужно действовать очень быстро, и все должно получиться с первого раза.

— Значит, нам нельзя допускать ошибок. — Конан спокойно пожал могучими плечами и поморщился от боли, но тут же с удовольствием вспомнил ловкие пальчики Мелии, ее нежные прикосновения, когда она, содрогаясь от одного вида ран у него на груди, старалась обработать их, не при чинив воину боли.

— Не только мы должны будем действовать быстро и без ошибок, — не унималась Зита, — но и Незримый дол жен будет действовать именно так, как нужно нам, иначе ничего не получится.

— А куда он денется? — усмехнулся Конан. — Сквозь стены ему не пробраться, вдоль них он сможет пройти лишь там, где нет огня — так что бежать ему будет просто некуда, а дальше все будет зависеть только от тебя. — Он испытующе посмотрел на девушку. — Не передумала?

Она ничего не ответила, лишь отрицательно мотнула головой, и Конан понял, что она боится. Боится настолько, что даже говорить не может, и винить ее в этом нельзя, ведь, в отличие от Фабиана, она не воин и даже не мужчина. Она всего лишь молоденькая, сильно напуганная девушка, которой, к тому же, предстоит опасное дело.

Смертельно опасное дело.

Он присел перед ней на корточки, тронул щеку девушки ладонью, и она прильнула к нему,

обхватив его сильную Руку своими маленькими ручками, и Конан почувствовал, как они дрожат. Он поймал ее взгляд, полный вполне понятного страха и... решимости сделать все, как он сказал.

— Успокойся, детка, я буду рядом. Все будет хорошо.

Обычное напутствие перед опасным делом, которое неизвестно чем кончится, потому что враг опасен и запросто может вырваться — это Конан тоже понимал и знал, что понимает это и Зита. И понимал он еще одну важную вещь: вся их надежда сейчас на быстроту и неожиданность, но и в этом случае все построено на «если»... Точнее — на двух «если».

Задуманное им должно получиться, если Незримый не выработал еще собственного плана действий и если он не поймет, что придумали они. Это второе если было определяющим. Их план должен стать понятен не раньше, чем бегство окажется невозможным. Иначе — все пропало. В лучшем случае, у них будет немного времени, чтобы попытаться придумать что-то еще, но это будет уже очень и очень непросто. Средства людей в борьбе с демоном были весьма ограничены.

— Хорошо, — сказал он вслух, — тогда начнем немедленно.

— Подожди, Конан, — взмолилась Мелия, — нужно хотя бы немного отдохнуть и прийти в себя!

Киммериец с жалостью посмотрел на нее и отрицательно покачал головой.

— Вот этого как раз делать нельзя. Незримому тоже нужно прийти в себя и осмотреться, и когда он поймет, что пора идти на прорыв, поймать его заново будет гораздо труднее, чем в первый раз.

Сказав это, Конан поднялся.

— Ждите меня здесь.

Силуэт его быстро пропал в сгустившейся за спиной тьме. Не зажигая факела, он ушел, ориентируясь в темноте не хуже, чем на свету.

Сестры смотрели вслед варвару, пока была видна его мощная фигура, но и потом долго не могли оторвать взгляда от чернеющего проема коридора. Для обеих это была страшная ночь, самая ужасная ночь в жизни. Ночь, в которой ожили, материализовавшись наяву,очные кошмары, когда нечто черное и ужасное, чему нет названия, растет, наваливается, окружает со всех сторон, а ты бежишь, но не можешь убежать. Ноги путаются, воздуха не хватает и в какой-то момент понимаешь, что это конец, что дальше — смерть и... просыпаешься. И испытываешь ни с чем не сравнимое облегчение, когда понимаешь, что то был лишь сон!

Как хотелось бы проснуться сейчас, встать, раздвинуть тяжелые душные шторы, впустить в комнату ослепительный солнечный свет! Но нет...

Мелия открыла глаза и с тоской посмотрела на мрачные стены, выложенные из почерневшего за прошедшие века, закопченного, во многих местах поросшего мхом серо-черного гранита, освещенного лишь жалким и неверным светом единственного догорающего факела. Даже этот свет приходится экономить, ведь до утра еще далеко, а запас факелов у них ограничен.

Она вновь закрыла глаза — так легче было убедить себя, что все хорошо, а если и не хорошо, то, по крайней мере, еще может быть хорошо — и задумалась.

Конечно, Конан прав, и медлить нельзя. Как он сказал? Что бы ты ни делала — делай это быстро! Откуда в этом человеке столько силы?! Вот Фабиан — ни ростом и ни статью не уступает киммерийцу, но на что он оказался годен, когда дошло до дела!

Она была убеждена, что все их надежды на спасение теперь связаны только с киммерийцем. Вовсе не с сестрой, которая была колдуныей и, казалось бы, могла побороться с силами мрака, вызванными пусть и без ее ведома, но ее колдовством!

Нет! Она надеялась на воина, который был всего лишь простым человеком! Впрочем,

человеком ли? Разве может простой человек на равных бороться с порождениями Зла? конечно, нет! Но если он и был человеком, то не иначе, как боги покровительствовали ему!

Сама не осознавая того, Мелия уже преклонялась перед Конаном. При мыслях о нем ее охватывало благоговение, сравнимое лишь с тем давним, полузабытым ощущением, когда она, маленькая девочка, впервые переступила порог храма...

Она думала и думала, и мысли ее теперь касались лишь киммерийца, но даже тени ревности она не испытывала — не до того было сейчас. Она просто мечтала о нем, нимало не заботясь о том, сбудутся ли мечты, или ей так и суждено умереть лишь грезя о несбыточном...

Конан вернулся так же внезапно, как ушел. Про себя Мелия удивилась, что в полной тишине пустого дома не услышала его шагов, хотя он был могуч, а значит, тяжел и явно торопился, но, заслышав его голос, тут же открыла глаза и увидела, что Зита так же напряженно, как и она, смотрит на киммерийца, а в глазах ее застыло то же выражение надежды и обожания, и закусила губу.

— Идемте, — отрывисто бросил Конан.

Он был спокоен и деловит и Зита мгновенно почувствовала, как уходит страх и возрождается уверенность, что все будет хорошо. На этот раз он зажег еще один факел, оставшиеся сгреб в охапку и пошел впереди, освещая им дорогу и на ходу давая последние наставления.

— Идем все вместе, чтобы он раньше времени не понял, что у нас на уме.

Они отчаянно кивали, давая знать, что поняли его как надо, что он может не беспокоиться, но Конан даже не обернулся, чтобы удостовериться в этом — с него достаточно было и того, что он сказал, как действовать, а уж их дело выполнять приказ. Впрочем, в тот момент они способны были только подчиняться, хотя и не осознавали этого.

Дальнейшее воспринималось Мелией как во сне. Она помнила лишь одно — она должна быть рядом, что бы ни случилось. Быть может, он прикажет ей схватить Незримого голыми руками? Тогда она должна будет сделать это и умереть. Но это будет потом, а сейчас она должна быть рядом, и она бежала следом, ни о чем не думая.

Мелия не помнила, в какой момент появилось ощущение, что она плывет, а может быть, стоит на месте, а стены, колыхаясь в неверном свете факелов, сами наплываю, исчезая за спиной. Она позабыла, куда они бегут и зачем, пока не оказалась у входа в их комнату, где они — недавно, а может быть века назад — вели беспечные беседы. С кем?

Она попыталась припомнить и вдруг увидела, как столб пламени взметнулся перед лицом, едва не опалив ее, и Конан пропал. Она испуганно заозиралась — как же она одна? — и увидела что он уже бежит обратно. Зачем? Какая разница — она должна быть рядом! И она побежала, не понимая, куда бежит и зачем, зная лишь, что должна видеть перед собой его!

Мелия бежала, и стены начали странно наклоняться при каждом шаге, а пол вдруг вставал на дыбы, и она с ужасом думала, что смертельно устала и не сможет бежать в гору, и тогда все вдруг волшебно переворачивалось, и она уже боялась не удержаться и кувырком полететь вниз. Мир кружился, перед глазами поплыли радужные круги, когда Конан вдруг остановился и она с размаху налетела на него.

— Ты готова?

Он лишь мельком взглянул на Зиту, которая судорожно закивала, нервно облизывая пересохшие губы, совершенно не обращая внимания на Мелию, вцепившуюся в него сзади.

— Иди за мной и, что бы ни случилось, не смотри вперед.

— А ты, Конан?! — выкрикнула Мелия, но он предпочел не отвечать.

Они медленно пошли вперед — Конан и две дрожащие от страха девушки, намертво вцепившиеся в него. Факелы, укрепленные в стенах, остались позади. Впереди была тьма и

Незримый, укрывшийся в ней. Два изгиба и три прямых отрезка, один из которых они уже наполовину прошли.

Все напряженней Конан всматривался в темноту перед собой, стараясь разглядеть во тьме незримое облако мрака, когда почувствовал легкое касание и тут же опустил глаза. Слишком хорошо он знал, что это такое и что последует дальше, если не отвести взгляда. Правая рука сама собой размахнулась и метнула факел. Конан посмотрел вперед и успел заметить метнувшуюся за угол тень.

Неужели демон так и не понял, что задумали люди? От ответа на этот вопрос зависело слишком многое. Впрочем, скоро все станет ясно. Он снял с пояса еще один факел и зажег его — не было времени поднимать брошенный, к тому же — чем больше огня, тем лучше, и хотя факелов осталось не так уж много, сейчас не время экономить.

Они быстро добрались до поворота, и в пяти десятках локтей впереди Конан заметил отблески далекого пламени. Теперь он ясно видел пятно тьмы, мечущееся впереди.

Наступал решающий момент.

Конан насилию освободился от вцепившихся в него девушек и пошел вперед. Тут он увидел, что удача улыбнулась ему — в стенах были укреплены свежие факелы, и он шел, зажигая их. Постепенно киммериец приближался к последнему повороту. Он шел все медленнее и когда до цели оставалось с десяток локтей, Незримый вынырнул и попытался прорваться, но Конан ткнул факелом едва ли не в середину облака, и оно отпрянуло, тут же дернулось в другом направлении, нырнуло вниз и попыталось протиснуться, стелясь над самым полом, но Конан был готов и к этому. Казалось, он готов ко всему, а реакция варвара позволяла ему не только точно уловить момент броска, но и вовремя пресечь его.

Конан не понял, почему Незримый не пытался больше воздействовать на него. Быть может, убедившись в безрезультатности прежних попыток, он понимал и тщетность будущих и сейчас хотел лишь одного — прорваться мимо человека. Прорваться, чтобы спрятаться, и уже тогда подумать о достойном отпоре.

Киммериец потерял счет времени и потому не мог сказать, сколько продолжалась эта дикая погоня, когда Незримый внезапно замер в самом дальнем от Конана углу у потолка, и киммериец остановился, чтобы перевести дыхание, — как вдруг до него дошло, что означает эта «передышка».

— Не смотрите на него!

Его рев сотряс стены. Он не мог обернуться, чтобы проверить свою догадку, но знал, что опоздал, и сделал единственное, что мог сделать в своем положении — метнул в Незримого факел. Он угодил прямо в середину облака и тут же почувствовал болезненный удар в голову, который мгновенно ослаб, когда он инстинктивно коснулся рукой талисмана за поясом.

Тяжелый гобелен мгновенно занялся огнем, и черная тень метнулась за угол. Совершенно не заботясь о последствиях, Конан поджег и второй гобелен, рядом с собой, и побежал назад.

Он тряхнул Зиту и заглянул ей в глаза. Сейчас было не до церемоний и от того, насколько она способна действовать, зависело все. Она посмотрела на него отсутствующим взглядом, но постепенно в глазах появилось осмысленное выражение.

Губы девушки задрожали, и Конан ударил ее по щеке, моля Крома, чтобы она не лишилась чувств. Зита часто заморгала, испуганно глядя на него. Он обнял ее, прижал к себе, и она уже готова была простить ему сотню таких оплеух, но Конан тут же оторвал ее от себя и, легонько встряхнув, внимательно посмотрел в глаза.

— Ты помнишь, что должна делать?

Она часто закивала и посмотрела на сестру.

— Оставь ее здесь. Она нам не нужна. Пусть приходит в себя. Жди.

Он говорил отрывочно, постоянно оглядываясь, словно ожидал в любой момент увидеть рядом ненавистное облако, и сразу бросился вперед.

Время словно ускорило бег. Мир кружился, как в калейдоскопе, и он с удивлением увидел, что устроенный им маленький пожар не только не потух, но продолжает разгораться, и это было ему на руку.

Он свернулся за последний поворот, готовый к новой схватке, но не обнаружил никого. Коридор был пуст, здесь негде было спрятаться.

Конан бросился вперед. Единственным местом, где Незримый мог укрыться, была их комната и, подбежав к ней, он, полуобернувшись, увидел, что девушки рядом нет.

— Зита! — взревел он.

Девушка выскочила из-за стены и бросилась к нему, следом бежала Мелия — она никак не желала оставаться одна. Яростно сверкнув глазами, Конан коротко ткнул пальцем в пол рядом с собой, показывая, где ей надлежит быть, и тут же перестав обращать на них внимание, осторожно шагнул в комнату.

Его нога еще не опустилась за порог, как внутренний голос завопил, предостерегая об опасности.

Что-то обрушилось сверху, но варвар оказался быстрее — он выскочил, успев при этом поджечь тяжелые, свисавшие до пола бархатные портьеры, и, не обращая внимания на огонь, вновь ступил внутрь.

Комната была большой, он это помнил. Дальняя стена терялась в полумраке, но Конан ясно видел затаившуюся в самом темном углу черную тень. Она казалась жалкой и беспомощной, но он хорошо знал, сколь обманчиво это впечатление.

Стороннему наблюдателю киммериец мог показаться безумцем, решившим покончить с собой. Он стоял, спокойно поджигая мебель, нимало не заботясь о том, что и сам может сгореть в пламени разожженного им пожара.

— Зита! — позвал он, когда огонь начал разгораться, но еще не поглотил дверной проем.

Ему не нужно было оборачиваться, чтобы почувствовать, что она рядом.

— Иди, Конан.

Он не заставил себя уговаривать. Все что мог он сделал, дальнейшее зависело только от нее. Пламя занималось все сильнее, но он не собирался ждать, когда станет слишком поздно думать об уходе. Он уже собрался выскочить в коридор, когда увидел Мелию, стоявшую тут же.

Кром!

Похоже, девчонка лишилась ума от страха.

Колдуны подняла руки и начала что-то говорить, но Конан слушать не стал. Медлить дальше было нельзя. Он подхватил Мелию и выпрыгнул в дверь, оставив Зиту наедине с Незримым, сожалея лишь о том, что ничем не в силах ей помочь. Он прислонил девушку к стене, встряхнул раз, другой, заглянул в глаза — очнись! — но все было без толку.

Конан оставил ее и остановился напротив двери. Зите пора выходить — почему она медлит? Неужели время может тянуться так медленно? Он прислушался. Девушка торжественно произнесла последние слова заклинания. Сейчас она повернется и выпрыгнет, еще есть время! Почему она медлит?!

Конан не знал, о чем думает сейчас Незримый. Он, рассуждая, поставил себя на место демона. Как раз сейчас стремительно уходит остаток времени, отпущенного на то, чтобы попытаться вырваться. Похоже, Незримый до сих пор не понял, что задумали люди, считая, что его пытаются просто сжечь. Иначе он неизбежно попытался бы прорваться сквозь губительное пламя. Зита уже произнесла ключевую фразу, а он ничего не предпринимает, — но и девушка стоит, словно решила остаться, пожертвовать собой ради них!

Конан тупо смотрел, как медленно, но верно покрывалась паутиной стена, заплелася проем. Его не покидало ощущение, что он упустил что-то важное. Он посмотрел на девушку, застывшую с простертymi вперед и вверх руками, и внезапно до него дошло.

Молнией пронзила до боли простая мысль! Как он мог так просчитаться! Незримый овладел волей девушки, сейчас он овладеет ее сознанием и снимет заклятье, а что будет дальше, нетрудно себе представить!

— Зита!

Не обращая внимания на боль, Конан в отчаянии прорвался сквозь густеющую сеть и пламя пожара и, схватив лишенное воли, одеревеневшее тело девушки, вырвался.

Он чувствовал себя так, словно только что проломился сквозь каменную стену, объяющую огнем. Он ощущал себя старой развалиной, но главное было не в этом — он был жив и Зита была рядом!

Она мгновенно очнулась и упала ему на грудь. Ее бил жестокий озноб. Как только она поняла, чего ей только что удалось избежать, ее тело против воли начало содрогаться в неудержимых рыданиях.

Мелия уже пришла в себя и теперь смотрела на сестру. Радость, сострадание и невольная ревность смешались в ее взгляде!

Конан тяжело прислонился к стене и закрыл глаза, чувствуя себя счастливейшим из смертных, но никто из троих не видел Фабиана, выглядывавшего из-за угла, ненавидящим взглядом следившего за киммерийцем — опять проклятый варвар оказался сообразительней, быстрее и решительней его! Нет! Пока тот жив, ему не будет покоя!

Фабиан со всей очевидностью понял, что вдвоем им тесно в этом мире.

Паутина неудержимо уплотнялась, пока кокон не набрал силу и несокрушимость, способную удержать Незримого.

Глава десятая

Незримый остался один. Пламя пожара не желало угомониться. Вырвавшись на волю, оно, с необузданностью демона, выискивало себе жертвы, пожирая все, что могло гореть, но с самим Незримым, находившимся тут же, поделать ничего не могло. Жар не в силах был причинить ему вреда. По правде сказать, он не боялся даже света, хотя и терял ориентацию. На свету ему приходилось действовать вслепую или бездействовать вовсе.

В первый момент он испытал приступ бешенства, не сравнимого ни с чем: цепочка невероятных случайностей упорно не желала прерываться. Если так пойдет и дальше, дело может кончиться развоплощением! Некоторое время он не в силах был даже думать, но когда эта способность вернулась к нему, принял шаг за шагом уничтожать злость, возвращать себе способность здраво мыслить, понимая, что чем слабее становится, тем осмотрительнее должен вести себя, а злость, как известно, не содействует осторожности.

Это были не пустые слова. Сила его уменьшилась уже настолько, что сам он не способен выбраться из ловушки, подстроенной людьми — жалкими двуногими, которых он До сих пор и в расчет-то всерьез не принимал! Они точно Рассчитали момент для удара, а может быть, просто угадали по его действиям, что силы демона на исходе. Так или иначе, но без помощи извне ему отсюда не выбраться.

Значит, надо использовать все, что осталось снаружи и способно оказать ему эту помощь.
И он потянулся к своей меньшей половине...

Конан расслабленно полулежал в кресле.

Теперь, когда круглая комната была занята Незримым, люди обосновались в зале, где когда-то Мелия впервые увидела его. Девушки постарались создать здесь некое подобие уюта — какое-то время киммериец был ни на что не годен — и теперь Зита склонилась над ним, настойчиво требуя у него ответа на простой, казалось бы, вопрос:

— Как ты чувствуешь себя, Конан?

Теперь, когда все страшное, по крайней мере на время, осталось позади, девушки пришли в себя и, понимая, что он сделал для них, хлопотали над огромным и могучим, но беспомощным сейчас варваром, промывая и перевязывая его раны, позабыв обо всем на свете: и о бившемся в приступе безумной злобы Незримом, угодившем в придуманную Конаном ловушку, и о твари, загнанной им же в тайник и надежно запертой в нем, и о Фабиане, по собственной воле бросившем их и бродившем теперь где-то в темноте пустого дома.

Они забыли обо всем на свете, а потому так и не увидели мрачной фигуры, притаившейся в тени.

— Ненавижу! — злобно прошептал Фабиан и беззвучно скрылся в темноте.

И никто из троих — ни Конан, которому сейчас было не до того, ни девушки, заботливо пытавшиеся привести его в чувство — так и не увидел тени, тихо поднявшейся по лестнице и скрывшейся во тьме погруженного в ночь дома.

Заботливые вопросы Зиты назойливыми мухами бились в уши Конана, не давая ни минуты покоя.

«Далось же ей самочувствие... Кром! Когда же она угомонится!» — думал он и когда наконец понял, что никогда, веки его с трудом разжались, будто склеенные, и это невинное движение тотчас же отозвалось в затылке пронзительно острой болью. Он разжал пересохшие губы и прошептал:

— Хуже некуда...

Услышав это, Зита упала ему на грудь и разрыдалась.

— Да что же ты плачешь, глупая. Он ведь жив, и мы живы. Подумай лучше, чем можно помочь ему, ведь ты же колдунья!

Зита вдруг засуетилась, словно теперь лишь вспомнила, что и от нее зависит многое, что ей по силам такое, чего не может даже Конан!

Незримый потянулся к своей меньшей половине.

Тварь была зажата между непреодолимым заклятьем пентаграммы и камнем стены. Она была почти раздавлена и потеряла много крови, но все еще жива. Незримый перелил в ее ослабевшую плоть новую порцию своей силы, и та ощутила, как тело наливается прежней мощью.

Правая кисть сжалась, кроша древний гранит, раз за разом небольшими порциями выедая каверны в, казалось бы, несокрушимой, каменной тверди, и Незримый пожалел на миг, что пожертвовал второй кистью, поддавшись мимолетному порыву, в попытке нанести урон кому-нибудь из людей.

В результате он лишь бессмысленно растратил силы. Однако не в его правилах было подолгу сожалеть о случившемся — что сделано, то сделано.

Каверна становилась все больше. Вскоре его меньшая половина сможет двигаться, и тогда дело пойдет быстрее — кинжалы когтей на ногах выглядели гораздо внушительнее. Нет — рано, рано они успокоились!

Что с ним делала Зита, Конан не знал. Памятая о своем предыдущем опыте, он не пытался открыть глаза, просто наслаждаясь уходящей болью, словно неведомым лакомством. Что ни говори, а во всем есть своя положительная Сторона. После того как боль словно клещами нещадно вцепилась в него, ломая избитое тело, и каждая клеточка тела молила о пощаде, секундной передышке, было ни с чем не сравнимым наслаждением чувствовать, как боль отпускает, исчезает.

Медленно и неохотно освобождает от себя его плоть, словно и не было ее, а тело становится здоровым и сильным — таким, как прежде.

— Ну как?

Конан осторожно открыл глаза, увидел сияющее счастьем лицо Зиты, а чуть сбоку Мелии и сжал чудовищный кулак, подняв его в приветствии гладиаторов.

Мелия рассмеялась, весело и беззаботно.

— Даже не верится, что все уже позади.

Зита улыбнулась ей, но, как ни странно, слова сестры настроили ее на серьезный лад.

— Все намного серьезней, чем ты думаешь, сестрица. Жрецам придется поломать головы над тем, как обуздать Незримого. Конечно, он сильно ослаб, и сил у него уже не прибавится, и все же — это непросто. Впрочем, для нас-то все действительно кончилось.

Теперь, почувствовав себя лучше, Конан задал, наконец, вопрос, который мучил его всю ночь.

— А кто он такой — этот Незримый? — Но, к его разочарованию, Зита лишь пожала плечами.

— А все-таки? — не унимался киммериец. Девушка задумалась.

— Не знаю. В моей книге он так и зовется — Незримый. Известно, что убивает он, чтобы жить, а живет, чтобы убивать. Известно, что он силен. Он может подчинить человека своей воле и управлять им, словно куклой. Может поселиться в его душу и постепенно овладеть ею. Может просто исторгнуть ее и поселиться внутри телесной оболочки.

Он много чего может, но делает это так, для развлечения, и столько было от него неприятностей, что обрекли его на вечное заточение, а вот развоплотить не смогли.

— Ну что ж, будем надеяться, что это удастся сейчас. Некоторое время они молчали.

— И что же мы будем делать теперь?

— Проведем остаток ночи здесь и отправимся по до мам.

— Почему не прямо сейчас?

— Неужели мы наскучили тебе, Конан? — Зита всплеснула руками и томно посмотрела на киммерийца, который досадливо крякнул, но ничего не ответил. Чего-чего, а уж такого вопроса от этой постоянно краснеющей девочки он никак не ожидал!

— Расскажи нам, чем ты занимаешься? — Мелия пришла ему на помощь, и это показалось киммерийцу не менее нелепым. В его понимании все должно было происходить наоборот. И все-таки он обрадовался этому вопросу, позволявшему сменить тему.

Правда, и отвечать на вопрос старшей сестры ему не очень-то хотелось, поэтому он предпочел ограничиться тем, что они уже и так знали.

— Я пришел сюда за камнем. — Он похлопал себя рукой по поясу, за которым был спрятан мешочек с талисманом.

— Так ты вор? — В голосе Мелии Конан не услышал ни презрения, ни разочарования.

Правда, и теплоты в нем тоже не было, но что можно ждать от девушки, которая встречается в своем доме с человеком, пришедшим обокрасть ее? Пусть даже и спасшим при этом ей жизнь?

Однако впервые за годы, прожитые в Шадизаре, он обнаружил, что ему неприятно слышать это слово — вор — по отношению к нему самому, и, неожиданно для себя, он сказал:

— Теперь уже нет.

Мелия удивленно посмотрела на него, и Конан пояснил:

— Я пришел в Шадизар мальчишкой именно затем, чтобы обучиться воровскому ремеслу. Теперь оно мне наскучило.

Девушка понимающе кивнула, но все-таки спросила:

— Но зачем это тебе было нужно?

Конан пожал плечами — что за странный вопрос, ведь ответ очевиден.

— Ни один человек не может прожить без пищи, одежды и кровя, а значит, должен чем-то зарабатывать на жизнь.

— Но разве мало дел, позволяющих прожить честным трудом? — возразила Зита.

— Честным?! Кром! Что же ты понимаешь под честным трудом?

На этот раз настал черед девушки удивляться.

— Да ведь ясно и так! Труд — это... — Она задумалась, ища подходящее определение, и Мелия договорила за нее:

— Это то, во что ты вкладываешь свое умение, свое время, получая взамен деньги с человека, на которого трудишься.

Киммериец иронично хмыкнул.

— Но ведь именно этим я и занимался! Незаметно про браться в дом, полный стражи, отыскать тайник, суметь отпереть хитрый замок, взять то, что нужно, и так же не заметно, как пробрался внутрь, покинуть дом — это большое искусство! И заказчик высоко ценит его, платя немалые деньги!

Мелия досадливо закусила губу. Как-то все нелепо получалось, и при этом именно так, как она сказала — умение, труд и время, за которые кто-то платит деньги! Но ведь все не так! Все поставлено с ног на голову! Только как показать это?

— Но ведь я не о том говорю! Это оплачивается, да, но приносит вред тому, у кого укради!

— Тут ничего поделать нельзя, — спокойно возразил варвар, — так уж устроен мир — если где-то чего-то становится больше, то неизбежно где-то того же самого становится меньше! Это как деньги, которые платит мне мой заказчик. Они переходят из его кошеля в мой карман, и

ничего тут не изменить!

— Хорошо, — Зита вмешалась в разговор, — оставим это. Поговорим о другом — к примеру, ремесленник? Ведь он никому не приносит вреда! Почему ты не захотел заняться чем-то в этом роде?

— Кром! — Конан всхлипнул. — Корпеть от зари дотемна чтобы какой-нибудь жирный боров, купив сшитые тобой сапоги, выудил из мешка с золотом монетку, долго думал, вертя ее в руках — где бы разменять этот золотой, чтобы бросить тебе жалкий медяк?! Да лучше я срежу У него с пояса весь мешок! Так будет проще и быстрее!

— Но ведь это нехорошо! — воскликнула Мелия, сама понимая, что звучат ее слова глупо и наивно, и ожидая, что сейчас киммериец опять взорвется, но, к удивлению ее, он успокоился.

— Для кого нехорошо? — Конан с ухмылкой посмотрел на девушку, и та невольно смутилась, не ожидая такого вопроса.

— Ну-у... — она помялась, подыскивая подходящий ответ, и Зита, в свою очередь, пришла ей на помощь:

— Для того толстяка, у которого ты отобрал кошелек!

Она победоносно посмотрела на Конана, и обе сестры принялись ждать, что он скажет, но «противнику» их, в отличие от них самих, не нужно было ничего придумывать.

— Но если бы я не сделал этого, плохо было бы мне: за день работы я получил бы медяк, на который смог купить краюху хлеба да кружку перекисшего вина!

— Но это был бы честно заработанный медяк!

— А-а-а! — воскликнул варвар, — Так вот что важно для тебя!

— Конечно! — Мелия гордо посмотрела на него.

— Скажи, — спросил тогда варвар, — а тот толстяк свой кошелек с золотом как заработал?

— Ну... — Мелия смутилась под насмешливым взглядом киммерийца и посмотрела на сестру, вновь прося поддержки, а Конан продолжал:

— Бьюсь об заклад — он в жизни ничего полезного не сделал. Лишь пил да жрал в три глотки!

— Конечно, пользы от него никакой, — поразмыслив, не хотя согласилась Мелия, — но он тратит свои деньги, он их не украл.

— И где же он их взял? — усмехнулся киммериец.

— Они ему достались по наследству, от отца.

— Ну а отец?

— От своего отца...

— И дальше так же?

— Ну конечно! — обрадовалась Мелия, и Зита, довольная за сестру, кивнула. Что ни говори, а она нашла пре красный выход из затруднения.

— Ха-ха-ха! — Конан раскатисто расхохотался. — А ты не пробовала проследить любой из родов шадизарской знати?

— Но зачем это мне? — удивилась девушка, не понимая, куда он клонит.

— Да для того, моя красавица, — назидательно изрек не желающий сдаваться варвар, — чтобы узнать, что где-нибудь в десятом, двадцатом — неважно, в конце концов, каком — колене один из славных предков ходил в военный поход, из которого вернулся неожиданно богатым.

— Но в этом нет ничего зазорного! — возбужденно воскликнула Зита. — Военная добыча всегда считалась почетным трофеем!

— Ага, — Конан нахмурился, изображая раздумье, — я понял свою ошибку.

— Ну, вот видишь! — облегченно вздохнула Мелия. — Мы рады, что смогли помочь тебе понять это.

— Да, я понял, в чем ошибался, — повторил Конан, — мне нужно было прирезать толстяка, и все получилось бы честь по чести — золото стало бы моим военным трофеем.

Некоторое время Конан ждал, что они ответят, но сестры молчали. Им никогда даже в голову не приходило посмотреть на окружающий их мир под таким углом.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что и мы с сестрой.. — но Конан не дал ей договорить, подняв руки примирительным жестом.

— Кром! Да нет же! Я о другом. Когда-то один из предков толстяка отправил на Серые Равнинны множество невинных людей и, забрав их имущество, разбогател. Он передал деньги по наследству, и в итоге они пришли к нашему толстяку. Я просто хочу спросить тебя: почему теперь я должен заботиться о нем, а не о себе?

— Да потому, что есть закон!

— Ха! А кто его придумал и зачем? Такие же, как он, чтобы закон защитил их самих и их деньги?

Зита в отчаянии замотала головой. Она совсем запуталась и не знала, что сказать, но согласиться не могла и не хотела.

— И все же я считаю, что ты не прав. Война есть война. Это не нами придумано. Она велась где-то далеко, и законов Заморы никто из наших предков не нарушил.

— Я понимаю тебя. — Конан кивнул и серьезно добавил: — Скажу больше: я согласен с тобой, и сам живу именно по твоим правилам. Я киммериец и объявил войну Заморе. Поэтому все, что попадает здесь ко мне — мои военные трофеи!

Он серьезно смотрел то на одну, то на другую из сестер, но в глубине его синих глаз Мелия видела сверкавшие озорством льдинки смеха. Она нахмурилась, но не выдержала и рассмеялась.

— А ты умен, варвар!

Конан рассмеялся следом, а за ними и Зита. Возникшее было напряжение спало, но молодая колдунья посерезнела первой.

— Быть может, на сей раз ты отступишь от правил и отдашь мне талисман? Я возмешу тебе убытки!

Она лукаво улыбнулась ему.

— Что ж, — Конан изобразил на лице глубокую работу мысли, — об этом стоит подумать.

Глухой удар оборвал их разговор, не дав ответить — киммериец вскочил как ошпаренный, настороженно прислушиваясь, стараясь понять, откуда мог прийти звук, в руке его неведомым образом очутился меч. Следующий Удар заставил Зиту вздрогнуть, и ей показалось, что Конан рванулся вперед еще до того, как он прозвучал. Они бросились следом, помня его слова о том, что должны находиться все вместе. Третий удар застал их на бегу, потом все смолкло.

Нечего и говорить, что Конан убежал далеко вперед, и когда они догнали его, молча рассматривал меч, по самую рукоять загнанный в дверь комнаты, где сидел Незримый. Киммериец хмуро посмотрел на побежавших девушек.

— Рано мы успокоились.

— Но зачем он это сделал?

— Как раз это понятно — чтобы освободить Незримого.

— Но зачем это Фабиану?

— Фабиану? — Конан мрачно усмехнулся, и девушки почувствовали, как холодок позабытого страха коснулся их изнутри, — Ваш приятель, быть может, и спятил, но не на столько — это была тварь.

— Ты уверен? — Мелия настороженно посмотрела на Конана. Тот пожал плечами.

— Я видел ее.

— Значит, все начинается сначала... — прошептала девушка.

— Ну нет, — возразил Конан, — этот ублюдок надоел мне смертельно, и больше я с ним возиться не намерен. На этот раз я убью его!

— Что же ты не убил его раньше?

— Не мог, — спокойно ответил он.

— А теперь можешь? — иронично спросила Мелия. Хоть она и знала, на что он способен, но ее не покидало чувство, что сейчас он немного бравирует.

— Теперь могу.

Киммериец был холоден как лед, сверкнувший в его глазах. Он развернулся и, ничего не говоря, пошел назад, а им ничего не оставалось, как вновь бежать следом, потому что только так они и могли поспеть за его энергичным шагом.

— Ты все еще чувствуешь обоих? — спросил он не оборачиваясь, ничуть не сомневаясь, что Зита находится рядом.

Она торопливо кивнула, совершенно позабыв, что раз Конан не видит ее, то и не знает, что она ответила, а когда сообразила это, то удивилась, что он так и не переспросил ее словно все-таки видел кивок.

Она не успела подумать о том, как такое возможно, когда услышала новый вопрос:

— Незримый сможет выбраться?

— Нет. — Она покачала головой. — Не думаю.

— Так нет или не думаю? — Тут он впервые счел нужным удостоить ее взглядом.

— Думаю, не сможет, — торопливо выпалила она.

Конан сдавленно рыкнул в ответ, и девушка поспешила поправить себя:

— Нет, Конан, нет. Если меч останется в двери, то нет.

— А если его вынуть?

— Если его вынуть, то не знаю.

— Понятно. Что ж — это уже лучше.

Внезапно Зита остановилась и схватила варвара за рукав. Он замер на полу шаге, словно только и ждал этого, и вопросительно посмотрел на девушку.

— Он там, — она едва шевельнула губами и Конан скорее угадал ее ответ, чем услышал шепот.

— Как думаешь — он видит в темноте? — точно так же, одними губами беззвучно прошептал Конан.

Зита отрицательно покачала головой, и он тут же сорвал со стены кусок плотного гобелена и быстро замотал факел, затоптав огонь. Стены погрузились в темноту, но они видели впереди, в зале, где только что мирно болтали, свет, и теперь знали, что именно там поджидала их тварь, наверняка где-то затаившись, чтобы, выбрав момент, напасть, застав их врасплох.

В слабых отблесках далекого света можно было различить лишь силуэты людей, и Мелия увидела, как Конан подошел к стене, потом услышала два негромких сухих щелчка и увидела, как он потянулся за собой Зиту, а ей махнул рукой, жестом показывая, что она должна идти следом.

Перед последним поворотом они остановились, и Мелия Увидела, как Конан наклонился к сестре и что-то прошептал ей на ухо. Та кивнула и, отойдя к противоположной стене, медленно пошла вперед. Они с Конаном двигались следом.

С каждым пройденным шагом становилось светлее. В обеих руках киммерийца она увидела по заряженному арбалету и поняла, что щелкало в темноте.

На полпути Мелия невольно остановилась, глядя на сестру и Конана — через каждый шаг Зита показывала, где тварь, он кивал и неслышно ступал следом. По ее знакам Мелия поняла, что тварь находится в нише, или небольшой комнате, у нее за спиной, и подумала, что им повезло: конечно, в погруженной в полутьму комнате легко спрятаться, но, с другой стороны,

убежище превратится в великолепную ловушку, как только они обнаружат тварь.

Видимо, Конан думал так же, потому что он улыбнулся девушке, жестом приказав ей замереть, а сам осторожно двинулся вперед, изготовив арбалет к стрельбе. Второй он нацелил в пол, лишь чуть приподняв, чтобы удобней было в любой момент повторить выстрел, если первый окажется неудачным.

Внезапно Зита насторожилась и подняла руку, привлекая внимание Конана.

Он мгновенно насторожился, вопросительно глядя на девушку. Она пальцами показала, что тварь решила сменить место — похоже, ей пришла в голову та же мысль, что и людям. Даже без знаков Зиты они слышали, как скребут ее когти то по деревянным панелям, то по мрамору стены.

Наконец все успокоилось, и Зита показала, что тварь засела почти над головой Конана, а вернее, над самым выходом, в пяти локтях от которого он стоял. Теперь любой, кто рискнет войти в зал, неизбежно попадет к ней в лапы — монстру достаточно будет разжать когти, чтобы оказаться на спине жертвы.

Мелия беспомощно посмотрела на Конана — что же теперь делать? — но варвар лишь усмехнулся, и она невольно подумала: «Кажется, его вообще ничто не способно смутить!»

Он положил на пол один из арбалетов, причем так аккуратно, что она не услышала ни малейшего звука, затем легко поднял одну из восковых статуй — гордость коллекции! — и вышвырнул ее в зал, тут же подхватив с пола оружие.

Того, что произошло следом, похоже, не ожидал даже Конан: раздался сухой щелчок, и манекен прошил арбалетный болт.

— Стой! — закричала Мелия, но Конан уже бросился вперед.

Однако еще раньше тварь поняла, что обнаружена, и бросилась наутек, но успела сделать лишь пару шагов, когда раздался второй щелчок, и она закрутилась на месте, пронзительно вереща, и Мелия увидела, как Конан вскидывает второй арбалет.

— В голову целься! — услышала она крик Зиты, и почти одновременно с глухим ударом арбалетного болта в тело твари ответ Конана: — Ты думаешь — это его остановит?

Болт прошил навылет уродливый костистый череп монстра. Охватив голову руками, он неистово катался по полу, и Зита зажала уши, чтобы не слышать его воплей.

Конан выхватил меч и бросился вперед, но мгновением раньше тварь вскочила и заковыляла в темноту. Конан бросился следом, лишь на миг обернувшись, чтобы показать им, что они не должны отставать.

Мелию тошнило, и голова разболелась, но она побежала следом — за все богатства мира она не согласилась бы остаться здесь одна. Она бежала и гадала, когда же, наконец, все это кончится, да и кончится ли вообще? Может, всем им суждено остаться бездыханными трупами в этом проклятом Сетом доме? Конан-то, конечно, уцелеет, но вот остальные...

Она очнулась, когда ткнулась ему в спину, и увидела огромное кровавое пятно на полу. Глаза ее расширились от Ужаса — она и представить себе не могла, что из живого существа может выплыть столько крови!

— Стойте!

Конан жестом остановил их, и Мелия увидела, что Зита выглядит, пожалуй, не лучше, чем она.

— Теперь он никуда не денется, а чем больше крови потеряет, тем проще будет нам.

Он перезарядил арбалеты. Один дал Зите, другой взял сам.

— Как из него стрелять?

Она неумело вертела в руках тяжелое оружие, весьма смутно представляя, что с ним делать.

— Тебе не надо из него стрелять — еще убьешь кого-нибудь! Ты должна лишь, когда

понадобится, не мешкая отдать его мне.

Они вооружились факелами и пошли вперед.

— Он внизу, — неожиданно сказала Зита.

— Знаю, — отозвался Конан, — где крысе прятаться, как не в подвале?

Они пошли вперед. Первым шел Конан, за ним обе девушки. Мелия посмотрела на пол и подумала, что и без колдовства Зиты и нюха Конана они без проблем отыскали бы тварь. Четкие кровавые следы ясно указывали путь.

Мелия присмотрелась. Следы не были человеческими, и она тут же поймала себя на мысли, что продолжает, как и Фабиан, отождествлять тварь с Эмериком, и ее передернуло от омерзения.

Следы были четырехпальми, похожими на птичьи, но огромных размеров, и она с содроганием вспомнила о когтях-кинжалах, распоровших грудь Конану, а ведь то были руки...

Впрочем, не такие уж они и большие. Она приставила ногу — кровавый след был в длину точь-в-точь таким же. Видно, верно говорят, что у страха глаза велики!

Они уже подошли к лестнице, ведущей в подвал, когда Мелия насторожилась — что-то ей не нравилось все это время, но только сейчас мелькнула в голове догадка, которая, правда, тоже ничего не объясняла.

— Конан! — Киммериец резко обернулся. — Посмотри! Следы становятся меньше.

Он посмотрел себе под ноги, посветил факелом. — А ведь и верно. Что бы это могло значить? — Он вопросительно посмотрел на Зиту.

— Кровь вышла из нее, — девушка в раздумье покачала головой, — но я не знаю, как она может теперь выглядеть.

— Неважно, — сам ответил на свой вопрос Конан, — сейчас все выяснится. Но ты молодец, — он улыбнулся Мелии, — если тварь действительно уменьшилась в размерах, ей проще спрятаться, и мы рисковали пропустить ее.

Они пошли дальше, но Мелия не могла оторвать взгляда от стремительно уменьшавшихся следов. Казалось, Зита была права, и тварь действительно теряла размеры вместе с вытекающей из ее тела кровью, которой было залито все вокруг. И все-таки это было уже слишком — не из одной же крови она состояла!

Но тут Мелия заметила, что и сами следы начали меняться. Мало того, что они становились все меньше и меньше, но сперва пропали отпечатки чудовищных когтей, потом, словно пальцы твари отпадали один за другим, отпечаток четырехпалой лапы сменился отпечатком маленького копытца. Одновременно с этим пропала кровь, до сих пор щедро отмечавшая путь. Последняя ее капля осталась на нижней ступени лестницы.

— Где она, Зита? — спросил Конан не оборачиваясь.

— Там, где родилась! — Она кивнула на обгоревший дверной проем.

Конан осторожно вошел внутрь. Тварь сидела у дальней стены и смотрела на них ненавидящим взглядом. Похоже, она ожидала прихода людей и понимала, что смерть идет за ними следом.

Жалкий уродец выглядел злой пародией на монстра, которого они знали. Ростом в локоть, он походил на себя прежнего не больше, чем мумия напоминает живого человека, и сейчас, сделавшись ростом с крупную крысу, стоящую на задних лапах, в нем появилось еще больше крысиного, чем прежде, и от впечатления этого не могли избавить ни крокодилья шкура, ни копытца.

Увидев Зиту, тварь дернулась навстречу, но Конан, не целясь, выстрелил, и тварь заверещала, ухватившись за стрелу, пришибившую ее к стене. Не говоря ни слова, Конан выхватил меч и, проткнув тварь, отшвырнул ее в камин, в объятия жадного пламени.

Тварь заверещала и засучила лапами, точно так же, как и ранее сожженная кисть, и, ярко

вспыхнув, рассыпалась прахом.

— Надеюсь, больше превращений не будет? — Киммериец вопросительно посмотрел на Зиту, и та лихорадочно закивала, не в силах вымолвить ни слова.

Глава одиннадцатая

Пожар в комнате давно стих. Все, что могло гореть, сгорело, покрыв потолок и стены толстым слоем жирной копоти. Остатки мебели валялись на полу грудами тлеющих углей, исходивших удушливым сизым дымом. Впрочем, это было неважно.

Незримый не боялся огня, как такового, и дым ему, лишенному тела, был не страшен, но свет ослеплял, как любую ночную тварь, лишал способности ориентироваться, и это раздражало. Но теперь огонь угас, и демон успокоился, получив, наконец, возможность спокойно обдумать создавшееся положение, а было оно безрадостным — этого нельзя было не признать.

Шквал событий, случившихся с ним с начала ночи, напоминал морское плавание в разгар шторма. Его, словно углое суденышко, то вздымало на гребень волны, позволяя испытать бурю восторга, то низвергало в пучину ужаса, грозя в любой момент пустить на дно. Однако штурм стихал. Волны становились ниже, а спуски более пологими, но это не приносило радости — мачты были сломаны, а корпус нахлебался воды и грозил в любой момент затонуть!

Он попал в нелепое положение, когда события стремительно развивались самым непредсказуемым образом, а он Даже не знал правил, по которым играют люди, и в результате все его ответные шаги заканчивались неудачей. Он слабел все больше, после каждого проигранного этапа терял силы, почерпнуть которые было неоткуда.

Из мощного демона, с которым вынуждены были считаться сами небожители, он превратился в жалкую тень! С ним остались все его способности, но сил проявить их недоставало. И это сознание собственной немощи было невыносимо!

Лишь одна мысль владела Незримым сейчас — бежать! Но для этого нужно выбраться из кокона, в который упрытали его люди. Оставаться здесь нельзя. Скоро они сами придут, чтобы освободить его, но этот миг свободы останется всего лишь мигом — его вновь заточат в темницу, из которой волею случая удалось бежать.

Самому ему не выбраться — это он понимал, и потому без раздумий отдал часть сил меньшей своей половине и ослаб еще больше. Похоже, злой рок удостоил его своим вниманием! С момента освобождения он стремительно терял силы. Сперва их отбирали у него не спрашивая, потом он начал отдавать их добровольно, всякий раз попадая во все худшее положение.

И все-таки на этот раз он потратил силы не зря — полдела сделано, осталось только воссоздать вторую половину, и он выберется отсюда. Для этого у него есть всего один шанс, но он его не упустит. Плохо другое — едва он вырвется из плена, проклятая колдуны узнает об этом, и за ним вновь начнут охотиться, а этого нельзя допустить, а значит, он должен спрятаться, и для этого у него будет тоже всего один шанс. Иначе он погиб безвозвратно.

Фабиан стоял у окна и тупо смотрел на поляну, залитую лунным светом, не сознавая, что видит пред собой. Кулаки его были разбиты в кровь, — он так и не смог прорваться наружу — но он не чувствовал боли. Когда стало совершенно очевидно, что выхода из проклятого дома нет, он вдруг потерял интерес ко всему. Ему стало все равно, что с ним произойдет дальше. Он стоял, смотрел в окно и не думал ни о чем. Голова была пуста, словно выеденный червем орех. Он даже не знал, давно ли стоит здесь. Он стал подобен растению, без мыслей, без желаний идущему по жизни от рождения к смерти.

Внезапно он вздрогнул — последний осколок стекла, неизвестно как до сих пор державшийся в раме упал, жалобно звякнув. Быть может, Митра нарочно оставил его до времени на месте, чтобы звуком падения привести в себя глупца, лишившегося ума со страха? Дать ему еще один шанс доказать, что он все-таки не растение и разум дан ему не только для того, чтобы

бояться и ненавидеть, но и любить тоже?

Он медленно опустил глаза на груду осколков и щепок под ногами, и на этот раз во взгляде его промелькнул отблеск мысли.

Что он делает здесь?

Где остальные и что с ними?

Где Мелия? Зита? Конан?

Имена людей с которыми он недавно был вместе, всплывали в мозгу сами собой, и каждое заставляло его вздрагивать, но уже не возбуждали ни похоти, ни злости — Митра пробудил его разум вовсе не для того, чтобы он тут же лишился его вновь. Податель жизни внушал ему нормальные человеческие мысли: что с друзьями, где они и почему он один?

Почему он один?

Он повернулся и пошел вниз. Не задумываясь над тем, где искать их, он шел, все ускоряя шаг, пока наконец не побежал. Куда? Ясное дело — он знал, где искать их.

— Вот теперь действительно можно отдохнуть. — Конан отер пот со лба и устало улыбнулся, но, к его сожалению, Зита лишь покачала головой.

— Нет. Нужно найти Фабиана. Я боюсь, как бы с ним чего не случилось.

По правде сказать, Конан и думать забыл об их спящем от страха приятеле, но спорить не стал — это и в самом Деле было сейчас важнее отдыха. Правда, теперь, когда они покончили с тварью, а Незримый был надежно заперт в коконе, он не видел причин для беспокойства. На его взгляд, этот здоровый, сильный мужчина должен был сам побороть свой страх и вернуться к нему, но раз надо, значит, надо.

— Хорошо, обойдем этажи. Думаю, это не займет слишком много времени.

Они начали с подвала, но все незапертыем комнаты оказались пусты. Здесь все оставалось по-прежнему. Пол в коридоре устипал слой золы, при каждом шаге хрустевшей под ногами. Комната, где была создана Незримым и погибла от руки Конана тварь, производила зловещее впечатление.

Пол ее был завален горами прогоревших диковин, когда-то представлявших немалую ценность, а теперь обратившихся грудой никому ненужного праха, и видно было, что никого не было здесь, кроме твари и Конана — лишь их следы отпечатались на покрытом золой полу. Дальняя стена коридора оказалась развороченной вырвавшейся тварью, но никаких следов человека им отыскать не удалось.

Выйдя из подземелья, Зита повернулась к Конану.

— Я думаю, мы вполне можем разделиться — так у нас уйдет гораздо меньше времени. Конан недовольно поморщился.

— Мне не хотелось бы оставлять вас одних.

Зита заразительно рассмеялась, настолько нелепыми показались ей опасения киммерийца, но он стоял на своем.

— Ваш приятель спятил. Не забывайте об этом.

— Брось, Конан! — Мелия, как и сестра, улыбаясь смотрела на него, явно не разделяя его опасений. — Спятил Фабиан или нет, но для нас с сестрой он не опасен.

Конан серьезно посмотрел на нее.

— Ты уверена?

— Абсолютно. — Она убежденно кивнула. — Он веселый циник и похотливый жеребец, тряпка, как теперь выясни лось, но не убийца.

«И не вор», — чуть не вырвалось у нее, но она вовремя прикусила язык, так что даже сестра ни о чем не догадалась.

— Вам лучше знать, — Конан пожал плечами, не намереваясь дальше спорить, но

показывая, что не согласен с ними и действовать будет так, как посчитает нужным, — он ваш приятель, не мой. А потому я ему не доверяю и пойду с вами.

— Ну же, Конан, — Зита обворожительно улыбнулась ему, — расслабься — все уже позади!

Варвар сжал зубы. Кром! Похоже, эта сопливая девчонка успокаивает его! Его! Конана! Он с трудом сдержался.

— Все будет позади, когда мы выйдем отсюда, а Незримый будет там, — он ткнул пальцем в пол, — где ему и полагается быть!

— Ты, конечно, прав, мой повелитель! — Она склонилась перед Конаном в полушутливом поклоне. — И мы будем осторожны, как никогда! Верно, Мелия?

— Ну конечно! — Она обняла сестру и лукаво подмигнула молодому варвару, и у того дыхание застряло в горле.

Кром! Они что — издеваются?! Да пусть идут, куда хотят, иначе он за себя не ручается!

— Мы будем осторожны, повелитель! — На этот раз обе склонились перед ним.

— Хорошо. Я пойду по первому этажу, — выдавил он из себя, — хочу проверить — все ли в порядке.

Он развернулся и быстро пошел прочь, слыша позади их смех и ругаясь про себя последними словами.

Кром! Ну почему ты так устроил?! Руки ловки, а ноги быстры, тело налито силой, а голова не обделена умом! Словом, все есть, что отличает человека от осла, но стоит лишь увидеть смазливое лицо и хорошенкую фигурку — и где он, ум, и к чему приложить силу?

У киммерийца никогда не было сложностей с женщинами, но здесь случай был особый: сестры не были потаскунками из таверны, дарившими любовь за деньги. Поначалу они показались ему недосягаемыми и неприступными, точно богини. Затем они оказались рядом и дали понять варвару, что дистанция не столь велика, и он позволил себе почувствовать нечто большее, чем просто интерес к красивой женщине.

Потом и вовсе все оказалось забыто, и они стали «своими парнями», ни на что, правда, не годными, но преданными, ми, готовыми сделать все, что в их силах, чтобы помочь одолеть общего врага. И вот теперь, когда он свыкся с этой мыслью, ему недвусмысленно напомнили о том, что ничто не забыто!

Конан в ярости тряхнул черной косматой шевелюрой и напомнил себе, что ночь не кончилась и они еще не выбрались наружу, а стало быть, не время расслабляться. Нужно вымести из головы весь этот мусор и заняться делом!

Девушки осторожно поднялись по обвившимся винтом вокруг толстой каменной колонны ступеням до второго этажа. Зита остановилась и посмотрела на сестру.

— Я поднимусь выше — мне отчего-то кажется, что он там.

— Хорошо, милая. — Мелия ласково улыбнулась ей. — Обойдешь все и спускайся — я буду ждать тебя в зале.

— Ты не подождешь меня здесь?

— Нет. Я думаю, что ты вернешься раньше — мне от чего-то кажется, что он здесь.

Обе рассмеялись, и каждая пошла своим путем: Зита по ступеням, ведущим наверх, а Мелия прямо по коридору.

Она быстро и тихо скользила вперед по отшлифованным плитам пола, временами прислушиваясь, но тишина стояла мертвая — ничто не указывало на присутствие человека. Не торопясь, иногда останавливаясь у одного из окон, чтобы полюбоваться на залитый лунным серебром парк, она сделала круг и на лестнице вновь прислушалась, но и здесь было тихо. «Наверняка Зита уже успела вернуться, да и что делать Фабиану в пустых коридорах. Наверняка он давно освободился от своего страха и спустился, чтобы самому найти нас», — подумала она и

беззаботно побежала вниз.

А Зита в это время стояла у разбитого окна, а расколотая пополам массивная каменная ваза валялась в груде осколков на полу. «Какая силища!» — невольно подумала девушка, но непонятно было, чем она восхищена: мощью человека, оказавшегося способным нанести такой удар, или силой своего колдовства, оказавшегося способным противостоять удару.

Никогда она не думала, что Фабиан столь силен. Но мысль эта лишь мимолетно коснулась ее. Она пошла дальше, пока, почти в противоположной стороне дома, не наткнулась на следы еще одной попытки. Здесь действовали серебряной вазой и били, пока оконная рама не оказалась измочаленной в щепы. Подоконник оказался измазанным кровью — видимо, в ход пошли и кулаки.

Увидев второе окно, Зита сразу поняла, что в первый раз это Конан, а не Фабиан пытался выбраться наружу — один мощный удар, и результат ясен. Зато здесь — явно дело рук Фабиана. Похоже, он довел себя до изнеможения... «Как муха, — вдруг подумала Зита, — видит цветок за окном и бьется в стекло, надеясь, что следующая попытка непременно окажется удачной».

Она прошла чуть дальше и остановилась у следующего, неповрежденного, окна, глядя на парк, раскинувшийся внизу, и мысли ее вдруг оказались далеко-далеко от этого места, и была она не одна...

Словно громом пораженный, Фабиан остановился у входа. Дверной проем был заткан магической паутиной, а это могло означать лишь одно — Незримый все еще на воле и охотится за людьми, которые спрятались от демона в единственно подходящем для этого месте — там, где Зита могла пустить в ход свое колдовство.

«Значит, они закрылись внутри и забыли о нем! — Эта мысль словно громом поразила Фабиана. — Они как всегда забыли о нем! Сперва бросили раненого в зале, а когда ему чудом удалось спастись, даже не попытались найти его, а затаились, бросив его на съедение демону!»

Некоторое время он стоял, не в силах поверить в случившееся. Быть может, они искали его, но не нашли? Ну конечно! Они искали его, но звать боялись, опасаясь привлечь Незримого. Он просто разминулся с ними в огромном доме!

Сейчас он постучит, и они впустят его!

Он поднял руки и в неверном свете догорающих факелов увидел на ладонях кровь Эмерика. Фабиан мгновенно вспомнил все. Он убил своего приятеля вот этими руками! Его кровь так и осталась на нем, и эти трое знали обо всем! Они просто отомстили ему, оставив на поживу демону!

Фабиан не знал, откуда взялась эта мысль. Он и думать забыл о Митре, вернувшем ему способность мыслить, равно как и о всех прежних своих благородных побуждениях. Он вновь думал лишь о себе и том, как бы ему спастись.

Меч! Меч! Тебе нужен меч!

Мысль, пришедшая извне, встряхнула его, заставив лихорадочно заозираться в поисках оружия. Конечно, ему необходим добрый клинок — единственное, с чем он умеет как следует обращаться! Как знать, что ждет его впереди? Быть может, не все потеряно, и он еще спасется! Но для этого он должен быть вооружен!

Тут же явилась еще одна мысль: нет времени бегать по дому в поисках оружия — тварь может появиться в любой момент, и тогда смерть! Взгляд его лихорадочно шарил по стенам вокруг, пока не остановился на затянутом паутиной проеме — вот оно, то, что ему нужно! Торчит прямо из двери!

Фабиан схватился за рукоять и потянул ее на себя, но та не желала поддаваться, словно была воткнута не в деревянную дверь, а в гранитную скалу! Он хотел было бросить это бесполезное занятие и поискать оружие в другом месте, но вновь появившаяся в самый нужный момент

мысль придала ему сил — этот дохляк Эмерик сумел воткнуть клинок, так неужели же ты, могучий воин, не сможешь вынуть его! Фабиан закусил губу и удвоил усилия — медленно, словно бы нехотя, меч поддался.

Тело Фабиана ныло от напряжения, мышцы налились усталостью, но он не ослаблял усилия. Вот уже половина лезвия снаружи. Еще немного, еще... Он рванул, не в силах больше ждать, и ему показалось, что остаток клинка вылез сам собой.

Не удержав равновесия, он повалился на пол, тяжело дыша, но довольный сознанием того, что победил, не поддался обычному искущению бросить трудное дело на попуги и заняться чем-то другим.

Он отдыхал и смотрел на дверь, не в силах оторвать взгляда от освобожденного отверстия, из которого потянулась к нему черная струйка дыма. К нему? Почему к нему? Почему не к потолку, как полагается любому порядочному дыму?

Когда черное ледяное щупальце коснулось тела, он вдруг понял все и попытался вскочить на ноги, с единственной мыслью — бежать, бежать как можно скорее! Все равно куда — лишь бы подальше от этого места!

— Вреш-шь, не уйдеш-шь... — леденящий душу могильным холодом голос возник внутри головы, заставив застыть, волосы подняться дыбом, заморозив так и не вырвавшийся из судорожно развернутого рта вопль ужаса. Холод быстро распространялся по телу.

— Вон отс-сюда-а!..

Фабиан почувствовал увесистую оплеуху, и ему показалось, что верхняя половина его тела разделилась надвое, и он смотрит на самого себя словно со стороны. Он потряс головой, пытаясь избавиться от наваждения, но оно не желало пропадать.

— Я сказал — вон!

Голос звучал все энергичнее и звучал уже не в голове, и это отрадное на первый взгляд обстоятельство заставило Фабиана содрогнуться, когда он со смесью удивления и ужаса увидел, что говорит, оказывается, он сам, точнее — его тело, лежащее на полу!

Едва он осознал это, как второй удар едва не выбил из него дух, и он еще больше отдалился, увидев свое тело уже целиком и понял, что лишь слабо цепляется за себя руками! Его затрясло — Незримый выставлял его из собственной шкуры, и если он не защитится, то пропал!

— Не-е-ет!

Как ненормальный заорал он и судорожно вцепился в ускользающего себя. Он получил еще один удар, но на этот раз почувствовал злость — это его тело, и никто не имеет на него права, кроме него самого!

Он получал удар за ударом и бил сам, и это было страшно — бить самого себя, но он бил все сильнее, потому что чувствовал, как слабеет сопротивление Незримого. Наконец он решил, что пришла пора, и полез внутрь самого себя через ворот рубахи, словно это было не его живое тело, а лишь пустая скорлупа, за право обладания которой они, два рака-отшельника, дерутся сейчас, и он не желал отступать, потому что знал — ему без этой раковины не жить!

Со стороны это выглядело совсем дико.

Огромный мужчина валялся по полу, отчаянно размахивая руками, словно сражаясь с кем-то невидимым, и впечатление усиливалось зажатым в правой руке мечом. Он лягался, кусался, изрыгал проклятия. Временами слышалось отчаянное — Не-е-ет! — и чей-то дьявольский хохот. Удары сыпались один за другим.

«Как дорожит этот человек своей шкурой и как силен он оказался! Гораздо сильнее, чем я рассчитывал! А главное — сколько шума производит этот ублюдок! — пронзила демона внезапная мысль. — Если сейчас сюда сбегутся остальные, мне придется тут!»

На миг в нем вспыхнула ярость при мысли, насколько он ослаб — душу простого смертного

не в силах вытрясти из тела! Придется вновь идти на хитрость, но смертный об этом еще пожалеет...

Фабиан почувствовал, как мгновенно ослабло сопротивление Незримого, сломленное его мощным натиском, и радостно бросился внутрь себя, но не успел овладеть телом, почувствовать его, как град ударов вновь обрушился на него. Град ударов, от которых мысли путались, обрываясь на полпути. Он почувствовал, что его схватили за шиворот и запихивают куда-то. Он судорожно вцепился в себя руками.

Только не наружу! Нет! Ни за что!

— Сиди тихо... — услышал он внутри себя голос, — и я тебя не трону. Твоя шкура нужна мне лишь на время. Скоро я покину тебя, но сиди тихо.

И Фабиан лихорадочно закивал.

В следующий миг он легко вскочил и прислушался — вдалеке нарастал топот. Кто-то бежал сюда, привлеченный шумом борьбы. Проклятье! Одним движением человек вогнал меч на прежнее место. Нет, все равно они могут догадаться... Они догадаются наверняка! Начнутся расспросы, а он не сможет отвечать сам — они сразу поймут, кто он, а человеку, чья жалкая душонка притаилась, забитая в самый дальний уголок мозга, доверять нельзя. Он неизбежно испортит все дело. Нужно сперва договориться с ним, а на это нужно время.

Он развернулся, схватил со стены длинный, узкий меч и быстро и бесшумно побежал прочь.

— Ну как? Нашла что-нибудь интересное? Мелия покачала головой.

— Я обошла весь второй этаж, но, по-моему, там никто даже не побывал. Во всяком случае, чувство именно та кое. — На миг она замолчала, но почти сразу спросила: — А ты?

Конан поморщился.

— По-моему, я видел его. Он бесился у двери — наверное решил, что мы засели внутри,бросив его одного. Потом Увидел меня и дал деру, видимо приняв за тварь.

Сказав это, он замолчал. Всю ночь кто-то кого-то ловил и даже теперь, когда тварь убита, а Незримый в ловушке, им опять приходится заниматься тем же!

— Где Зита? Ты уверена, что ваш друг не опасен?

— Совершенно, — она убежденно кивнула, — а Зита поднялась выше. По правде говоря, я думала, что она вернется раньше меня. Видно, ее что-то задержало.

Конан кивнул в ответ на ее слова и добавил:

— Или кто-то. По-моему, нам стоит ее поискать. Мелия тронула его за руку.

— Ты тревожишься напрасно. Когда я спускалась, сто яла мертвая тишина. Если он и спрятался где-то, то только в подвале. Проверить, конечно, надо, но не стоит торопиться. Подождем еще немного, а потом пойдем. Кстати, мне показалось, что ты хотел рассказать еще о чем-то, что могло задержать ее?

— Верно. — Конан кивнул. — В самом начале ночи я пытался выбраться из дома и обнаружил, что окна не открываются. Я подумал, что это ловушка, и очень разозлился.

Мелия рассмеялась и, немного успокоившись, испытывающе посмотрела на Конана.

— Что же ты сделал, когда понял, что тебя поймали? — Девушка с интересом посмотрела на киммерийца.

— Я рассвирепел! — Для полноты впечатления варвар сстроил зверское лицо.

— И только-то?! — Она с деланным удивлением всплеснула руками, и в глазах сверкнули озорные искорки.

— Нет, только сперва, — согласился он.

— А потом?

— Ну, — Конан скромно пожал плечами, — я не привык сдерживаться...

— Я это заметила, — кивнула Мелия, — так что же ты сделал?

— Там у стены стояла ваза...

— И ты смог поднять ее?! — Она вновь всплеснула руками, но на этот раз восторженно-изумленно.

— Почему только поднять? — Он пожал плечами. — Я выбросил ее в окно.

— Что-о?? — Глаза девушки округлились от удивления, на этот раз вполне искреннего.

— Ну, не получилось, — Конан развел руками, — рама вывалилась, ваза раскололась и упала на пол. Чуть ноги мне не отдавила, — пожаловался он.

Мелия смотрела на него изумленными глазами, прекрасней которых Конан еще не видел, хотя немало красивых женщин любило его. Он был молод, и его еще ни разу не посещало намерение более серьезное, чем желание хорошо провести ночь. Ни разу, вплоть до сегодняшнего дня...

Он наклонился к девушке, и она не отодвинулась от него, а наоборот, прильнула, коснувшись щекой его щеки. Конан ощутил ее нежную кожу, вдохнул аромат волос и почувствовал, как сердце бешено заколотилось, словно крича: чего ты ждешь?!

Фабиан стоял, напряженно прислушиваясь. Хотя жарко не было, тело его лоснилось от пота, а дыхание вырывалось хрипом.

— Ищи колдуныю, — услышал он внутри себя голос, — только колдуныя сможет помочь нам — тебе и мне. Если сделаешь все как надо, я отпущу тебя. Если нет... — Некоторое время демон молчал, давая человеку возможность по достоинству оценить оба варианта, затем спросил: — Согласен?

— Да, да! — лихорадочно закивал Фабиан. — Я все сделаю!

— Тогда заткнись и шагай! Молча!

Фабиан не посмел издать ни звука, но вновь закивал, выражая согласие, и побежал вверх по ступеням. На площадке второго этажа он прислушался. В гулкой тишине ему почудились легкие шаги, и он обрадовался, но голос внутри коротко бросил: «Поднимись выше — тебя не должны видеть!» Он не стал спорить, потому что теперь даже не думал, что делает, лишь тупо выполнял команды. В несколько прыжков преодолев половину оставшегося подъема, он остановился и вновь прислушался.

Шаги приближались, пока он не услышал их прямо под собой.

— Зита! — услышал он негромкий возглас и понял, что Мелия зовет сестру.

Ответа не последовало, а это означало, что девушка уже Ушла или наоборот — все еще бродит наверху. Мелия начала осторожно спускаться — видно, не взяла с собой огня.

Звук легких шагов становился все тише, пока не сделался совершенно неслышным, и только тогда Фабиан бросился наверх. Сам не понимая, почему так торопится, он знал лишь, что должен как можно быстрее отыскать Зиту.

Одним махом он оказался на верхней площадке и прислушался — ни звука, ни малейшего шороха, указывавшего на присутствие здесь человека, не прозвучало, но Мелия звала, и если Зита спустилась раньше, он неизбежно должен был бы столкнуться с ней, но этого не произошло. Значит, она здесь.

Все так же бесшумно ступая, он свернул налево и, добежав до первого поворота, осторожно выглянул из-за угла, но никого не увидел. Тогда, так же бесшумно, он развернулся и побежал обратно. Теперь отделанные серым с красным полированым гранитом стены мелькали слева от него, а окна справа, но ему не было до этого дела. Он бежал, с радостью ощущая, как наливается силой тело, как он становится прежним!

В голове гвоздем сидела мысль: «Сейчас я найду Зиту. Она должна освободить меня — дать то, чего хочу сейчас больше всего на свете!» Эта мысль пьянила его. Он сам не заметил, как свернул раз, второй и остановился как вкопанный.

Впереди у окна стояла девушка. Она облокотилась о подоконник и смотрела в окно. Ее тело в потоке лунного света показалось Фабиану божественно прекрасным, почти нереальным в своем совершенстве, а резкая игра света и тени лишь подчеркивала соблазнительные формы юного тела.

«Она должна!.. — пульсировало в мозгу. — Проклятая ведьма! Она должна мне слишком много, и теперь вернет все!»

Он бросился вперед, мощно и стремительно, как молодой лев, долго кравшийся во тьме и вдруг почувствовавший, что добыча близка и решающий момент настал.

Зита смотрела на лунный пейзаж за окном и думала о том, что вот, наконец, и подошел к концу ночной кошмар, который, казалось, никогда не кончится. Скоро рассветет, она снимет заклятье, и они уйдут из этого дома, едва не ставшего их могилой.

Ей вдруг пришло в голову, что дом не просто построен в форме пентаграммы, он имеет форму неправильной пентаграммы! Его пропорции придавали ему очертания гроба со слегка заостренной верхней гранью! Ей впервые пришло в голову такое сравнение, и она почувствовала неприятный холодок, пробежавший по телу, но тут же одернула себя — ну что за глупые аналогии!

Она едва не рассмеялась, отгоняя глупые страхи, но смех так и не сорвался с ее губ — для Эмерика этот дом и в самом деле стал гробом!

Нет! С нее хватит! С завтрашнего дня никакого колдовства! Хватит! Начиталась глупых сказок! Что с того, что одна из ее пррабок была колдуньей, вознамерившейся овладеть силой бога-паука? И почему она возомнила, будто именно она — та девочка, которой суждено осуществить то, что не удалось старой ведьме?! Да даже если и так? Разве не ее право выбирать, как ей жить? Она молода и красива. У нее есть все, что нужно для счастья — к чему ей колдовство?

Власть? Да разве власть может дать счастье? Счастье дарит лишь любовь! При этой мысли в груди у нее потеплело. Она невольно подумала о Конане, но в этот момент услышала нарастающий топот и обернулась.

В первый миг она удивилась и обрадовалась — наконец-то он нашелся! — но, встретившись с обезумевшим взглядом мчавшегося на нее мужчины, увидев меч, зажатый в правой руке, испугалась не на шутку. Неужели Конан оказался прав, и Фабиан на самом деле свихнулся?

Она попыталась улыбнуться, но улыбка застыла на лице, когда она увидела прямо перед собой его горящие черным пламенем глаза, услышала тяжелое дыхание. Он бежал прямо на нее, но словно не видя ее. Да он хочет ее убить! Она растерялась, не зная, что делать, лишь коротко вскрикнула и заслонилась руками, словно это могло спасти ее.

В следующий миг Зита почувствовала удар, словно ее смело лавиной, мир опрокинулся. Потолок, стены, окна — все закружилось в безумном хороводе, и она почувствовала, что падает. Она не знала, потеряла сознание или нет, но вновь начала осознавать происходящее, когда оказалась прижатой к полу тяжелым телом Фабиана и почувствовала на лице его тяжелое, горячее дыхание.

— Что... Что ты делаешь?

Она почувствовала, что губы его настойчиво ищут ее губы, и отчаянно замотала головой, словно это могло помочь ей спасти. Его трясущиеся руки ощупывали ее тело, лихорадочно раздирая в клочья одежду. Она ощутила грязь прикосновения его потного, волосатого тела, от которой не отмыться до смерти, и тут, наконец, до нее дошло, что ему нужно.

Она поняла, чего он хочет, и отчаянно заизвивалась, пытаясь вырваться, но этим лишь сильнее возбуждая насильника, который, несмотря на свою силу, никак не мог добиться чего хотел.

— Никуда ты не денешься, проклятая сука! — прохрипел Фабиан чужим голосом. Удары градом посыпались на нее. В остервенении он бил по лицу, по рукам, грубо ломая ее сопротивление, возбуждаясь от этого все сильнее. — Я все равно получу то, что мне нужно!

Зита чувствовала, что слабеет. Мир заволокло туманом. Голова, как у тряпичной куклы, брезвально болталась из стороны в сторону — она почти потеряла сознание, когда тело ее пронзила острые боль, и она закричала жалобно и обреченно, запоздало вспомнив, что они не одни в этом проклятом доме!

Фабиан победно зарычал, и тело его ритмично задвигалось, а зубы впились в нежную плоть, и Зита вновь закричала, на этот раз безысходно, предчувствуя приближение чего-то ужасного. Фабиан откинулся, победно глядя на покрытую самку. Он увидел на ее лице лишь отвращение и боль, но ему было уже все равно — он чувствовал приближение своего торжества.

Вот сейчас!

Фабиан замер и посмотрел в глаза жертве. Вот он, сладостный миг! Спазм наслаждения скрутил его тело, и никогда еще он не длился так долго! Бесконечно...

Победный вопль самца разнесся по дому.

Едва это случилось, как, слившись с потоком мужской силы, Незримый скользнул вниз и слился с сознанием девушки. В первый миг Зита невольно изумилась, почувствовав вдруг, как отвращение сменяется дьявольским, необъяснимым наслаждением, но это был лишь краткий миг. Сознание Незримого овладело ею, и она начала воспринимать его восторг, как свой, уже не удивляясь ему, лишь чувствуя, что сила переполняет ее, пьянит, но она требовала еще и еще...

Ей нужна была вся сила!

Фабиан, освободившийся от Незримого, с ужасом взирал на девушку, которую насиловал. Только что она бешено сопротивлялась, а теперь вдруг забилась в экстазе, отдаваясь ему с жаром, совершенно неестественным для молоденькой девочки.

— Отдай мне всего себя!

Это был голос Зиты, но Фабиан узнал в нем знакомые интонации и в ужасе посмотрел на девушку, еще не понимая, но уже чувствуя, что случилось. Она впилась торжествующим взглядом в его глаза, и он в отчаянии задергался, но не смог оторвать взгляда от ее горящих неистовыми огнем глаз. Он чувствовал, как силы покидают его, словно он тяжело, смертельно болен.

Ужас его усиливался, как сильнее становился и злорадный восторг девушки, вдруг превратившийся из жертвы в охотника. Он уже знал, что умирает, но поделать ничего не мог и последним, что он видел, был злобный, торжествующий взгляд прекрасных глаз юной колдуньи...

— За что? Великий Митра?! — прошептал он, и уста его сомкнулись навсегда.

Округлившиеся от ужаса глаза Фабиана так и остались безумно выпущенными, рот застыл в беззвучном вопле, — но напрасно. Сморщенное тело глубокого старика брезвально повалилось на пол, руки раскинулись, и правая легла на оброненный меч, словно в напоминании о том, кем он был, кем мог бы стать и кем стал.

Конан резко отпрянул от девушки и прислушался. Мелия открыла глаза и томно посмотрела на киммерийца, не понимая, что встревожило его и еще не решив — сердиться ей или обратить все в шутку.

Мелия хотела что-то сказать, но вместо этого невольно прислушалась — и ей послышался слабый зов.

Очень далекий, заглушенный расстоянием... такой, каким и должен был быть крик, проделавший долгий путь по коридору, слетевший по лестнице и, на исходе сил, преодолевший остаток пути до зала.

Она вскочила, часто дыша от волнения, но это было не то волнение любви, которое она

испытывала мгновение назад — это было волнение страха от предвидения неотвратимой беды. Она в ужасе посмотрела на Конана.

— Бежим! — Он схватил ее за руку и буквально потащил за собой — сама она со страху не смогла бы сделать и шага.

Вновь все завертелось, словно в бреду, как в страшном сне, назойливо возвращавшемся каждую ночь. Только что она чувствовала себя настолько счастливой, что даже сама боялась поверить своему счастью, и вдруг чье-то злое колдовство ворвалось в жизнь, в который уже раз закружиив в страшном водовороте, из которого Конан только что с таким трудом вытащил ее.

Стены, окна, ступени — все замелькало перед глазами, и она даже не поняла, в какой момент Конан подхватил ее безвольное тело на руки и огромными прыжками помчался вверх по лестнице.

Она вновь пришла в себя, только когда почувствовала пол под ногами и услышала голос Конана:

— Я убью этого мерзавца!

На полу, уперевшись затылком в стену, лежал Фабиан, и стеклянными глазами неотрывно смотрел в окно, словно увидел там что-то интересное.

Впрочем, Фабиан ли это был? На человеке была одежда Фабиана, в этом не было сомнений, но лицо... Кожа на лице и руках была сморщенной, словно у столетнего старца, и все-таки это был он. Но что здесь произошло?

Вид Фабиана так сильно поразил Мелию, что она только сейчас посмотрела на сестру и то, что увидела, заставило ее вздрогнуть. Зита, скавшись комочком, сидела у стены, судорожно пытаясь прикрыть нагое тело жалкими лохмотьями, оставшимися от роскошного наряда. Она ни на кого не смотрела, тело ее мелко дрожало от сдерживаемых рыданий.

Мелия в растерянности посмотрела на Конана, но вид его лишь добавил ей отчаяния. Огромный варвар стоял, переводя взгляд с Зиты на Фабиана, и озабоченно хмурился, словно силясь поймать ускользающую мысль.

«Он что, тоже свихнулся?» — мелькнула дикая мысль.

— Да сделай же что-нибудь! — в отчаянии закричала она, но Конан хмуро посмотрел на нее и сказал то, чего она совсем не ожидала услышать.

— Что-то здесь не так. Я никогда не брал женщин силой, но тем не менее знаю, что делают это ради удовольствия.

— Да о чем ты говоришь?! — закричала она. — Ты что — тоже сошел с ума?!

Но Конан продолжал говорить, словно и не слыша ее.

— Посмотри на своего приятеля — что-то он не очень похож на счастливца.

Мелия готова была броситься на варвара с кулаками, но невольно посмотрела на распростертое на полу тело и содрогнулась, словно только теперь осознав то, что предстало ее взору.

— Да что же это такое?

Она перевела растерянный взгляд на сестру, словно требуя У нее объяснений, и только теперь заметила, что та уже не плачет, а просто сидит в прежней позе, молча прислушиваясь к их разговору.

И тогда Мелия, видя, что никто ничего не желает объяснять, шагнула к стене и склонилась над Фабианом.

— Что с ним?

И лишь тогда Зита впервые заговорила:

— Оставь его, он больше ничего не скажет.

Она медленно подняла голову, и Конан, собравшийся что-то сказать, замер, пораженный ее

видом. Не изодранной одеждой, не избитым телом, а лицом.

Он видел те же черты, но что-то неуловимо изменилось. Настолько неуловимо, что даже нельзя было сказать что, но от тихой доброты и девичьей стыдливости не осталось и следа.

Жесткость, даже жестокость появилась во взгляде, а черты стали суровыми. Во всем облике чувствовалась необъяснимая уверенность силы, и что-то подсказало Конану, что девочка эта может оказаться куда опасней своего незадачливого кавалера.

Не сводя взгляда с Конана, она медленно встала. На сестру она не обращала ни малейшего внимания, словно той и не было рядом. Когда она поднялась, на лицо ее легла улыбка, вызывающая, похотливая улыбка дешевой портовой шлюхи, но в отличие от последней в глазах у нее так и осталась холодная оценивающая настороженность.

— Ты сетовал на то, что у меня нет плоти? Посмотри — разве я не красива? Возьми же меня, варвар, и я подарю тебе мир! Сделаю величайшим из смертных!

Обрывки одежды перестали прикрывать наготу, и она застыла в вызывающей позе, призывающе глядя на Конана, который лишь окинул ее брезгливым взглядом.

— Я вижу, Фабиану его порция счастья пришла не очень-то по вкусу! Прости, но я привык всего добиваться сам.

Улыбка сползла с ее лица, уступив место злобной мстительности, но она тут же улыбнулась вновь, на этот раз пренебрежительно, как глупцу, отказавшемуся от предложенного ему несметного богатства.

— Ты уже не хочешь меня? Брезгуешь? Ну что ж, — насильно мил не будешь. Отдай мне талисман, Конан, — она чуть наклонила голову, глядя на него исподлобья, но все еще не переставая улыбаться, и протянула вперед левую руку, — и можешь убираться вместе с моей дурой-сестрой!

— Ты уже спрашивала о нем, если помнишь. — Конан выглядел совершенно спокойным, словно это был обычный, ничего не значащий разговор. — Я не могу отдать тебе камень — за него уплачено вперед, и заказчик ждет меня с ним завтра.

— Ты отказываешь мне даже в такой безделице? — Она не изменила позы, и даже интонации ее остались прежними. — Считаешь ее чрезмерной платой за две никчемные жизни? Ну так я возьму и то, и другое! Теперь тебе остается убить меня, если сможешь, иначе пожалеешь, что родился на свет!

Любящее сердце подсказало Мелии, что будет дальше, и Зита не закончила еще говорить, когда она протянула руку, желая предупредить Конана, а мгновением позже раздался ее пронзительный крик:

— Конан!

Он почувствовал на своем плече руку, а крик услышал уже позже, когда, выпрыгнув из-за спины, меч замер в его руке.

Но на этот раз ее предупреждение не спасло Конана. Непонятно как Зита вдруг оказалась с ним рядом, и толчок в грудь был настолько силен, что впечатанный в стену Конан едва не потерял сознание. На миг у него потемнело в глазах, но этого краткого мига Зите оказалось достаточно. Она повторила маневр и вновь очутилась рядом с Конаном, вырвав талисман из-за пояса.

Она двигалась рывками, как и сгоревшая тварь, мгновенно меняя позы, заставляя тело свое замирать в самых неестественных положениях, и это выглядело дико и страшно.

Затем она отскочила на прежнее место и замерла с вытянутой к окну рукой, с зажатым в ней мешочком с талисманом, а Мелия, словно завороженная, смотрела, как он раскачивается из стороны в сторону на тонком кожаном шнурке.

— Видишь, как все просто, глупый варвар! Ты отказал мне в такой безделице и за это

умрешь — ну не обидно ли?

Она хотела сказать еще что-то, но в этот момент Мелия, повинуясь безотчетному порыву, ударила по держащей талисман руке. Ей показалось, будто удар пришелся по мраморной статуе, слабая ладонь соскользнула с каменной десницы, и пальцы скользнули по мешочку. Шнурок лопнул, и талисман полетел на пол.

Зита удивленно посмотрела на сестру.

— А я и забыла о тебе, милая. Досадная оплошность... Звонкая пощечина отбросила девушку к ногам Конана.

Сталь клинка, который она держала в руке, обиженно зазвенела, упав на каменные плиты пола. Мелия судорожно дернулась и прижалась к стене. Грудь ее высоко вздымалась при каждом вздохе, из носа потекла тонкой струйкой кровь, в голове звенело, а в глазах, которые она не в силах была отвести от сестры, застыл ужас.

— Ты никогда не понимала меня. Жаль. А ты, Конан, тоже учишься на своих ошибках? — Она протянула к нему руку. — Подними талисман и дай мне.

Киммериец не шевельнулся.

— Возьми — он твой.

Она вновь, рывком, дернулась вперед, но на этот раз не столь удачно, как прежде — и отлетела назад, наткнувшись на руку варвара.

Она неестественно выгнулась и зашипела на человека, повторяя все повадки твари, и от этого сочетания прекрасного девичьего тела и неестественных движений монстра мороз пробрал Мелию. Она смотрела на сестру, и ей казалось, что еще немного, и она сойдет с ума, став третьей жертвой Незримого.

Зита подхватила валявшийся на полу меч и бросилась на Конана. Сталь зазвенела, встретившись со сталью, но Мелии этот звук казался погребальным звоном.

Девушка знала, на что способен Конан. Она видела, что и сейчас он дерется, экономно расходуя силы, избегая лишних движений, искусно защищаясь, нанося ювелирно выверенные удары, но тоска безысходности накатилась на нее. Она не верила, что он сможет выстоять, а тем более — победить! Силы демона, даже принявшего облик слабой девушки, неизмеримо больше, а киммериец, лишенный защиты талисмана, мог рассчитывать лишь на себя, в то время, как демон мог вполне пожертвовать этим телом, с тем чтобы завладеть новым, хотя бы даже и ее, Мелии, телом.

При этой мысли ей едва не сделалось дурно.

Неужели ничего нельзя поделать? Неужто это конец?

Взгляд ее судорожно заметался в поисках маленького мешочка, валявшегося где-то рядом. Она уже не обращала внимания на сражавшихся и потому не видела, что атаки новоявленной твари с каждым разом становятся опаснее, что она неумолимо подбирается к Конану, которому становится все труднее обороняться.

...Незримый чувствовал, что одерживает верх. Его выпады пресекались в опасной близости от тела врага. Он чувствовал, что еще немного — и достигнет своего, но вот этого последнего шага никак не мог сделать — словно кто-то невидимый помогал его противнику. Острая сталь, направленная его волей, в руке слабой девушки, в одночасье превратившейся в могучего воина, замирала, будто что-то препятствовало ей впиться в плоть варвара.

И вдруг его осенило. Проклятая девчонка, чей дух он второпях лишь подавил, не посчитав нужным вышвырнуть из тела, мешала ему, защищая своего возлюбленного! А он не может отвлечься, чтобы изменить это! Оставалось только одно. Он сменил тактику и, выбрав момент, поднырнул под руку, оказавшись вплотную к Конану.

Наконец-то!

Однако мощный удар невооруженной руки заставил поглощенное Незримым тело, кувыркаясь, отлететь назад. Туда, где лежал у стены уничтоженный им человек.

Фабиан лежал без движения, неотличимый от трупа, но он не умер, хотя жизнь едва теплилась в его жестоко изуродованном теле. Он был живым трупом... только так и можно было определить состояние, в котором он находился, то проваливаясь в блаженное небытие, избавлявшее на время от страданий, чтобы после краткого мига забвения очнуться, мечтая о последнем ласковом прикосновении смерти, ее нежных объятиях...

Шум драки заставил его в очередной раз очнуться, изменив ход мыслей.

Некоторое время Фабиан не мог понять, где он и что с ним случилось. Он даже не мог вспомнить кто он. Лишь с трудом приподняв каменные плиты век и увидев сражающихся, он мгновенно вспомнил все: и себя, и Зиту, и Мелию, и Конана, равно как и все, что произошло между ними.

Он знал, что Незримый покинул его тело, но злость и ненависть, так долго внушаемые демоном, остались. Правда, теперь они обрели иную цель. Ненавидящим взглядом он смотрел на Зиту, которая заманила его в этот дом и убила!

Убила!

Эта простая мысль показалась ему дикой, ведь он был еще жив! Но он сознавал ее истинность, ибо то был лишь последний всплеск, перед тем как душа его предстояло отправиться на Серые Равнины. Так зачастую, затрещав, вспыхивает огонь перед тем, как угаснуть окончательно. Он взмолился Митре, моля даровать ему сил хотя бы на краткий миг, на время, достаточное, чтобы отомстить за себя!

Его рука с трудом нашупала рукоять меча, валявшегося рядом, но сил поднять его не было. Он готов был заплакать от обиды, завыть волком от злости! Помянув Митру, он напрягся, вложив в это последнее движение все, что мог, все, что у него оставалось...

Медленно, медленно кончик меча поднимался вверх, и когда существо, еще недавно звавшееся Зитой, а теперь принадлежавшее Незримому, отброшенное рукой Конана, упало на Фабиана, на пути его оказался клинок, ужаливший нежное тело между грудей и мгновение спустя вылезший со стороны спины.

Смесь боли и изумления легла на лицо девушки, придав ему на время человеческое выражение, но это был лишь краткий миг. В следующее мгновение она посмотрела на рукоять, торчавшую из тела, перевела взгляд на Фабиана я глухо зарычала. Лицо сделалось злым, нежные черты исказила яростная усмешка.

— А-а! Так ты еще не издох?!

Одним усилием воли она вышибла из бедняги дух. Только волей! Ее рука так и не коснулась лежащего, но теперь он был несомненно мертв.

Душа Фабиана, видимая лишь Незримому, завывая от страха и боли, бросилась назад, к своему телу, но напрасно — оно было мертвое.

Зита дико расхохоталась.

— Я оставила тебя в покое, как обещала, но тебе захотелось мести! Так прими же мою! — Она вновь дико расхохоталась и, рывком выдернув из своей груди меч, резко обернулась к Конану.

Киммериец не понимал, с кем она говорит, и что означают ее слова. Он знал лишь, что другого такого момента ему не представится, и не раздумывая метнул меч. В тот же миг Зита обернулась, но лишь затем, чтобы успеть увидеть сверкнувшее в лунном свете острие клинка, входящего ей под левую грудь.

С воплями ужаса душа Фабиана бросилась прочь, но люди этого не слышали, а Незримому было наплевать.

Глаза Зиты вылезли из орбит, рот распахнулся, исторгнув рев дикого зверя, но увернуться она уже не могла. Острая сталь рассекла нежное тело, безжалостно перерезав нить жизни, и это было концом — существовать в теле с рассеченным надвое сердцем не мог даже Незримый, мгновенно понявший, что нужно немедленно найти новое или бежать!

Рев монстра сменился жалобным предсмертным стоном несчастной девушки, и Мелия от жалости и страха едва не лишилась чувств, но тут же взяла себя в руки — это не было концом. Темное облако, полностью повторяющее формой тело сестры, отделилось от нее и тут же начало меняться, на миг обретая зримые черты истинного облика Демона.

— Конан! — Мелия бросила мешочек с талисманом, и Конан подхватил его на лету. Картинка из колдовского сна проплыла перед глазами: стигиец смотрит на талисман и гибнет... Не задумываясь над тем, что делает, он нацелился в тело черной твари и резко сжал мешочек. Круглый камешек вылетел из его руки, словно выпущенный из пращи, и Мелия не успела опомниться, как он оказался у груди скованной путами страха черной фигуры.

Глаза Незримого вылезли от ужаса из орбит, обнажив всю черноту его бездонной души, когда он увидел, как, словно в дурном сне, к сердцу его подлетел маленький, сияющий солнечным огнем шарик и вонзился в мрак плоти.

Пасть разверзлась в предсмертном оскале. Чудовищный вопль сотряс стены дома, заставив Мелию зажать голову руками и отвернуться, чтобы не видеть, как ужасно корчащееся тело демона сморщивается и бледнеет, теряя плотность, становясь полупрозрачной тенью, остатки которой, закрутившись безумным вихрем, свертываются воронкой, в самом конце которой огненным оком горит, пожирающий его, огонек талисмана. Последний клочок потерявшего плотность мрака со свистом всосался внутрь, и наступившая вслед за тем тишина показалась им нереальной и жуткой.

Некоторое время двое оставшихся в живых не в силах были двигаться, словно боялись показать кому-то неведомому, затаившемуся рядом, что они, несмотря ни на что, не умерли, что все начнется сначала.

Первым очнулся Конан.

Он бросился к Мелии и поднял ее, придерживая за талию. Быть может, ему не следовало делать этого, ибо девушка едва держалась на ногах. Она упала Конану на грудь и залилась слезами.

— Как это страшно! Как страшно, Конан!

— Ну, ну! Все уже позади, поверь мне, девочка. Повинуясь какому-то внутреннему побуждению, она вдруг обернулась и замерла, глядя на неподвижные тела Зиты и Фабиана, лежащие рядом. Теперь, когда смерть успокоила их навеки, избавив от сомнений и тревог, надежд и желаний, лица обоих выглядели спокойными и умиротворенными, — даже изборожденное старческими морщинами лицо Фабиана. Лишь раны и кровоподтеки напоминали о выпавшем на их долю.

Мелия склонилась над сестрой и, поцеловав ее в губы, закрыла мертвые глаза, которым не суждено увидеть ничего более. Ни улыбки любимого, ни синего неба, ни родных людей... Эта мысль показалась ей невыносимой. Она вскочила и прижалась к широкой груди киммерийца, ища в его силе успокоения.

— Как это страшно, Конан, — повторила она, чуть успокоившись. — Эти двое хотели этой ночью подарить друг другу любовь...

— А подарили смерть! — закончил ее мысль киммериец.

— Как это страшно, Конан, — в который раз повторила она, — страшно и... несправедливо! Варвар печально вздохнул.

— Да. Это так, но в жизни часто бывает, что находишь совсем не то, что ищешь.

Глава двенадцатая

Конан склонился, разглядывая лежащий на полу камень с почти невидимым теперь тельцем паука, неведомым образом попавшим в его середину, потерявший свой солнечный цвет, потемневший, словно прогоревший на костре кусок дерева, местами сделавшийся черным и лишь в одном месте, над головой паука, не утративший былой прозрачности.

«Как видно, душа Незримого оказалась слишком черна даже для всей светлой силы, запасенной камнем», — подумал киммериец, бережно укладывая талисман в мешочек и старательно затягивая шнурок.

Покончив с этим, он обернулся к Мелии.

— Пойдем, детка, не годится тебе оставаться здесь. Она грустно покачала головой, не в силах оторвать взгляда от распластертого на полу тела сестры.

— Не имеет значения, Конан — мне этого никогда не забыть.

Киммериец не стал спорить, понимая, что она права. Он просто молча повел ее прочь, подальше от этого места, и ночное небо за окном уже не казалось таким темным — близился рассвет, и край неба окрасился алым.

«Цвет крови, — подумал Конан невольно. — Крови, пролитой этой ночью...»

Они спустились по выщербленным ступеням лестницы, прошли по погрузившимся в темноту коридорам первого этажа, где почти не было окон, а факелы давно догорели, я наконец пришли в зал, в котором судьба впервые столкнула четверых беззаботных людей и Конана.

Видно та же мысль пришла в голову и Мелии, потому что она вновь ткнулась ему в плечо, и они долго стояли так, глядя в огромное окно, на занимающуюся на востоке зарю.

Сама того не заметив, Мелия перестала плакать — рождающийся у нее на глазах новый день против воли породил в ней и новые надежды. Надежды на лучшее, уверенность в том, что вместе с уходящей ночью все дурное останется позади. Закончилась тьма ночи, и впереди день! Первый из бесконечной череды дней, в которых не будет больше крови, не найдется места страха. Лишь свет и счастье! Ведь с ней теперь будет он — ее Конан!

И хотя мысли эти не могли до конца изгнать из сердца боль и тоску, очистив место для покоя и радости, — слишком свежа еще была утрата — но они несли облегчение, а это в ее положении уже было немало.

Она посмотрела в глаза Конану.

— Ты помнишь, что нам не выйти отсюда? Нет, нет! Я не жалуюсь — я всю жизнь готова прожить здесь, лишь бы ты был рядом!

— Ну зачем же здесь?! — рассмеялся Конан. — Обернись и посмотри, какой огромный мир ждет нас!

Она недоверчиво покачала головой, и грустное счастье — радость, густо замешанная на боли — застыло на ее прелестном личике. Конан рассмеялся, но вовсе не потому, что ему было весело. Просто он не мог, не имел права допустить, чтобы ее затянуло в болото уныния. Не для того он спас ее, не для того она перенесла столько бед, превозмогла столько боли, чтобы теперь, когда все осталось позади, сломаться, не выдержав тяжкого гнета памяти!

— Я не шучу!

Он принял срывать со стен гобелены и сваливать их в кучу посреди зала. Две свечи на столе еще не догорели, и Конан бросил подсвечник в середину тряпичной горы. Пламя быстро занялось, и он добавил туда же пару кресел, предварительно обломив спинки с ножками.

— Что ты делаешь?

Она смотрела на Конана, ничего не понимая, но он лишь рассмеялся, ничего не объясняя, и вдруг она сама поняла, когда колдовская книга Зиты — прежде роскошная, а теперь обернувшаяся жалким ворохом обгоревшего пергамента — книга, до сих пор хранившая на своих пожелтевших страницах проклятые заклинания, ввергшие людей в такое множество несчастий, полетела в середину костра.

Пламя охотно приняло ее в свои жаркие объятия, окрасившись на миг алым светом. Не обращая больше внимания на огонь, Конан обнял девушку за плечи и подвел к окну.

Алые отблески разведенного киммерийцем костра, текущие по стеклу кровавыми сполохами, исчезли, смытые золотом показавшегося из-за горизонта солнечного диска. Ни листок не шелохнулся на деревьях в саду за окном, лишь пламя за спиной все яростнее гудело, набирая силу, — словно и оно жадно впитывало льющуюся в окно огненную мощь Митры — готовясь освободить людей. Яркая зеленая вспышка опалила им спины, на миг поглотив собой мир за окном, придав зелени трав и деревьев изумрудный оттенок, напоив их, заставив сочиться этой силой.

Молния вспыхнула в безоблачном небе над домом и ударила, казалось, в самую середину здания, прямо в центр разведенного на полу костра, а когда раскат грома расколол тишину раннего утра, стекла не выдержали и искрящимися на солнце осколками брызнули наружу. Свежий ветер ворвался внутрь вестником освобождения. Мелия подставила ему лицо и закрыла глаза, а всепобеждающий свет Митры омыл их золотым сиянием.

Мир стал ярче и светлее. Он звал и манил. Казалось, сам воздух звенел торжественным гимном — вы победили!

Конан поднял девушку на руки и вынес в заросший парк. Ее руки обвили его шею, глаза смотрели в глаза, я кроме них, она не видела больше ничего. Она не помнила, когда и где заставила его опустить себя на землю, взяла за руку и потянула за собой. Ноги сами привели ее на дальнюю, окруженную кольцом кустарника поляну в самой глухой части парка. Здесь она оставила киммерийца и, отступив от него на два шага, долго смотрела на своего избранника.

Конан видел, как сменяют друг друга на ее лице все те чувства, что довелось ей пережить нынешней ночью: радость и боль, счастье и горе, ненависть и любовь... пока, наконец, не осталась одна любовь, вытеснив собой все.

Мягкий шелк разноцветными волнами скользнул на траву, обнажив для любви тело богини, и Конан почувствовал, как кровь застучала в висках, а руки задрожали.

— Кр-ром!

Он шагнул навстречу рванувшейся к нему девушки и сдавил в объятиях ее горячее тело. Она почувствовала обжигающий жар его дыхания, прикосновение раскаленных губ, задохнулась восторгом и судорожно задышала, чувствуя, что ей уже не хватает воздуха. Волна наслаждения пробежала по телу, мир перед глазами закружился.

Ей казалось, что она стала невесомой, ноги перестали касаться земли, и она летит, сотрясаемая накатывающимися одна за другой волнами восторга. Она стонала от счастья и плакала от любви. И когда поверила, что это будет длитьсяечно, вдруг почувствовала приближение чего-то неведомого доселе и на краткий миг замерла.

То, что подобно лавине обрушилось на нее мгновением позже, было почти болезненным, против воли заставив гибкое тело выгнуться, то ли в попытке остановить, то ли наоборот — еще более усилить это чувство, которое и без того неудержимо нарастало. Она вдруг поняла, что еще немного, и умрет! Умрет от любви и счастья, не выдержав пытки наслаждением!

...Конан сидел в таверне старого Абулетеса и молча потягивал вино. У него чесались руки от желания свернуть тощую шею стигийца, но тот опаздывал, и киммерийцу поневоле пришлось отложить свое намерение на неопределенное время. «Впрочем, — успокоил он себя, — вряд ли

ожидание продлится излишне долго».

Он вынул из-за пояса мешочек, взвесил его на ладони, невольно задумавшись о том, насколько зыбко и неверно все построено в мире, и от каких мелочей зависит порой человеческая жизнь. Ведь опоздай он всего на миг, и потайная комната стала бы для него недоступной, прежде чем он сумел достать талисман.

Что произошло бы вслед за этим, угадать было нетрудно, но думать об этом не хотелось. Конан не страдал излишней чувствительностью, но был уверен, что на этот раз память его долго не успокоится, услужливо напоминая о Зите и Фабиане. Как живое, являлось пред его внутренним взором это зрелище — тело молодого, могучего мужчины, превращенного злой силой монстра в сморщенного, обездвиженного старца, едва нашедшего в себе силы, чтобы на локоть приподнять над полом кончик меча.

Правда, в самый нужный момент... Эти два случая начали и завершили невероятную череду случайностей, редчайшего стечения удачных обстоятельств, позволивших им остаться в живых!

Впрочем, и все остальное в этот вечер было странным. Странным и отвратительным, как дурной сон. Мужчины оказались ни на что не годными, а молоденькая девочка едва не угробила всех, приняв мощь древней магии, оказавшейся у нее в руках, за игрушку, призванную позабавить веселую компанию...

А своенравная игрушка вырвалась из ее рук и уничтожила ее саму и еще двоих!

Впрочем, нельзя было снять вины и с погибших. И дело вовсе не в том, что судьба Фабиана была глубоко безразлична Конану. Просто этот сильный, вполне способный постоять за себя мужчина весь вечер вел себя так, словно решил покончить с собой, лишь сомневаясь в выборе способа. Тем более безразличен был ему Эмерик, который давно уже не жил, лишь день за днем удовлетворяя свою все более ненасытную похоть, находя для этого все более изощренные и извращенные способы.

Зато воспоминания о Зите, несмотря на то, что она явилась главной причиной постигших всех бед, доставляли ему боль. Он невольно представил себе, что чувствовал бы сейчас, окажись на ее месте Мелия, и нахмурился. Даже в мыслях он не произнес этого слова — любовь — но чувство, которое оно обозначало, уже родилось в нем. Он понял, что из положения этого существует лишь два выхода: либо остаться в Шадизаре, обзавестись детишками, разлениться, обрасти жирком, начав вести спокойную жизнь степенного, уважаемого всеми горожанина, либо...

Он усмехнулся, представив себя в роли степенного отца многочисленного семейства, и грустно покачал головой — эта роль была явно не по нему.

Оставался второй путь — путь боли...

Он должен убить свою любовь в зародыше, пока она не завладела им настолько, что, лишившись воли, он станет годным лишь на то, что только что отверг.

Появившаяся в дверном проеме неуклюжая фигура стигийца отвлекла Конана от его невеселых мыслей. Он без сожаления выбросил их из головы и довольно усмехнулся, предвкушая развлечение. Жрец пришел за камнем, а киммериец знал, что это теперь действительно просто камень, и все, что он может — это сыграть роль приманки, да и то лишь до тех пор, пока жрец не увидит его собственными глазами.

Впрочем, все, что Конану было нужно — это показать стигийцу, намеревавшемуся получить волшебный талисман, кусок янтаря, лежащий у него за поясом, и последить за его реакцией.

Жрец тем временем подошел к столу, опустился на стул и нервно сцепил пальцы, не сводя внимательных глаз с лица Конана.

— Ну как? Принес? — Он окинул киммерийца настороженным взглядом, словно дивясь про себя тому, что тот до сих пор жив.

Конан молча кивнул и, вытащив из-за пояса мешочек, бросил его стигийцу. Тот жадно схватил его и, трясущимися Руками развязав тесьму, выкатил камень на тарелку.

— Это не талисман! — воскликнул он мгновение спустя. — Ты обманул меня, варвар! Этот камень просто выглядит как тот, но это не он!

— Откуда тебе знать? — вкрадчиво спросил Конан, в свою очередь впившись внимательным взглядом в лицо стигийца.

— В нем нет силы! — выпалил тот и осекся, но было уже поздно.

— Силы?! — Конан сгреб жреца за шиворот и приподнял над столом, словно то был не человек, а чучело, набитое соломой. — Ты прав, колдун, — в нем не осталось силы. Она ушла на то, чтобы спасти пятерых от Незримого, и трое все-таки погибли от его руки!

— А-а! Люди! Помогите! — завопил стигиец, видя, что дело оборачивается нежелательным для него образом. — Проклятый варвар ограбил меня, а теперь хочет убить!

Немногочисленные в этот час посетители с интересом наблюдали за бесплатным представлением, но никто и не подумал вмешаться — Конана, в отличие от чужака, здесь знали все.

— Заткни ему пасть, киммериец, — равнодушно посоветовал Абулетес — Клянусь кишками Нергала — твой приятель дурно воспитан, а я не выношу с утра громких воплей!

Огромный кулак разжался, и стигиец безвольно повалился на стул. Конан окинул его презрительным взглядом и с чувством сплюнул на пол — у него пропало желание пачкать руки. Видимо, он слишком долго ждал.

— Я принес то, что лежало в тайнике, и, можешь мне поверить, этот камень и есть твоя семейная реликвия. — Конан усмехнулся. — Так что лучше забирай его и уходи. Никто не станет подделывать такую дешевку. Как сам ты сказал — она имеет цену лишь для тебя!